

№ 54/50648

ТРУДЫ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1899

ЖУРНАЛЪ

образованной въ гражданскомъ отдѣленіи юридическаго общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ комисіи для разсмотрѣнія проекта „О повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ“.

Совѣтомъ юридическаго общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ предложено было гражданскому отдѣленію сего общества обсужденіе проекта „О повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ“, составленнаго Высочайше учрежденною при Министерствѣ Юстиціи комисіею для пересмотра законоположеній по судебной части.

Во исполненіе сего редакціонный комитетъ гражданскаго отдѣленія постановилъ: по бывшимъ уже въ практикѣ отдѣленія примѣрамъ (при разсмотрѣніи проектовъ вотчиннаго и опекунскаго уставовъ, а также при пересмотрѣ правилъ гражданскаго судопроизводства), образовать изъ г.г. дѣйствительныхъ членовъ юридическаго общества особую комисію для разсмотрѣнія „проекта о повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ“, съ тѣмъ, что по докладѣ гражданскому отдѣленію о составѣ таковой комисіи, а впослѣдствіи и о заключеніяхъ ея по названному проекту, заключенія эти отъ имени юридическаго общества будутъ сообщены Высочайше учрежденной при Министерствѣ Юстиціи комисіи для пересмотра законоположеній по судебной части.

77.

Вмѣстѣ съ симъ редакціонный комитетъ, предложивъ товарищу предсѣдательствующаго въ гражданскомъ отдѣленіи, І. И. Карницкому, предсѣдательствованіе въ имѣющей быть образованной въ составѣ юридическаго общества особой для вышеуказанной цѣли комисіи намѣтилъ тѣхъ г.г. дѣйствительныхъ членовъ юридическаго общества, участіе которыхъ въ означенной комисіи признавалъ особенно желательнымъ и вошелъ въ сношеніе съ предсѣдательствующимъ въ уголовномъ отдѣленіи по предмету участія сего отдѣленія въ трудахъ комисіи.

По соглашенію съ И. Я. Фойницкимъ, который выразилъ одобреніе вышеприведеннымъ предположеніямъ, гражданскому отдѣленію предложены были въ качествѣ лицъ подлежащихъ приглашенію въ комисію дѣйствительные члены юридическаго общества: К. К. Арсеньевъ, Л. В. Барсовъ, М. М. Винаверъ, Л. В. Гантоверъ, В. Н. Герардъ, А. А. Герке, В. М. Гессенъ, И. А. Ивановскій, С. О. Костровицкій, В. О. Люстихъ, П. В. Макалинскій, Л. А. Носовъ, Н. А. Полетаевъ, В. Д. Спасовичъ, А. Н. Турчаниновъ, И. С. Цвѣтковъ, Н. И. Цухановъ, Е. Г. Шайкевичъ и П. А. Юреневъ.

Гражданское отдѣленіе одобрило предположеніе редакціоннаго комитета и сдѣланный имъ выборъ членовъ комисіи; уголовнымъ-же отдѣленіемъ избраны для участія въ занятіяхъ комисіи дѣйствительные члены общества: Г. Б. Слюзбергъ и С. С. Соколовъ. За невозможностію участвовать въ трудахъ комисіи нѣкоторыхъ изъ числа приглашенныхъ членовъ, комисія для разсмотрѣнія проекта о повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ окончательно образовалась въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдатель І. И. Карницкій и члены: К. К. Арсеньевъ, Л. В. Барсовъ, М. М. Винаверъ, Л. В. Гантоверъ, В. М. Гессенъ, С. О. Костровицкій, П. В. Макалинскій, Н. А. Полетаевъ, Г. Б. Слюзбергъ, С. С. Соколовъ, В. Д. Спасовичъ, А. Н. Турчаниновъ, Е. Г. Шайкевичъ, Н. И. Цухановъ и П. А. Юреневъ,—о каковомъ составѣ комисіи доведено было до свѣдѣнія гражданскаго отдѣленія общества 17 ноября 1897 года.

Въ первомъ засѣданіи, происходившемъ 30 ноября 1897 года, комисія, обсудивъ, по предложенію предсѣдателя, вопросъ о порядкѣ предстоящихъ занятій, призвала, что для успѣшности работъ представлялось бы полезнымъ, не приступая немедленно къ обсужденію предложеннаго на ея разсмотрѣніе проекта, предложить членамъ комисіи доставить въ опредѣленному сроку замѣчанія свои на тѣ изъ статей проекта, которыя они признаютъ нужнымъ

подвергнуть обсужденію въ засѣданіяхъ комисіи съ тѣмъ, чтобы самое обсужденіе происходило на основаніи систематической сводки представленныхъ членами замѣчаній. Этимъ путемъ предполагалось съ одной стороны—достигнуть большей связности въ обсужденіи правилъ проекта, съ другой—дать возможность членамъ комисіи, случайно отсутствующимъ въ томъ или иномъ засѣданіи, высказывать свои соображенія по интересующимъ ихъ вопросамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ комисія призвала возможнымъ ограничиться включеніемъ въ журналъ, имѣющій быть представленнымъ гражданскому отдѣленію юридическаго общества, тѣхъ лишь замѣчаній, коими предлагаются какія либо измѣненія въ предложенномъ на обсужденіе ея проектѣ и не включать въ оный замѣчаній, хотя обсуждавшихся въ засѣданіяхъ комисіи, но ею не принятыхъ. Сверхъ сего рѣшено было замѣчанія редакціонныя выдѣлить особо и помѣстить таковыя въ концѣ журнала. Составленіе сводки замѣчаній, а равно изложеніе журнала комисіи принялъ на себя членъ комисіи М. М. Винаверъ; изложеніе журнала по ст. 4—за отказомъ М. М. Винавера—принялъ на себя, по просьбѣ предсѣдателя, членъ комисіи А. Н. Турчаниновъ.

Въ слѣдующихъ затѣмъ 8 засѣданіяхъ комисіи (1, 15, 22 и 29 марта, 8, 20 и 28 апрѣля и 6 мая 1898 г.) подверглись обсужденію сведенныя въ опредѣленную систему замѣчанія членовъ на проектъ о повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ, изъ числа коихъ комисія рѣшила остановиться на нижеслѣдующихъ:

По ст. ст. 2—3.

1.

2-я статья проекта опредѣляетъ условія поступленія въ присяжные повѣренные и къ числу сихъ условій относить наличность диплома высшаго учебнаго заведенія и практическую подготовку.

Существенное содержаніе статьи 3 (п.п. 3, 4, 5 и 6) состоитъ въ указаніи условій, *исключающихъ* возможность какъ принятія въ сословіе такъ и дальнѣйшаго пребыванія въ ономъ. Отъ этой совершенно правильной системы распредѣленія матеріала сдѣлано, однако, безъ видимыхъ къ тому основаній, одно отступленіе: въ п.п. 1 и 2 статьи 3 продолжается начатое въ ст. 2 исчисленіе условій поступленія въ присяжные повѣренные. Условія эти: достиженіе 25 лѣтняго возраста и русское подданство.

Въ видахъ единства системы представлялось бы болѣе правиль-

нымъ перенести первые 2 пункта 3-й ст. во 2-ю статью и изложить сію послѣднюю слѣдующимъ образомъ:

„Въ число присяжныхъ повѣренныхъ могутъ быть принятаемы русскіе подданные, не менѣе 25 лѣтъ отъ роду, имѣющіе дипломы университетовъ...“.

2.

Въ числѣ условій, поименованныхъ въ 6 пунктахъ 3-й ст. проекта, особое мѣсто занимаетъ условіе, указанное въ пунктѣ 4. Состояніе подѣ слѣдствіемъ или судомъ за преступленія, влекущія за собою лишеніе или ограниченіе правъ, едва ли можетъ быть признано условіемъ, совершенно исключаящимъ возможность поступленія и дальнѣйшаго пребыванія въ сословіи присяжныхъ повѣренныхъ. По отношенію къ лицамъ, ходатайствующимъ о принятіи въ сословіе, достаточно было бы, по мнѣнію комиссіи, признать что состояніе подѣ слѣдствіемъ или судомъ приостанавливаетъ разсмотрѣніе ходатайства о принятіи до окончанія уголовного дѣла; по отношенію же къ дальнѣйшему пребыванію въ сословіи лицъ, уже принятыхъ, надлежало бы рѣшеніе вопроса предоставить на усмотрѣніе совѣта, который по соображеніи конкретныхъ условій даннаго случая долженъ рѣшить, допустимо ли пребываніе даннаго лица въ сословіи во время производства слѣдствія и суда. Во всякомъ случаѣ обязательное исключеніе изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ лицъ состоящихъ подѣ слѣдствіемъ и судомъ,—не выжидая разрѣшенія уголовного о нихъ дѣла, являлось бы мѣрою слишкомъ поспѣшною и несправедливою.

Въ виду сего комиссія полагала бы: постановленіе о лицахъ состоящихъ подѣ слѣдствіемъ и судомъ изложить въ видѣ особой статьи и помѣстить таковую въ отдѣлѣ о правахъ и обязанностяхъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ.

Новая. „На время состоянія подѣ судомъ или слѣдствіемъ за преступленія, влекущія за собою лишеніе или ограниченіе правъ состоянія, присяжный повѣренный можетъ быть по усмотрѣнію совѣта лишенъ права вести дѣла впредь до окончанія уголовного о немъ дѣла. Ходатайство о принятіи въ присяжные повѣренные лица, состоящаго подѣ слѣдствіемъ или судомъ за преступленія, влекущія за собою лишеніе или ограниченіе правъ состоянія, не можетъ быть разрѣшено впредь до окончанія уголовного дѣла“.

3.

Рядомъ съ лицами, состоящими подь слѣдствіемъ или судомъ, упомянуты въ томъ же 4 пунктѣ тѣ, которые, бывъ присуждены къ лишенію или ограниченію правъ состоянія, освобождены отъ наказанія за давностю, примиреніемъ или силою Всемилостивѣйшаго манифеста, либо особаго Высочайшаго повелѣнія, равно какъ и лица, слѣдствія или дѣла о коихъ по означеннаго рода обвиненіямъ прекращены за силою манифеста (редакція п. 4, принятая въ засѣданіи Высочайше учрежденной комисіи,—проектъ стр. 12) ¹⁾.

Постановленіе это основано на предположеніи о виновности лицъ, пожелавшихъ воспользоваться благодѣніемъ закона о погашеніи наказанія. Предположеніе это не обладаетъ однако характеромъ безусловности,—могутъ быть случаи, въ которыхъ оно не оправдывается, и потому справедливо было бы допустить провѣрку обстоятельствъ каждаго индивидуальнаго случая. Поотношенію къ присяжнымъ повѣреннымъ провѣрка тѣмъ облегчена, что совѣту присяжныхъ повѣренныхъ ввѣрена власть рѣшать вопросъ о нравственныхъ качествахъ лицъ, принимаемыхъ въ сословіе, не стѣсняясь формальными условіями. Пользуясь тою же властью, совѣтъ могъ бы рѣшать вопросъ о томъ: вызвано ли было обращеніе къ Всемилостивѣйшему манифесту, давности или примиренію, опасеніемъ наказанія за сознанную вину или же иными извинительными соображеніями.

Общее правило ст. ст. 21—27 проекта о подчиненіи надзору совѣта всей вообще дѣятельности присяжныхъ повѣренныхъ даетъ совѣту достаточное для того право, и вводитъ въ законъ новое для сей цѣли правило не представляется надобности. Вслѣдствіе сего комисія полагала бы постановленіе п. 4 ст. 3-й въ части, касающейся лицъ, освобожденныхъ отъ наказанія за силою Всемилостивѣйшаго манифеста, давности и примиренія, вовсе исключить.

4.

Переходя къ обсужденію правилъ, общихъ статьямъ 2-й и 3-й проекта, комисія остановилась прежде всего на вопросѣ, вызвавшемъ значительное разногласіе въ составѣ Высочайше учрежденной при Министерствѣ Юстиціи комисіи, о совмѣстимости заня-

¹⁾ Приложение къ № 7 „Журнала Министерства Юстиціи“ (сентябрь, 1897 г.).

тія адвокатурою съ состояніемъ на государственной службѣ. Комисія вполнѣ раздѣляетъ по этому вопросу соображенія, высказанныя председателемъ и однимъ изъ членовъ II отдѣла (проектъ стр. 105—106) противъ допущенія указанной совмѣстности.

Создавая сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, судебные уставы положили въ основу его дѣятельности начало независимости его отъ непосредственнаго подчиненія административному начальству. Тридцатилѣтній опытъ дѣятельности нашей присяжной адвокатуры, освѣтивъ другіе недостатки первоначальной ея организаціи, ни въ чемъ однако не поколебаль убѣжденія въ правильности этого основного принципа, а наоборотъ укрѣпилъ увѣренность въ томъ, что только при отсутствіи непосредственной служебной подчиненности возможна прочная, независимая отъ чуждыхъ правосудію вліяній организація защиты на судѣ. Это убѣжденіе легло, повидимому, и въ основу предположенной нынѣ реформы. Въ рѣчи произнесенной председателемъ Высочайше учрежденной Комисіи при открытіи совѣщаній по вопросу о реформѣ адвокатуры, указывалось между прочимъ на три возможныхъ формы организаціи адвокатуры, одна изъ коихъ характеризуется, какъ „безусловное подчиненіе адвокатовъ судебнымъ мѣстамъ и должностнымъ лицамъ“. Эта система рѣшительно отвергается предположенною реформою. „Для предпринятаго пересмотра судебныхъ уставовъ, сказано въ рѣчи председателя, — принявшихъ, вмѣстѣ со всѣми новѣйшими законодательствами, послѣднюю форму (самостоятельнаго корпоративнаго устройства адвокатуры), не могло быть никакихъ колебаній въ выборѣ и никакихъ сомнѣній въ ея сохраненіи въ виду того, что по свидѣтельству долготѣтяго опыта и по здравому смыслу только одна эта форма при всѣхъ возможныхъ уклоненіяхъ и несовершенствахъ практики соответствуетъ достоинству и интересамъ правосудія“. Между тѣмъ, введеніе въ составъ присяжной адвокатуры чиновниковъ несомнѣнно приблизитъ присяжную адвокатуру именно къ тому типу, который отвергается какъ долготѣтнимъ опытомъ, такъ и здравымъ смысломъ, — къ типу адвокатскихъ чиновниковъ, связанныхъ какъ въ выборѣ дѣлъ такъ и въ защитѣ ихъ воззрѣніями начальства. Ибо немыслимо допустить, чтобы одно и тоже лицо, подчиняясь въ одной области своей дѣятельности начальственнымъ предписаніямъ, сохраняло бы въ другой, рядомъ съ ней идущей, полную по отношенію къ нимъ независимость.

Нельзя при этомъ не указать, что какъ съ одной стороны, со-

стояніе на государственной службѣ не можетъ не отразиться вредно на адвокатской дѣятельности, такъ съ другой стороны и интересы государственной службы должны пострадать отъ предоставленія чиновникамъ права заниматься адвокатурою.

Государственная служба также требуетъ независимости—независимости отъ стороннихъ вліяній, не руководимыхъ исключительно интересомъ государственнымъ. Такія вліянія могутъ очень легко проникнуть въ служебную сферу съ допущеніемъ чиновниковъ къ занятію адвокатурою: двѣ эти области по предметамъ, съ которыми имъ приходится имѣть дѣло, слишкомъ близки, и по цѣлямъ слишкомъ различны, для того чтобы близкое ихъ содѣйствіе могло не оказывать вреднаго вліянія.

Близость эта можетъ оказаться вредною интересамъ и особенно престижу государственной службы также и потому, что создавая двойную дисциплинарную судимость одного и того-же лица, она можетъ повести къ нежелательнымъ явлениямъ расхожденія приговоровъ двухъ разнородныхъ инстанцій—можетъ повести къ тому, что лицо, терпимое на относительно высокой государственной должности, будетъ исключено изъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ.

Наконецъ остается совершенно неяснымъ вопросъ о томъ: къ удовлетворенію какой насущной потребности стремится предположенное допущеніе въ адвокатуру лицъ административнаго вѣдомства. Количество адвокатовъ растетъ чрезвычайно быстро, и если есть еще мѣстности, въ которыхъ число присяжныхъ повѣренныхъ не можетъ быть признано достаточнымъ, то за то въ другихъ имѣется избытокъ, и матеріальное положеніе ихъ въ сихъ послѣднихъ мѣстностяхъ въ общемъ представляется далеко незavidнымъ. При такихъ условіяхъ,—если бы вообще были признаны желательными какія-либо мѣры къ увеличенію числа присяжныхъ повѣренныхъ на мѣстахъ гдѣ ихъ мало, то мѣры эти могли бы выразиться развѣ въ заботахъ государственной власти о разселеніи избыточнаго числа присяжныхъ повѣренныхъ изъ другихъ центровъ, а отнюдь не въ пополненіи состава присяжной адвокатуры элементомъ, наличность котораго противорѣчитъ основному принципу адвокатской организаціи и ведетъ къ весьма нежелательнымъ практическимъ осложненіямъ.

Приходя по изложеннымъ основаніямъ къ заключенію о томъ, что предположенное Проектомъ допущеніе въ составъ адвокатуры лицъ административнаго вѣдомства вообще нежелательно, Комиссія признаетъ однако вполне цѣлесообразнымъ сдѣлать изъ ука-

заннаго правила изытіе для профессоровъ и преподавателей юридическихъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Профессора и преподаватели юридическихъ наукъ, состоя на государственной службѣ, также подчинены начальству, но степень этой подчиненности ослабляется самымъ родомъ ихъ дѣятельности. Область науки недоступна непрерывному административному вліянію, она и несоприкасается такъ, какъ государственная служба въ чистомъ ея видѣ, съ практической дѣловой жизнью. Вслѣдствіе этого принципъ независимости адвокатуры пострадаетъ весьма мало, если въ адвокатуру будутъ допускаться профессора и преподаватели юридическихъ наукъ. Съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что пополненіе рядовъ адвокатуры представителями науки должно оказать на развитіе нашей адвокатуры,—при общемъ сравнительно невысокомъ уровнѣ теоретическаго ея образованія—самое благотворное вліяніе. Коммисія не можетъ по сему не присоединиться къ предположеніямъ Проекта, коими предоставляется профессорамъ и преподавателямъ юридическихъ наукъ право заниматься адвокатурою.

5.

Наконецъ 2—3 статьи Проекта разрѣшаютъ попутно и вопросъ о томъ, какая практическая подготовка для занятія адвокатурою можетъ быть требуема отъ лицъ, состоявшихъ на государственной службѣ или занимавшихъ профессорскія каѳедры. Проектъ признаетъ, какъ занятіе каѳедры по любой юридической наукѣ, такъ и исполненіе должности, сопряженной съ веденіемъ и защитою казенныхъ дѣлъ въ судебныхъ установленіяхъ, достаточною практическою подготовкою и устанавливаетъ лишь минимальный срокъ оной (3 года). Коммисія съ своей стороны находитъ, что занятіе профессурою, или исполненіе должности, сопряженной съ защитою казенныхъ дѣлъ въ судебныхъ установленіяхъ, едва ли можетъ дать адвокату тѣ разнообразныя свѣдѣнія, которыхъ отъ него требуетъ практическая его дѣятельность. Достаточно указать, что чиновникамъ, ведущимъ казенныя дѣла въ судахъ, остается совершенно чуждою вся область уголовного правосудія въ практическомъ его примѣненіи, а профессора университета совершенно лишены возможности усвоить тѣ мелочныя процессуальныя приемы, которые неизбежно связываются со всякимъ судебнымъ процессомъ и которые поддаются изученію только на практикѣ; какъ ни незначителенъ ихъ объемъ и какъ ни легко ихъ усвоеніе,—полное

ихъ незнаніе со стороны адвоката грозитъ серьезною опасностью ввѣряемымъ ему частнымъ интересамъ. Въ виду сего представлялось бы, по мнѣнію Коммисіи, желательнымъ поставить по отношенію къ профессорамъ и бывшимъ должностнымъ лицамъ при поступленіи ихъ въ адвокатуру болѣе опредѣленныя требованія относительно профессиональной подготовки.

Признавая совершенно невозможнымъ примѣненіе къ этой категоріи лицъ общаго требованія объ отбываніи стажа, въ теченіе указаннаго закономъ срока, Коммисія считаетъ однако цѣлесообразнымъ установленіе правила о томъ, что профессора и преподаватели юридическихъ наукъ, а равно лица, занимавшія на государственной службѣ должности, сопряженныя съ веденіемъ судебныхъ дѣлъ казны, привимаются въ присяжные повѣренные не иначе какъ по проверкѣ со стороны совѣта практическихъ ихъ познаній въ веденіи судебныхъ дѣлъ.

6.

Примѣчаніе къ статьѣ 2 проекта гласитъ, что „лицамъ состоящимъ въ званіяхъ Камергеровъ и Камеръ-Юнкеровъ Двора Его Императорскаго Величества, въ случаѣ принятія ими должностей присяжныхъ повѣренныхъ, сохраняются придворныя званія“.

Не касаясь совершенно содержанія приведеннаго правила по существу, Коммисія находитъ лишь, что таковое устанавливаетъ извѣстную прерогативу въ пользу лицъ, состоящихъ въ придворныхъ званіяхъ, и потому съ редакціонной точки зрѣнія представлялось бы умѣстнѣе включить его въ уставъ о службѣ гражданской, а не въ положеніе о присяжныхъ повѣренныхъ.

По всѣмъ изложеннымъ основаніямъ коммисія предлагаетъ изложить статьи 2 и 3 проекта въ слѣдующемъ видѣ:

Статья 2. Въ число присяжныхъ повѣренныхъ могутъ быть принимаемы русскіе подданные, не менѣе 25 лѣтъ отъ роду, имѣющіе дипломы университетовъ о выдержаніи экзамена въ юридическихъ наукахъ или аттестаты другихъ высшихъ учебныхъ заведеній объ окончаніи курса сихъ наукъ, если они сверхъ того прослужили не менѣе трехъ лѣтъ по судебному вѣдомству въ такихъ должностяхъ, при исравленіи которыхъ могли піробрѣсти практическія свѣдѣнія въ веденіи судебныхъ дѣлъ, или также не менѣе трехъ лѣтъ состояли кандидатами на должности по судебному вѣдомству, или помощниками присяжныхъ повѣренныхъ или профессорами и

преподавателями юридических наукъ въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, или должностными лицами административныхъ вѣдомствъ, обязанности коихъ заключаются въ веденіи и защитѣ въ судебныхъ установленіяхъ дѣлъ, сопряженныхъ съ интересами означенныхъ вѣдомствъ, причѣмъ лица, состоявшія профессорами и преподавателями юридическихъ наукъ и лица административныхъ вѣдомствъ принимаются не иначе, какъ по повѣренію со стороны совѣта присяжныхъ повѣренныхъ практическихъ познаній ихъ въ производствѣ судебныхъ дѣлъ.

Статья 3. Присяжными повѣренными не могутъ быть:

1) состоящіе на службѣ отъ правительства или по выборамъ, за исключеніемъ:

а) лицъ, занимающихъ почетныя или общественныя должности, отправленіе коихъ не сопряжено съ правомъ на получение содержанія,

б) профессоровъ и преподавателей юридическихъ наукъ въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

2) лишенные нѣкоторыхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ.

3) занимающіе на частной службѣ такія должности или принимающіе участіе въ такихъ видахъ торговли и промышленности, которые совѣтъ признаетъ несовмѣстными съ званіемъ присяжнаго повѣреннаго.

По ст. 4.

Статью 4 проекта ограничивается доступъ въ адвокатуру лицъ не христіанскихъ исповѣданій.

Въ мотивахъ объяснительной записки пояснено, что подъ лицами не христіанскихъ исповѣданій въ помянутой статьѣ слѣдуетъ разумѣть евреевъ, и что необходимость вводимаго ограниченія вызывается какъ возрастающимъ наплывомъ евреевъ въ адвокатуру, такъ и „неоднократно удостовѣренными предосудительными и недостойными званія присяжнаго и частнаго повѣреннаго поступками евреевъ“.

Далѣе въ объяснительной запискѣ приводятся многочисленныя статистическія данныя, доказывающія что, дѣйствительно, въ періодъ времени съ 1885 по 1890 годъ число присяжныхъ повѣренныхъ евреевъ чрезмѣрно возросло въ округахъ южныхъ и западныхъ

губерній и въ округѣ С.-Петербургскаго суда. Очевидно, что увеличеніе численнаго состава той или иной національной или вѣроисповѣдной группы не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ къ установленію какихъ либо въ отношеніи ея законныхъ ограниченій, если не доказано, что приливъ инороднаго или иновѣрнаго элемента сопровождается дѣйствительнымъ пониженіемъ нравственнаго уровня сословія или—что „предосудительные и недостойные поступки“ дѣйствительно обнаружены въ средѣ иновѣрнаго элемента въ большей мѣрѣ, чѣмъ среди остальной части сословія. Такія доказательства можно бы почерпнуть изъ сопоставленія сообщаемыхъ запиской цифровыхъ данныхъ о числѣ евреевъ съ имѣющимися въ распоряженіи Министерства Юстиціи матеріалами дисциплинарной статистики. Между тѣмъ, указывая на численное возрастаніе евреевъ въ періодъ съ 1885—1890 г., объяснительная записка вовсе не сообщаетъ данныхъ о дисциплинарной судимости ни за тотъ же періодъ, ни за послѣдующее время и, такимъ образомъ, не даетъ никакого матеріала для сужденія о томъ, насколько усиленіе еврейскаго элемента въ адвокатурѣ дѣйствительно вызвало общее пониженіе нравственнаго ея уровня. Далѣе, указывая процентное отношеніе евреевъ къ общему числу присяжныхъ повѣренныхъ въ разные годы, объяснительная записка равнымъ образомъ не приводитъ никакихъ данныхъ, доказывающихъ, что процентъ еврейской судимости въ тотъ или иной періодъ превосходилъ общее процентное отношеніе евреевъ къ числу присяжныхъ повѣренныхъ. Такимъ образомъ, въ объяснительной запискѣ не содержится никакихъ фактическихъ данныхъ въ подтвержденіе высказаннаго въ ней общаго положенія о нравственной неблагонадежности еврейскаго элемента. Для полученія этихъ данныхъ въ доступныхъ ей предѣлахъ Коммисія обратилась за свѣдѣніями о движеніи дисциплинарной судимости присяжныхъ повѣренныхъ округа С.-Петербургской судебной палаты. Изъ представленныхъ Коммисіи предсѣдателемъ С.-Петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ цифровыхъ данныхъ о движеніи дисциплинарной судимости въ С.-Петербургскомъ округѣ за періодъ времени съ 1885 по 1895 годъ (см. приложение) усматривается, что за время усиленнаго наплыва евреевъ въ адвокатуру съ 1885 по 1890 г., когда процентное отношеніе евреевъ къ общему числу присяжныхъ повѣренныхъ достигло цифры 22% (объяснительная записка стр. 114) общая дисциплинарная судимость отнюдь не была выше дисциплинарной судимости слѣдующаго пятилѣтія

(1890—1895 г.), когда, въ силу Высочайшаго повелѣнія 8 ноября 1889 года, доступъ евреевъ въ адвокатуру фактически былъ прегражденъ, и процентное отношеніе евреевъ къ общему числу присяжныхъ повѣренныхъ понизилось до 13,4% (объясн. зап., стр. 114).

Такъ за періодъ съ 1885 по 1890 годъ объявлены были въ С.-Петербургскомъ округѣ:

- 56 предостереженій,
- 47 выговоровъ,
- 18 запрещеній практики и
- 7 исключеній изъ сословія;

а за періодъ съ 1890—1895 г.:

- 46 предостереженій,
- 65 выговоровъ,
- 19 запрещеній практики и
- 7 исключеній изъ сословія.

Общая цифра судимости за первое пятилѣтіе составитъ такимъ образомъ 128, общая цифра судимости за второе пятилѣтіе—137, причѣмъ какъ число мелкихъ правонарушеній, по коимъ объявлены предостереженія и выговоры, такъ и болѣе крупныхъ, по коимъ послѣдовало запрещеніе практики и исключеніе изъ сословія, осталось приблизительно одно и то же.

Далѣе по свѣдѣніямъ С.-Петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ оказывается, что въ теченіе всего пятилѣтія съ 1885—1890 г. къ концу коего число евреевъ достигло 22,4%, самыя строгія дисциплинарныя мѣры (исключеніе изъ сословія и запрещеніе практики) ни разу не были примѣняемы къ присяжнымъ повѣреннымъ евреямъ, и что изъ числа менѣе важныхъ дисциплинарныхъ взысканій предостереженіе примѣнялось къ евреямъ 9 разъ изъ общаго числа 56, что составляетъ 16%, а выговоръ 6 разъ изъ общаго числа 47 (что составляетъ 12,7%).

Такимъ образомъ, по проступкамъ особо важнымъ еврейская судимость равнялась 0, а по проступкамъ мало важнымъ достигала 12,7%—16%, т. е. всегда была ниже процентнаго отношенія евреевъ къ общему числу повѣренныхъ. Изъ этихъ свѣдѣній Комиссія должна придти къ выводу, что заключеніе проекта и объяснительной къ нему записки о неоднократно удостовѣренныхъ недостойныхъ званія присяжнаго повѣреннаго поступкахъ евреевъ, въ самой объяснительной запискѣ никакими данными не подтвержденное, должно быть признано недоказаннымъ.

При этомъ нельзя не указать, что справедливо отмѣчаемый объяснительною запискою искусственный приливъ евреевъ въ адвокатуру вызванъ, какъ то видно между прочимъ и изъ мотивовъ объяснительной записки, прегражденіемъ имъ доступа ко всѣмъ другимъ карьерамъ.

Въ виду всего изложеннаго предположенное проектомъ ограниченіе правъ евреевъ, какъ предпринимаемое безъ тщательной провѣрки всѣхъ относящихся къ разбираемому вопросу данныхъ и какъ несогласное съ общимъ закономъ, не должно быть допущено.

По всѣмъ симъ соображеніямъ Коммисія полагала бы: правило ст. 4 исключить.

По статьѣ 8-й.

Статья 7-я проекта точно устанавливаетъ условія, при наличности коихъ въ округѣ судебной палаты открывається совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ: для этого требуется лишь, чтобы число присяжныхъ повѣренныхъ достигло шестидесяти, и чтобы изъ нихъ не менѣе двадцати пяти проживали въ томъ городѣ, гдѣ находится палата. Въ виду этой опредѣленности требуемыхъ для открытія совѣта условій, представляется возможнымъ возложить установленіе момента, когда совѣтъ подлежитъ открытію, на судебную палату каждаго округа, безъ дальнѣйшаго въ томъ участія центральной власти, Министерства Юстиціи. Допуская участіе центральной власти въ открытіи совѣтовъ, проектъ какъ бы ставитъ въ зависимость отъ усмотрѣнія начальства то, что по смыслу всего разбираемаго законоположенія должно стать общо неотъемлемою законною прерогативою всѣхъ. Къ тому же предположенный порядокъ открытія совѣтовъ—не иначе какъ по предписанію въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ Министра Юстиціи—поведетъ за собою не нужное усложненіе процедуры и промедленіе въ открытіи совѣтовъ, безусловно нежелательное по тѣмъ самымъ соображеніямъ, по коимъ признается вообще желательнымъ учрежденіе совѣтовъ.

Въ виду сихъ соображеній коммисія полагала бы правильнымъ изложить начало ст. 8-й слѣдующимъ образомъ:

„Въ указанномъ въ предшедшей статьѣ случаѣ палата назначаетъ одного изъ членовъ“..

По статью 16-й.

Для законности общихъ собраній присяжныхъ повѣренныхъ проектъ требуетъ наличности не менѣе $\frac{1}{3}$ всѣхъ подвѣдомственныхъ совѣту присяжныхъ повѣренныхъ. Хотя это отношеніе необходимаго числа участниковъ общаго собранія къ общему числу присяжныхъ повѣренныхъ округа является уже значительнымъ ослабленіемъ дѣйствующей нынѣ нормы, однако, по единогласному отзыву участвующихъ въ засѣданіяхъ комисіи предсѣдателя и членовъ Петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ,—отношеніе устанавливаемое проектомъ, далеко еще не соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ потребностямъ. Оно представляется чрезмѣрнымъ даже для Петербургскаго округа, гдѣ присяжные повѣренные въ значительной степени сосредоточены въ одномъ крупномъ центрѣ,—тѣмъ болѣе оно чрезмѣрно для округовъ, въ которыхъ такого сосредоточенія не замѣчается. Присяжные повѣренные, проживающіе внѣ того города, гдѣ находится палата,—не являются вовсе на общія собранія, изъ числа же мѣстныхъ присяжныхъ повѣренныхъ не составитя требуемая закономъ треть общаго количества. При такихъ условіяхъ общія собранія рѣдко окажутся дѣйствительными; производство выборовъ будетъ значительно затягиваться,—прежніе составы совѣта будутъ въ теченіе ряда лѣтъ оставаться въ дѣйствиі. Въ виду сего и принимая во вниманіе представленныя членами Петербургскаго совѣта цифровыя данныя о нормальной въ теченіе истекшихъ десятилѣтій численности общихъ собраній, надлежитъ признать, что пропорція 1: 6 представлялась бы наиболѣе цѣлесообразною при опредѣленіи необходимаго числа участниковъ для законности общихъ собраній.

При этомъ нельзя однако упускать изъ виду, что въ округахъ съ малочисленною адвокатурою примѣненіе указанной нормы могло бы привести къ совершенному малолюдству общихъ собраній,—число избирателей могло бы оказаться лишь немногимъ больше числа лицъ, подлежащихъ избранію. Въ виду сего и принимая во вниманіе отношеніе установленнаго проектомъ минимальнаго числа членовъ совѣта (5) къ минимальному числу присяжныхъ повѣренныхъ, проживающихъ въ мѣстѣ нахожденія совѣта (25),—надлежало бы въ законѣ оговорить, что во всякомъ случаѣ число участниковъ общаго собранія должно превышать не менѣе чѣмъ въ *пять* разъ число лицъ, подлежащихъ избранію.

Статью 16-ю надлежало бы согласно съ симъ изложить слѣдующимъ образомъ:

„Для производства выборовъ въ совѣтъ, должно прибыть въ общее собраніе не менѣ одной шестой части подвѣдомственныхъ совѣту присяжныхъ повѣренныхъ, причемъ число прибывшихъ должно быть больше подлежащихъ избранію по меньшей мѣрѣ въ пять разъ. Если число прибывшихъ въ общее собраніе не достигаетъ указанныхъ размѣровъ, то собраніе считается несостоявшимся и предсѣдатель извѣщаетъ повѣстками всѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ, что въ случаѣ неприбытія ихъ къ назначенному имъ для выборовъ новому сроку, совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ останется въ прежнемъ составѣ. Когда же и къ сему новому сроку не прибудеть указанное выше число присяжныхъ повѣренныхъ, то о семъ составляется протоколъ.

По статьѣ 17-й.

Установленный этой статьёю трехдневный срокъ для обжалованія неправильностей при производствѣ выборовъ представляется чрезмѣрно краткимъ; удлиненіе его до 7 дней (кратчайшаго у насъ процессуальнаго срока), облегчая значительно возможность обжалованія, едва ли замедлитъ существеннымъ образомъ процедуру выборовъ. Вслѣдствіе сего коммисія полагала бы замѣнить трехдневный срокъ обжалованія—семидневнымъ.

По статьѣ 19-й.

Статья эта ставитъ въ зависимость открытіе отдѣленій совѣта отъ ходатайства мѣстныхъ присяжныхъ повѣренныхъ. Между тѣмъ, въ открытіи отдѣленій заинтересованы не только присяжные повѣренные, но и лица къ нимъ обращающіяся (ср. обязанности отдѣленій, исчисленныя въ ст. 50 и п. п. 5, 6 и 7 ст. 27),—вслѣдствіе чего отдѣленія должны быть открываемы при наличности въ данной мѣстности опредѣленнаго числа присяжныхъ повѣренныхъ, безотносительно къ тому, заявлено ли о семъ ходатайство со стороны мѣстныхъ повѣренныхъ или нѣтъ.

При этомъ необходимо однако указать, что наличность опредѣленнаго количества присяжныхъ повѣренныхъ не должна бы

налагать на совѣтъ обязанности, а можетъ давать ему лишь право на открытіе отдѣленія въ данной мѣстности.

Большинствомъ Высочайше учрежденной комисіи уже замѣчено было (засѣданіе 18 января 1896 года, см. проектъ стр. 15),—что согласно соображеніямъ, положеннымъ въ основу разбираемой статьи, совѣты могутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ отказывать въ ходатайствѣ мѣстныхъ присяжныхъ повѣренныхъ объ открытіи отдѣленій, не стѣсняясь при этомъ наличностью всѣхъ требуемыхъ для открытія отдѣленія формальныхъ условий. Предоставленіе такой власти совѣту представляется вполне цѣлесообразнымъ и въ томъ случаѣ, когда для открытія отдѣленій не требуется ходатайства со стороны мѣстныхъ присяжныхъ повѣренныхъ. Совѣту должно быть предоставлено право сообразоваться при рѣшеніи вопроса объ открытіи отдѣленія не только съ наличностью установленнаго закономъ числа повѣренныхъ, но и съ другими особенными условіями каждаго конкретнаго случая. Вслѣдствіе сего статья 19 должна бы быть изложена слѣдующимъ образомъ:

„Если въ какомъ либо городѣ, въ коемъ нѣтъ судебной палаты, имѣютъ мѣстожительство не менѣе десяти присяжныхъ повѣренныхъ, то состоящій при мѣстной судебной палатѣ совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ можетъ разрѣшить имъ избрать изъ среды себя отдѣленіе“...

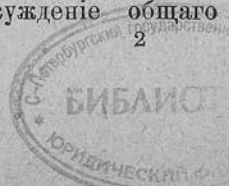
По статьѣ 27-й.

1-й п. 27-й статьи возлагаетъ на совѣтъ наблюденіе за точнымъ исполненіемъ присяжными повѣренными „установленныхъ для нихъ совѣтомъ правилъ“. Дѣйствующій законъ (2 п. 367 ст. Учр. Суд. Уст.) говоритъ объ исполненіи „установленныхъ правилъ“, не указывая въ точности, отъ кого именно правила исходятъ. Проектъ нынѣается устранить эту неопредѣленность закона и закрѣпляетъ за совѣтомъ законодательную власть, опредѣленно ему не присвоенную дѣйствующимъ закономъ. Предѣлы этой власти не указаны въ текстѣ предполагаемаго закона, а поясненія, даваемые по этому вопросу мотивами объяснительной записки (стр. 134), изложены въ столь общихъ выраженіяхъ, что неясность закона нисколько ими не устраняется. Въ мотивахъ говорится о возможности установленія, „опредѣленныхъ правилъ для дѣятельности присяжныхъ повѣренныхъ и внутренняго распорядка въ этомъ сословіи“, и далѣе прибавлено, что правила эти „могутъ касаться и нравственныхъ обя-

занностей присяжных повѣренныхъ въ кругѣ ихъ судебной дѣятельности“. Присвоеніе совѣту присяжныхъ повѣренныхъ столь широкой прерогативы въ области установленія обязательныхъ правилъ едва ли согласуемо съ основными задачами, возложенными на этотъ органъ сословнаго самоуправления. По смыслу какъ дѣйствующаго, такъ и предполагаемаго закона, совѣтъ есть учрежденіе съ функціями частью судебными, частью административными. Какъ учрежденію судебному, совѣту подвѣдомы дисциплинарныя проступки присяжныхъ повѣренныхъ, которые никакимъ кодексомъ необъемлются и по существу своему закрѣпляются въ форму закона или обязательнаго правила не должны. Здѣсь можетъ быть рѣчь только о судебныхъ прецедентахъ, объ установившейся практикѣ, которая сохраняетъ силу дотолѣ, доколѣ она *внутренно* обязательна въ глазахъ судящей коллегіи; она примѣняется безъ обязательнаго о томъ правила, и перестаетъ примѣняться безъ обязательной отмѣны. Совѣтъ, какъ судъ дисциплинарный, вправѣ требовать отъ присяжныхъ повѣренныхъ, чтобы поступки ихъ соответствовали правиламъ чести и добропорядочности, но странно было бы возлагать на этотъ дисциплинарный судъ составленіе „обязательныхъ правилъ“ чести и добропорядочности. Нравственная самостоятельность и нравственная независимость каждаго члена сословія въ томъ и должна выражаться, что онъ самъ въ состояніи въ каждомъ конкретномъ случаѣ вынести на своихъ плечахъ отвѣтственность за нравственную квалификацію принятаго имъ рѣшенія. Въ этой области невластенъ законодательствовать ни совѣтъ, ни какой либо другой органъ самоуправляющагося сословія.

Въ иномъ видѣ представляется вопросъ о второй категоріи упоминаемыхъ въ объяснительной запискѣ правилъ—о „правилахъ внутренняго распорядка“. Установленіе этихъ правилъ безспорно необходимо и возможно, но совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ едва ли представляется тѣмъ органомъ, на который эта задача должна быть возложена. И при господствѣ дѣйствующаго закона устанавливались правила внутренняго распорядка, но правила эти, хотя и исходили отъ совѣта; подвергались однако всегда, по установившемуся обычаю, вполне согласному съ общимъ строемъ самоуправляющагося сословія, обсужденію общихъ собраній присяжныхъ повѣренныхъ, отъ нихъ получая окончательную санкцію. Неопредѣленная фраза закона относительно „установленныхъ правилъ“ не служила этому помѣхою, а правило 364 ст. учр. суд. уст. объ обязанности совѣта представлять на обсужденіе общаго

Труды СПб. Юрид. Общ.

собрания отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ освящало естественный съ точки зрѣнія самоуправленія порядоѳъ вещей. Послѣднее правило (о представленіи отчетовъ) сохранено и въ проектѣ (ст. 14), но дѣйствіе его въ указанномъ выше смыслѣ парализуется предписаніемъ о томъ, что обязательныя правила внутренняго распорядка устанавливаются властью совѣта и, слѣдовательно, какъ таковыя непреерекаемы. Однако опытъ истекшихъ десятилѣтій не обнаружилъ никакихъ недостатковъ дѣйствующаго порядка; наоборотъ дознано, что порядокъ этотъ вызывалъ въ отдѣльныхъ членахъ сословія болѣе сильный интересъ къ вопросамъ корпоративной жизни, несомнѣнно желательный съ той самой точки зрѣнія, съ которой признается вообще желательною сословная организація адвокатуры. Съ другой стороны,—если не считать правилъ дѣлопроизводства въ самомъ совѣтѣ,—то относительно всѣхъ остальныхъ правилъ „внутренняго распорядка въ сословіи“ нельзя незамѣтить, что между установленіемъ этихъ правилъ и общею дѣятельностью совѣта, какъ органа надзора и суда, неусматривается никакой внутренней необходимой связи. Установленіе этихъ правилъ слѣдуетъ по сему предоставить свободному развитію корпоративной жизни, непріурочивая ихъ къ опредѣленному органу; они возникнутъ, какъ и возникали доннѣ, либо по инициативѣ совѣтовъ съ неизбѣжною санкціей общихъ собраній, либо по инициативѣ самихъ общихъ собраній, голосъ коихъ всегда охранялся и будетъ охраняться дисциплинарною властью совѣта.

Предуказывать опредѣленно порядокъ возникновенія этихъ правилъ едва ли представляется цѣлесообразнымъ,—вслѣдствіе чего Коммисія полагала бы либо сохранить по разбираемому вопросу нынѣшнюю редакцію 2 п. 367 ст. учр. суд. уст., либо вычеркнуть вовсе изъ 1 п. 27 ст. проекта слова: „установленныхъ для нихъ совѣтомъ правилъ“.

По статьѣ 30-й.

Статья эта разрѣшаетъ совѣту отерочивать по своему усмотрѣнію исполненіе приговора о запрещеніи присяжному повѣренному отправлять обязанности его званія. Такое право предоставлено совѣту, повидимому, въ огражденіе интересовъ тяжущихся, для которыхъ внезапное лишеніе повѣреннаго права продолжать веденіе дѣла можетъ вызвать весьма тяжелыя послѣдствія. Но именно въ виду такого основанія къ установленію разбираемаго правила,

представляется неумѣстнымъ ограничивать усмотрѣніе совѣта какимъ либо срокомъ. Сложность обстоятельствъ дѣла, отдаленность мѣстожителства кліента и многія другія условія могутъ вызывать необходимость предоставленія присяжному повѣренному права продолжать веденіе дѣла въ теченіе 2 или 3 мѣсяцевъ, а между тѣмъ совѣтъ, связанный срокомъ, вынужденъ будетъ игнорировать самые существенные интересы кліента; если и не дастъ увлечь себя желаніемъ оградить эти интересы во что бы то ни стало, прибѣгая для этого къ пониженію самой мѣры наказанія. Цѣль закона—устранить искусственныя отсрочки въ исполненіи приговора (стр. 139)—будетъ вполне достигнута, если будетъ указано какъ общее правило, что приговоры совѣта подлежатъ исполненію немедленно по вступленіи ихъ въ законную силу, а право совѣта допускать отсрочку будетъ поставлено въ зависимость отъ исключительныхъ условій.

Ст. 30 должна быть по сему изложена слѣдующимъ образомъ:

„Вступившее въ законную силу постановленіе о запрещеніи отправлять обязанности повѣреннаго должно быть приведено въ исполненіе немедленно, но въ исключительныхъ случаяхъ совѣтъ можетъ по уважительнымъ причинамъ отсрочить исполненіе онаго“.

По статьѣ 44-й.

Предоставляя въ ст. 45 заинтересованнымъ лицамъ право обжалованія постановленій совѣта въ двухнедѣльный со времени объявленія сихъ постановленій срокъ, проектъ не устанавливаетъ однако самаго порядка объявленія постановленій совѣта заинтересованнымъ лицамъ. Этотъ недостатокъ могущій повести къ недоразумѣніямъ на практикѣ, надлежало бы восполнить указаніемъ въ ст. 44 на то, что

„заинтересованныя лица приглашаются для прочтенія постановленія совѣта въ назначенный совѣтомъ день, который и считается днемъ объявленія постановленія совѣта“.

По статьѣ 45-й.

1.

Какъ по дѣйствующему такъ и по проектируемому закону совѣту присяжныхъ повѣренныхъ предоставляется право рѣшать

вопросъ о принятіи въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ на основаніи такъ называемыхъ неформальныхъ данныхъ. При наличности всѣхъ требуемыхъ закономъ условій для поступленія въ присяжные повѣренные (ст. 2) просителю можетъ быть однако отказано въ ходатайствѣ о принятіи—по соображеніямъ нравственнаго свойства, въ которыхъ совѣтъ никому отчетъ давать не обязанъ. Предоставленіе такихъ широкихъ полномочій сословному органу вызывается заботою о возвышеніи нравственнаго уровня сословія и сознаниемъ, что достиженіе этой цѣли недостаточно обеспечивается исполненіемъ тѣхъ формальныхъ условій, которыя поддаются впередъ законодательному опредѣленію (ст. 2). Это неизбежное восполненіе предустановленныхъ закономъ условій влечетъ за собою однако, какъ естественное послѣдствіе, безапелляціонность постановленій совѣта по вопросамъ о принятіи, ибо приговоръ, который по существу своему не можетъ быть мотивированъ, не можетъ быть и провѣряемъ высшею инстанціею. Между тѣмъ проектъ, не умаляя явнымъ образомъ указанной прерогативы совѣта, допускаетъ тѣмъ не менѣе протестъ прокурора на постановленія совѣта, коими просители приняты въ присяжные повѣренные. Принятію присяжнаго повѣреннаго предшествуетъ сужденіе совѣта о наличности или отсутствіи тѣхъ неформальныхъ условій, которыя могутъ имѣть значеніе для правильнаго разрѣшенія дѣла. Ни прокурорскій надзоръ, ни особое присутствіе палаты этихъ сужденій не опровергаетъ и не провѣряетъ за неимѣніемъ необходимыхъ для того данныхъ. Дѣло, значить, сводится къ тому, что вопросъ о принятіи рѣшается особымъ присутствіемъ палаты не въ качествѣ апелляціонной, а въ качествѣ первой и единственной инстанціи. Неблагопріятныя для просителя свѣдѣнія, которыми руководится прокурорскій надзоръ и особое присутствіе, могли быть въ виду совѣта; они могли быть опровергнуты такими данными, которыя имѣлись въ распоряженіи совѣта и которыхъ въ распоряженіи особаго присутствія не имѣется,—и весь трудъ, потраченный на ихъ собраніе и обсужденіе, безслѣдно пропадаетъ. Нельзя при этомъ упускать изъ виду, что изъ двухъ инстанцій, между которыми приходится выбирать, совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ является несомнѣнно, по положенію имъ занимаемому, гораздо болѣе пригоднымъ органомъ для собранія свѣдѣній о просителяхъ и для провѣрки нравственныхъ ихъ качествъ, нежели особое присутствіе палаты, менѣе численное и болѣе отдаленное отъ тѣхъ сферъ, изъ которыхъ комплектуется

сословіе присяжныхъ повѣренныхъ. Между тѣмъ, изъ рукъ этого болѣе пригоднаго органа изымается важнѣйшая его функція, по ничѣмъ не мотивированному усмотрѣнію прокурорскаго надзора; функція эта передается учрежденію, совершенно къ ней неприспособленному, и на это неприспособленное учрежденіе возлагается повтореніе работы, разъ уже исполненной и, какъ можно думать, исполненной съ большимъ успѣхомъ. Это, очевидно, ненормальное явленіе не находитъ себѣ достаточныхъ оправданій и въ мотивахъ объяснительной записки.

Въ мотивахъ этихъ указано (стр. 150) что „при разсмотрѣніи *формальныхъ* правъ лица, желающаго поступить въ составъ присяжныхъ повѣренныхъ, совѣтъ, какъ и всякое другое установленіе, можетъ впасть въ ошибку относительно толкованія или примѣненія закона; причеиъ ошибка эта можетъ быть направлена не только къ невыгодѣ просителя но и къ нарушенію тѣхъ требованій закона, которыми ограждаются интересы общегосударственныя. Надзоръ же за соблюденіемъ законности въ дѣятельности совѣтовъ съ общегосударственной точки зрѣнія входитъ ближайшимъ образомъ въ кругъ вѣдѣнія лицъ прокурорскаго надзора“. Такимъ образомъ, прокурорскій надзоръ привлекается къ участию въ дѣлѣ для охраны общегосударственныхъ интересовъ, могущихъ быть нарушенными „при разсмотрѣніи *формальныхъ* правъ просителя“. Этою цѣлью и должна бы опредѣляться степень самаго участія прокурорскаго надзора въ разрѣшеніи вопроса о принятіи въ присяжные повѣренные. Прокурорскому надзору должно быть предоставлено, какъ того требовало меньшинство II отдѣла и Высочайше учрежденной комисіи (стр. 20 и 151), право протеста противъ постановленій совѣта о принятіи въ присяжные повѣренные лишь въ случаѣ нарушенія сими постановленіями *формальныхъ* требованій закона.

2.

По смыслу той же 45-й статьи прокурорскому надзору предоставляется право протеста противъ *всѣхъ* постановленій совѣта относительно взысканій съ присяжныхъ повѣренныхъ или освобожденія отъ оныхъ. Къ числу ихъ относятся и постановленія объ исключеніи присяжныхъ повѣренныхъ изъ сословія. Протестъ прокурорскаго надзора противъ такого постановленія, очевидно, обозначалъ бы ничто иное, какъ насильственное навязываніе сословію лица, котораго оно не желаетъ. Частный интересъ лица обви-

неннаго достаточно ограждается предоставленнымъ ему правомъ обжалованія; общегосударственный же интересъ врядъ ли требуетъ возврата въ сословіе лица, сословіемъ отвергнутаго и добровольно этому рѣшенію подчинившагося.

Въ виду изложеннаго надлежало бы послѣднюю часть 45 статьи дополнить указаніемъ на то, что:

„Протесты на постановленія совѣта объ исключеніи изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ вовсе не допускаются, а протесты на постановленія совѣтовъ о принятіи допускаются лишь въ случаѣ нарушенія этими постановленіями формальныхъ требованій закона“.

По статьѣ 48-й.

Согласно 45-й статьѣ, на разсмотрѣніе судебной палаты восходятъ не только постановленія о наложеніи на присяжныхъ повѣренныхъ взысканій, но, по протесту прокурора судебной палаты, могутъ восходить и постановленія о принятіи въ присяжные повѣренные.

Высказанными выше замѣчаніями по поводу 45-й статьи эта возможность не устраняется всецѣло, а ограничивается лишь тѣми случаями, когда въ постановленіи совѣта будетъ усмотрѣно прокуроромъ палаты нарушеніе формальныхъ требованій закона. Очевидно, что рѣшенія палаты по вопросу о принятіи могутъ въ той же мѣрѣ грѣшить неправильнымъ толкованіемъ закона, какъ и постановленія о наложеніи дисциплинарныхъ взысканій,—вслѣдствіе чего заинтересованнымъ лицамъ и въ этомъ случаѣ (т. е. въ случаѣ отмѣны судебною палатою постановленія совѣта о принятіи) должно быть предоставлено право принесенія кассационной жалобы Правительствующему Сенату.

По статьѣ 50-й.

Статью эту слѣдовало бы дополнить указаніемъ на то, что отдѣленіе исполняетъ порученія, возлагаемыя на него совѣтомъ, когда представляется надобность въ производствѣ на мѣстѣ какихъ либо слѣдственныхъ по дисциплинарнымъ дѣламъ дѣйствій. Сверхъ сего предсѣдателю отдѣленія слѣдовало бы въ случаяхъ, нетерпящихъ отлагательства, предоставить въ предѣлахъ компетенціи отдѣленія, такія же права, какія предоставлены 28 статьею проекта предсѣдателю совѣта.

Изъ числа 5 статей, составляющихъ главу „о надзорѣ за совѣтами присяжныхъ повѣренныхъ“, двѣ (56 и 58) не имѣютъ спеціальнаго отношенія къ присяжнымъ повѣреннымъ, а составляютъ лишь примѣненіе къ производству дѣлъ по надзору за сими повѣренными общихъ предположеній о реформѣ дисциплинарнаго производства. Такимъ образомъ, кромѣ вводной (54) статьи, гласящей что на совѣты присяжныхъ повѣренныхъ распространяются правила ст.ст. 219—292 учр. суд. уст. съ нижеслѣдующими „дополненіями и измѣненіями“,—въ разбираемой главѣ имѣются лишь двѣ статьи 55 и 57. Содержаніе первой изъ нихъ едва ли можетъ почитаться „дополненіемъ или измѣненіемъ“ указанныхъ статей учр. суд. уст., ибо въ ней пояснено лишь къ какой категоріи чиновъ судебнаго вѣдомства должны быть отнесены совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, предсѣдатель, товарищъ предсѣдателя и члены онаго. Приравнивъ всѣхъ указанныхъ лицъ, въ отношеніи дисциплинарной отвѣтственности, къ членамъ окружныхъ судовъ, а совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ къ окружному суду, проектъ въ слѣдующей 57 статьѣ устанавливаетъ изытіе изъ этого общаго положенія. Согласно 264 ст. учр. суд. уст. „въ порядкѣ дисциплинарной отвѣтственности предсѣдателя, товарищи предсѣдателей и члены судебныхъ мѣстъ подлежатъ только предостереженіямъ“, между тѣмъ по 57 ст. проекта, предсѣдатель, товарищъ предсѣдателя и члены совѣта за неправильное исполненіе своихъ обязанностей, могутъ быть подвергаемы въ порядкѣ дисциплинарнаго производства предостереженіямъ, выговорамъ и устранивію изъ состава совѣта съ воспрещеніемъ быть вновь избираемымъ на срокъ не болѣе двухъ лѣтъ.

Очевидно, что если законъ приравниваетъ совѣты присяжныхъ повѣренныхъ именно въ отношеніи дисциплинарной отвѣтственности къ окружнымъ судамъ, то смыслъ этого приравненія въ томъ только и состоитъ, что члены совѣта, по общественному своему положенію, признаются не подлежащими въ дисциплинарномъ порядкѣ болѣе высокому наказанію чѣмъ то, которое признается высшимъ для членовъ окружнаго суда. Устанавливать въ этомъ отношеніи какое либо отступленіе отъ принципа равенства членовъ совѣта съ членами окружныхъ судовъ, усиливая дисциплинарную репрессію по отношенію къ первымъ, значитъ подрывать въ корнѣ самый этотъ принципъ.

Основаній для такого усиленія репрессіи нельзя найти въ опытѣ, ибо опыта этого нѣтъ пока вовсе, дисциплинарный надзоръ за совѣтами только впервые вводится закономъ; такихъ основаній не указываетъ и объяснительная записка. Наоборотъ, изъ соображеній объяснительной записки можно бы придти къ обратному заключенію. Объяснительная записка указываетъ, что по отношенію къ членамъ совѣта существуетъ, кромѣ дисциплинарнаго надзора, надзоръ со стороны общихъ собраній присяжныхъ повѣренныхъ. И хотя этотъ надзоръ признается недостаточнымъ и именно для восполненія его недостатковъ вводятся новыя правила о дисциплинарномъ надзорѣ, не можетъ однако подлежать сомнѣнію, что наличность особаго рода надзора, совершенно отсутствующаго въ стрѣ прочихъ судебныхъ установленій должна бы внушить скорѣе мысль объ ослабленіи, по сравненію съ прочими судебными установленіями надзора за присяжными повѣренными, чѣмъ объ усиленіи таковаго.

По изложеннымъ основаніямъ Коммисія приходитъ къ заключенію, что единственное установленное проектомъ изъятіе изъ общихъ правилъ учр. суд. уст. должно отпасть, и что на мѣсто пяти предположенныхъ статей проекта могла бы стать одна, которая, совмѣщая содержаніе нынѣшнихъ статей 54 и 55, гласила бы, что

„На совѣты присяжныхъ повѣренныхъ распространяются правила статей 249—262 учр. суд. уст. о надзорѣ за судебными установленіями и объ отвѣтственности должностныхъ лицъ судебного вѣдомства, при чемъ совѣты присяжныхъ повѣренныхъ приравняются къ окружнымъ судамъ, а председатель, товарищъ председателя и члены совѣта къ членамъ окружныхъ судовъ.

По статьѣ 62-й.

Установленное этой статьею изъятіе изъ общаго правила о подсудности присяжныхъ повѣренныхъ совѣтамъ тѣхъ округовъ, къ коимъ они приписаны, вызывается, очевидно, тѣми затрудненіями, съ которыми связано производство дисциплинарнаго дѣла вдали отъ мѣста, гдѣ обнаружился поводъ для возбужденія онаго. Затрудненія эти могутъ состоять, *во первыхъ*, въ томъ, что заинтересованныя лица часто проживаютъ въ томъ округѣ, гдѣ производилось ихъ дѣло, и *во вторыхъ*,—въ томъ, что слѣдственные по дисциплинарному производству дѣйствія (допросъ свидѣтелей, осмотръ

судебнаго производства и проч.) могутъ быть съ большимъ удобствомъ исполняемы по близости къ мѣсту гдѣ вмѣняемое въ вино дѣяніе совершено.

При обсужденіи приведеннаго правила необходимо однако имѣть въ виду, что если колебаніе основнаго принципа подсудности вредно вообще, въ какой бы области оно ни имѣло мѣсто, то особенно вреднымъ оно является въ области суда товарищескаго. Подчиненіе присяжнаго повѣреннаго совѣту того округа, гдѣ онъ имѣетъ постоянное жительство, гарантируетъ одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ правильнаго отправленія товарищескаго суда—близкое знакомство судей съ личностью судимаго. Вслѣдствіе сего, всякое изъятіе изъ обычной подсудности по дѣламъ дисциплинарнымъ должно быть допускаемо лишь съ большою осторожностью и не должно выходить за предѣлы тѣхъ особенныхъ условій, коими установленіе этого изъятія вызывается. Обращаясь съ этой точки зрѣнія къ разсмотрѣнію правила 62 ст. проекта, Комиссія находитъ, что правило это изложено въ слишкомъ общей формѣ. Очевидно, что, по скольку дѣло касается необходимости производить слѣдственные дѣйствія въ предѣлахъ другаго округа, исполненіе таковыхъ можетъ быть поручено мѣстному совѣту на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ поручаютъ другъ другу исполненіе подобнаго рода дѣйствій разномѣстныхъ судебныхъ установленія. По скольку же проектируемое правило исходитъ изъ предположенія о томъ, что заинтересованныя лица въ большинствѣ случаевъ проживаютъ по близости судебныхъ установленій, въ которыхъ производятся ихъ дѣла,—проектируемое изъятіе дѣйствительно должно быть допущено, однако не въ той абсолютной формѣ, какая ему придана проектомъ, а съ слѣдующими двумя ограниченіями: во первыхъ, необходимо отличать дисциплинарныя производства, возникающія по жалобамъ частныхъ лицъ отъ такихъ, которыя возникаютъ по усмотрѣнію самаго совѣта, на основаніи дошедшихъ до совѣта свѣдѣній; изъятіе изъ общаго правила о подсудности должно быть установлено лишь для перваго рода дѣлъ, а для случаевъ втораго рода можетъ быть сохранена общая подсудность. Во вторыхъ, даже въ случаѣ принесенія жалобы со стороны частнаго лица общія подсудность не исключается совершенно, а на усмотрѣніе жалобщика предоставляется предъявить жалобу или въ мѣстный совѣтъ или въ совѣтъ, коему присяжный повѣренный подчиненъ, на общемъ основаніи. Въ оправданіе сего послѣдняго ограниченія достаточно сказать, что предположеніе о близости мѣста жительства за-

интересованных лиц къ мѣсту происшествія будучи только предположеніемъ, не во всѣхъ случаяхъ оправдывается и что иной разъ жалобщику можетъ быть удобнѣе вѣдаться съ присяжнымъ повѣреннымъ въ мѣстѣ постоянного жительства сего послѣдняго.

Всѣ указанныя соображенія приводятъ Коммисію къ убѣжденію въ необходимости изложить 62 статью слѣдующимъ образомъ:

„Жалобы на дѣйствія присяжнаго повѣреннаго по производству имъ дѣла внѣ округа той судебной палаты, къ которой онъ приписанъ, могутъ быть приносимы, по усмотрѣнію жалобщиковъ, либо совѣту присяжныхъ повѣренныхъ по мѣсту производства дѣла, либо совѣту того округа, къ которому присяжный повѣренный приписанъ. Совѣту присяжныхъ повѣренныхъ того округа, въ которомъ производится дѣло, принадлежитъ также по отношенію къ ведущему дѣло присяжному повѣренному другого округа право наблюденія за исполненіемъ означеннымъ повѣреннымъ законовъ и всѣхъ лежащихъ на немъ обязанностей (ст. 28 п. 9), съ тѣмъ однако, что дисциплинарный судъ за исключеніемъ случая указаннаго въ началѣ сей статьи, принадлежитъ совѣту того округа, къ которому присяжный повѣренный приписанъ“.

По ст. 63—65.

Постановленія, содержащіяся въ ст.ст. 63—65 относятся къ области процесса и должны бы найти мѣсто въ уставѣ гражд. судопр. а не въ законѣ о присяжныхъ повѣренныхъ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ постановленія эти близко соприкасаются съ существенными задачами учрежденія присяжныхъ повѣренныхъ, Коммисія считаетъ долгомъ сдѣлать по существу оныхъ нѣкоторыя замѣчанія. Нельзя прежде всего не указать, что ст. 63 проекта расходится съ ст. 248 уст. гр. суд. въ томъ отношеніи, что она исключаетъ одинъ изъ способовъ установленія повѣреннаго, на судѣ, а именно словесное объявленіе довѣрителя и повѣреннаго, записанное въ журналъ суда (3 п. 248 ст. уст. гр. суд.). Замѣна тяжеловѣсныхъ канцелярскихъ формъ словесными заявленіями на судѣ всегда признавалось желательнымъ упрощеніемъ процесса, и поворотъ назадъ въ этомъ отношеніи едва ли имѣетъ за себя какое либо основаніе.

Далѣ узаконеніями о формѣ представительства тяжущихся на судѣ выдвигается предположеніе объ обязательности въ судѣ гражданскомъ представительства сторонъ профессиональными повѣренными. Возбужденный нѣкоторыми членами Коммисіи въ этомъ смыслѣ вопросъ о введеніи у насъ, по образцу западно-европейскихъ законодательствъ такъ называемой обязательной адвокатуры (Advokatenzwang), разрѣшенъ Коммисіей по большинству голосовъ отрицательно. Коммисія не признала также возможнымъ остановиться на мысли объ установленіи обязательной адвокатуры въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ имѣется достаточное число присяжныхъ повѣренныхъ (ст. 81 проекта) и о соответственномъ, въ связи съ этимъ, повышеніи нормы комплекта присяжныхъ повѣренныхъ.

Признавая всѣ сіи мѣры, въ виду условій нашей судебной жизни, во всякомъ случаѣ преждевременными, Коммисія находитъ, однако, возможнымъ, соглашаясь въ существѣ съ соображеніями, коими вызваны указанные предположенія, остановиться на слѣдующемъ.

Безспорно, — и повседневный судейскій опытъ это подтверждаетъ, что невѣжество тяжущихся губительно отражается на защитѣ ихъ интересовъ, что судъ гражданскій, связанный принципомъ состязательности, часто не въ силахъ помочь тяжущимся и вынужденъ безучастно взирать на явное попираніе несомнѣннаго въ существѣ своемъ, но не умѣло ограждаемаго, права. Принципъ состязательности составляетъ непоколебимую основу гражданского процесса и не на борьбу съ нимъ, а на возможное уравненіе силъ тяжущихся должны быть направлены заботы законодателя. И если, какъ это было указано выше, несвоевременно нынѣ говорить объ адвокатурѣ, какъ объ институтѣ общеобязательномъ, то, во всякомъ случаѣ — для случаевъ исключительныхъ возможно было бы ввести нынѣ же коррективъ въ слѣдующей формѣ. Суду должно быть предоставлено право, буде во время производства гражданского дѣла обнаружится, что тяжущійся, неумѣло ограждаетъ свои права, приостановить производство и дать тяжущемуся срокъ для передачи дѣла присяжному повѣренному. Этимъ путемъ судъ будетъ въ значительномъ числѣ случаевъ избавленъ отъ необходимости отказывать въ признаніи правъ, только потому, что они формально плохо ограждены; съ другой стороны, не будетъ произведено и насиліе надъ тяжущимся, будетъ устранена та именно особенность обязательной адвокатуры, которая въ нашихъ условіяхъ дѣлала бы ее особенно непопулярной.

По статьѣ 68.

Словесныя объясненія въ Правительствующемъ Сенатѣ по дѣламъ гражданскимъ могутъ быть, согласно проекту, представляемы либо сторонами лично, либо лицами, указанными въ 6 пунктахъ отд. 1 ст. 127, либо присяжными повѣренными. Такимъ образомъ, къ представленію словесныхъ объясненій въ Правительствующемъ Сенатѣ не допускаются: а) помощники присяжныхъ повѣренныхъ и б) частные повѣренные.

Такъ какъ вопросъ о правѣ частныхъ повѣренныхъ на веденіе дѣлъ въ Правительствующемъ Сенатѣ разрѣшается въ болѣе общей формѣ ст. 106 проекта (см. ниже), то дѣйствіе разбираемой статьи въ дѣйствительности касается однихъ лишь помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Оцѣнивая въ этихъ предѣлахъ проектируемое правило, Коммисія находитъ, что, въ виду предполагаемой основной реорганизаціи учрежденія помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, едва ли представляется надобность въ установленіи особаго, въ законодательномъ порядкѣ, ограниченія судебной дѣятельности указанной категоріи повѣренныхъ. Какую бы систему организаціи помощниковъ ни принять — ту ли, которую вводитъ проектъ, или ту, которая указана ниже, въ замѣчаніяхъ по поводу ст. 85—103 проекта, — во всякомъ случаѣ, постепенное расширеніе сферы дѣятельности помощника присяжнаго повѣреннаго ставится подъ строгій контроль совѣта, который и призванъ опредѣлять достаточно ли помощникъ подготовленъ къ веденію дѣлъ въ той или иной судебной инстанціи. И если совѣту оказывается довѣріе когда дѣло касается веденія помощниками дѣлъ въ судебной палатѣ, то едва ли имѣется достаточное основаніе отказывать ему въ этомъ довѣрїи, когда возникаетъ вопросъ о представленіи ими словесныхъ объясненій Правительствующему Сенату. Нельзя при этомъ не замѣтить, во первыхъ, что веденіе дѣла въ палатѣ, гдѣ кромѣ юридической стороны приходится разбираться и въ фактахъ, сложнѣе веденія дѣла въ Сенатѣ, во вторыхъ, что предполагаемое ограниченіе распространяется даже не на веденіе дѣла вообще, а исключительно на представленіе словесныхъ объясненій; другими словами — вопросъ сводится къ тому, насколько лицо имѣющее право приносить кассационную жалобу, вправе словесно поддерживать ее въ Правительствующемъ Сенатѣ. Очевидно, что по отношенію къ этому вопросу совѣтъ могъ бы быть облеченъ тѣми же правами, какія предоставлены ему по отношенію къ вопросу о

веденіи помощниками дѣль въ другихъ судебныхъ инстанціяхъ, и что нѣтъ надобности устанавливать въ законѣ какія либо спеціальныя по сему предмету правила.

Признавая по изложенныхъ соображеніямъ, что установленное разбираемою статьею ограниченіе не должно быть распространяемо на помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ и что съ другой стороны права частныхъ повѣренныхъ опредѣляются особо ст. 106 проекта, Коммисія полагаетъ, что ст. 68 могла бы быть изъ проекта вовсе исключена.

Во всякомъ случаѣ, если статья будетъ сохранена, ее надлежало бы перенести въ отдѣлъ II „О повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ“ (ст.ст. 127—132), такъ какъ она содержитъ правило, касающееся не спеціально присяжныхъ повѣренныхъ, а повѣренныхъ по дѣламъ гражданскимъ вообще.

По статьѣ 69.

Какъ дѣйствующій такъ и предложенный законъ, воспрещая повѣреннымъ пріобрѣтеніе правъ ихъ довѣрителей, имѣетъ въ виду не только гласныя сдѣлки объ уступкѣ спорныхъ правъ, но и всякіе виды мнимыхъ сдѣлокъ, направленныхъ къ достиженію той же запрещенной закономъ цѣли. Дѣйствующій законъ гласитъ (ст. 400 учр. суд. уст.) что присяжнымъ повѣреннымъ запрещается пріобрѣтать права своихъ довѣрителей не только на свое имя, но и „подъ видомъ пріобрѣтенія для другихъ лицъ“. 69 ст. проектируемаго закона идетъ еще далѣе и воспрещаетъ пріобрѣтеніе правъ не отъ „довѣрителей“, а вообще отъ „тяжущихся“, въ справедливомъ опасеніи, что присяжному повѣренному достаточно будетъ отказаться отъ довѣренности или пріобрѣсти права тяжущагося не выдавшаго ему еще довѣренности, чтобы избѣгнуть примѣненія закона о пріобрѣтеніи спорныхъ правъ отъ „довѣрителей“.

Въ тѣхъ же видахъ, проектъ, говоря о пріобрѣтеніи имущества, по поводу котораго происходитъ споръ, разрѣшаетъ такое пріобрѣтеніе только по отношенію къ имуществамъ недвижимымъ: сдѣлка о движимомъ имуществѣ, по поводу котораго происходитъ споръ, предполагается всегда фактивною, маскирующею реальную уступку спорныхъ правъ. Однако, на ряду съ предположеніемъ о безусловной мнимости сдѣлокъ о пріобрѣтеніи движимаго имущества, проектъ принимаетъ въ столь же безусловной формѣ обрат-

ную презумпцію относительно сдѣлокъ о недвижимомъ имуществѣ: всякая сдѣлка присяжнаго повѣреннаго съ тяжущимся относительно приобрѣтенія недвижимаго имущества, по поводу коего производится споръ, признается дѣйствительною. Между тѣмъ несомнѣнно, что и сдѣлки послѣдняго рода могутъ быть совершаемы въ обходъ закона о приобрѣтеніи повѣренными правъ довѣрителей; несомнѣнно и то, что сдѣлки о приобрѣтеніи движимости не всегда лишены реального основанія. Вслѣдствіе сего Коммисія находитъ болѣе правильнымъ, не создавая въ законѣ презумпцій ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ, постановить общее правило о томъ, что всякія сдѣлки, подъ коими скрывается приобрѣтеніе повѣренными правъ тяжущихся признаются недѣйствительными.

Ст. 69 могла бы быть по сему изложена слѣдующимъ образомъ:

„Присяжнымъ повѣреннымъ запрещается приобрѣтать права тяжущихся по ихъ тяжбамъ, какъ на свое имя, такъ и подъ видомъ приобрѣтенія для другихъ лицъ, а равно подъ видомъ приобрѣтенія самаго имущества, по поводу котораго производится споръ или подъ видомъ какой либо иной сдѣлки, за исключеніемъ лишь случаевъ приобрѣтенія правъ посредствомъ завѣщанія и наслѣдованія по закону.

По статьѣ 75.

При обсужденіи вопроса о формѣ гонорарнаго договора надлежитъ различать требованія, могуція быть предъявленными къ гонорарному договору, когда имѣется въ виду судебный искъ о гонорарѣ, и требованія, устанавливаемыя вообще для гонорарныхъ отношеній. Проектъ вмѣняетъ присяжнымъ повѣреннымъ въ обязанность заключать всегда письменный договоръ о вознагражденіи. Между тѣмъ, отношенія адвоката къ клиенту часто таковы, что онъ лишень возможности настаивать на заключеніи письменнаго условія и несправедливо было бы ставить ему это въ вину впоследствии при разрѣшеніи возникшихъ между нимъ и клиентомъ недоразумѣній. И если можно требовать обязательнаго письменнаго договора, какъ доказательства спора судебного,—въ виду затруднительности для суда гражданскаго разрѣшать такіе споры иными способами, то для корпоративнаго органа, въ случаяхъ дисциплинарнаго преслѣдованія или при разрѣшеніи совѣтомъ спора о размѣрѣ гонорара (ст. 27 п. 7 проекта), отсутствіе пись-

менной сдѣлки не должно бы само по себѣ вызывать невыгодныхъ для присяжнаго повѣреннаго послѣдствій.

Вторая часть 75 статьи составляетъ изъятіе изъ основнаго, усвоеннаго какъ дѣйствующею, такъ проектируемою таксою, положенія, что гонораръ адвоката зависитъ отъ успѣха его ходатайства по дѣлу. Не входя въ оцѣнку этого положенія по существу, коммисія находитъ, что разъ оно признано цѣлесообразнымъ вообще, то нѣтъ основаній устанавливать какія либо изъятія изъ него спеціально для дѣлъ уголовныхъ. Если предполагать, что обѣщаніе награды за успѣхъ можетъ усилить рвеніе адвоката въ защитѣ вѣрренныхъ ему интересовъ, то нѣтъ основанія предоставлять это преимущество тяжущимся по дѣламъ гражданскимъ и не предоставлять его обвиняемымъ по дѣламъ уголовнымъ. Въ основѣ взгляда, принятаго проектомъ лежитъ представленіе о томъ, что гонораръ за выигрышъ уголовного дѣла есть какъ бы особая премія за „обѣленіе преступника“ или за „перенесеніе отвѣтственности съ дѣйствительнаго виновника на лицо невинное“ (стр. 172).

Между тѣмъ несомнѣнно, что адвокатъ не долженъ лишь прибѣгать къ пріемамъ, противорѣчащимъ закону и правиламъ доброй нравственности. Но внѣ этихъ запрещенныхъ путей онъ обязанъ— безотносительно къ тому, защищаетъ ли онъ дѣло гражданское или уголовное, употреблять всѣ усилія для того, чтобы защитить интересы своего кліента. Если онъ въ этой защитѣ выходитъ за установленные предѣлы, онъ грѣшитъ противъ закона и противъ правилъ своей профессіи; если онъ не дѣлаетъ всего, что въ этихъ предѣлахъ возможно сдѣлать, то онъ не исполняетъ своего долга,— одинаково какъ въ гражданскомъ такъ и уголовномъ процессѣ. И если ожиданіе преміи за выигрышъ дѣйствительно способно вовлечь адвоката въ соблазнъ и привести его къ нарушенію должныхъ предѣловъ, то слѣдуетъ устранить такую премію и изъ гражданскаго процесса, ибо государственный интересъ одинаково требуетъ огражденія закона и нравственныхъ основъ общества въ судѣ гражданскомъ какъ и въ судѣ уголовномъ. Если же предполагается, что наличность или отсутствіе преміи способно лишь усилить или ослабить усердіе адвоката въ предѣлахъ должнаго, то отказъ въ такой преміи по дѣламъ уголовнымъ сводится къ требованію, чтобы адвокатъ защищалъ обвиняемыхъ по уголовнымъ дѣламъ безъ особаго рвенія на томъ единственно основаніи, что, благодаря горячей защитѣ, и виновный можетъ иногда оказаться по суду оправданнымъ. Находя въ виду сихъ соображеній, что для установленія

изъятія, содержащагося во 2-й части 75 ст. проекта нѣтъ достаточныхъ основаній, комиссія полагала бы 2-ю часть 75 ст. исключить и 75 ст. изложить слѣдующимъ образомъ:

Количество вознагражденія присяжныхъ повѣренныхъ за хожденіе по дѣламъ зависитъ отъ соглашенія ихъ съ довѣрителями. Договоры о семъ могутъ быть какъ письменные такъ и словесные, но въ искахъ о вознагражденіи принимаются за доказательство только письменные договоры.

По статьѣ 76.

Ст. 76 предоставляетъ совѣту право измѣнять условія заключенной между довѣрителемъ и повѣреннымъ сдѣлки о гонорарѣ, принимая во вниманіе не только сложность и важность дѣла, но также „знаніе и опытность присяжнаго повѣреннаго“. Предоставленіе совѣту права оцѣнивать „знаніе и опытность присяжнаго повѣреннаго“ едва ли оправдывается достаточными соображеніями. Всякій адвокатъ вправѣ считать себя достаточно опытнымъ и знающимъ для того, чтобы вести всякія судебныя дѣла, и нѣтъ никакого повода наказывать его за то, что онъ назначаетъ гонораръ согласно съ этимъ своимъ убѣжденіемъ. Если кліентъ, соглашаясь на предложенныя условія, заблуждался относительно степени талантливости адвоката, то въ этомъ адвокатъ не повиненъ и лишать его гонорара, въ ожиданіи котораго онъ только и принялъ веденіе дѣла, нѣтъ никакихъ основаній. Да и кто можетъ стать судьей въ этомъ спорѣ,—кто вправѣ рѣшать, талантливъ ли адвокатъ въ той мѣрѣ, какъ утверждаетъ онъ, или талантъ его стоитъ столько, сколько предлагаетъ кліентъ?

Въ вопросахъ, носящихъ столь ясно выраженный субъективный отпечатокъ немыслимъ никакой судъ, и потому совѣту не должно быть предоставлено право оцѣнивать справедливость гонорара по степени „опытности и знанія“ присяжнаго повѣреннаго.

Далѣе 76 статья, предоставляя совѣту право измѣнять договорное соглашеніе между повѣреннымъ и довѣрителемъ не указываетъ вовсе тѣхъ исключительныхъ условій, при наличности которыхъ только и предполагалось, какъ видно изъ мотивовъ объяснительной записки (стр. 173) предоставить совѣту столь широкую власть. Объяснительная записка исходитъ, повидимому изъ того, совершенно правильнаго положенія, что поскольку кліентъ, заключая договоръ съ повѣреннымъ, дѣйствовалъ сознательно, онъ не вправѣ домогаться измѣненія условій, добровольно имъ принятыхъ.

Оцѣнка со стороны Совѣта справедливости гонорарныхъ условій требуется, по мысли объяснительной записки лишь тогда, когда присяжный повѣренный выговорилъ себѣ чрезмѣрный гонораръ, „пользуясь невѣжествомъ или стѣснительнымъ положеніемъ довѣрителя“. Только этими предѣлами и должно бы быть ограничено право Совѣта.

Наконецъ, заключительный пунктъ 76 ст. гласить, что условіе о неустойкѣ, заключаемое въ обезпеченіе сего договора, недѣйствительно. Текстъ статьи не опредѣляетъ съ достаточною ясностью, признается ли недѣйствительнымъ условіе о неустойкѣ лишь въ томъ случаѣ, когда оно должно обезпечить присяжнаго повѣреннаго отъ измѣненія гонорарныхъ условій со стороны совѣта, или же недѣйствительнымъ признается всякое условіе о неустойкѣ, включенное въ гонорарный договоръ. Мотивы объяснительной записки говорятъ въ пользу перваго предположенія: недѣйствительность условія о неустойкѣ оправдывается тѣмъ (стр. 174), что оно могло бы быть заключено въ намѣреніи уклониться отъ дѣйствія правила, изложеннаго въ 76 статьѣ. Едва ли, однако, можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что условіе о неустойкѣ несоотвѣтствуетъ характеру гонорарнаго договора вообще, какая бы часть этого договора имъ ни обезпечивалась. Вслѣдствіе сего надлежало бы постановить какъ общее правило, что неустойка въ гонорарныхъ договорахъ воспрещается. Съ другой стороны, нельзя не принять во вниманіе и тѣхъ случаевъ, когда присяжный повѣренный недостаточно ограждается простымъ обязательствомъ кліента уплатить за веденіе дѣла опредѣленную сумму; таковы: случай преждевременнаго устраненія повѣреннаго отъ веденія дѣла и случай отказа наслѣдниковъ довѣрителя въ выдачѣ повѣренному довѣренности для дальнѣйшаго веденія порученнаго ему дѣла. Въ огражденіе интересовъ присяжнаго повѣреннаго должно быть установлено въ такъ правило о томъ, что въ каждомъ изъ указанныхъ случаевъ присяжный повѣренный имѣетъ право требовать свой гонораръ сполна какъ бы за выигранное имъ дѣло. Введеніемъ такого правила, опредѣленнаго по своимъ послѣдствіямъ и справедливаго въ основаніяхъ, устранится всякій видимый поводъ для установленія неустойки, чрезвычайно неопредѣленной по размѣрамъ, весьма рѣдко соответствующей требованіямъ справедливости и во всякомъ случаѣ унижающей характеръ отношеній между адвокатомъ и кліентомъ. По всемъ указаннымъ соображеніямъ

комmissiа находить, что ст. 76 должна бы быть редактирована слѣдующимъ образомъ:

Если совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ усмотритъ, что присяжный повѣренный, пользуясь неопытностью, невѣжествомъ или стѣснительнымъ положенiемъ довѣрителя, выговорилъ себѣ чрезмѣрное вознагражденiе, то можетъ уменьшить таковое до размѣра, опредѣленнаго таксою. Включенiе въ договоръ о вознагражденiи присяжнаго повѣреннаго условiя о неустойкѣ безусловно воспрещается. Присяжный повѣренный можетъ выговорить себѣ вознагражденiе на случай, если безъ всякой вины съ его стороны онъ будетъ лишень возможности окончить порученное ему дѣло; вознагражденiе это не можетъ, однако, превышать суммы, условленной на случай благоприятнаго для довѣрителя окончанiя дѣла.

По статьямъ 79 и 83.

83 ст. возлагаетъ на присяжныхъ повѣренныхъ обязанность защищать подсудимыхъ по назначенiю суда не только въ мѣстѣ постоянного пребыванiя суда, но и въ выѣздныхъ его сессiяхъ, а 79 ст. облагаетъ ихъ сверхъ сего сборомъ на путевые расходы по выѣздамъ.

Защита подсудимыхъ по назначенiю отъ суда составляетъ общественную повинность, отбываемую присяжными повѣренными безмездно. Увеличенiе тяжести этой повинности едва ли представляется справедливымъ. Все болѣе возрастающее число присяжныхъ повѣренныхъ и увеличивающаяся вслѣдствiе этого конкуренцiя замѣтно понижаетъ уровень ихъ благосостоянiя; при такихъ условiяхъ выполненiе присяжными повѣренными требованiя, предъявляемаго къ нимъ проектомъ, явилось бы для многихъ изъ нихъ чрезмѣрною жертвою. Несомнѣнно, что каждый подсудимый долженъ имѣть защитника, несомнѣнно, что присяжные повѣренные наиболѣе успѣшно могутъ выполнять функцiи защитниковъ; однако изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы новая повинность всею своею тяжестью должна была лечь на одно сословiе. Привилегiя, предоставляемая правительствомъ этому сословiю, отнюдь не въ такой мѣрѣ окупается, чтобы взамѣнъ за нее можно было требовать отъ присяжныхъ повѣренныхъ большаго, чѣмъ то, что требовалось закономъ доннѣ. Даровая защита подсудимыхъ въ мѣстѣ пребыванiя суда и веденiе дѣлъ тяжущихся, пользующихся правомъ

бѣдности, представляетъ, казалось-бы, достаточную мѣру повинности, специально обрацаемой на сословіе присяжныхъ повѣренныхъ безъ освобожденія этого сословія отъ всѣхъ прочихъ общегражданскихъ видовъ обложенія.

И если дѣйствительно ощущается недостаточность дѣйствующей нынѣ организаціи защиты подсудимыхъ на выѣздныхъ сессіяхъ, то для улучшенія таковой надлежитъ избрѣсти другія средства, съ болѣе равномернымъ распредѣленіемъ тяжести обложенія, какъ то: уплату изъ казны вознагражденія за обязательныя защиты или назначенія на несложныя защиты (а такихъ большинство) молодыхъ адвокатовъ, отбывающихъ срокъ подготовки, съ назначеніемъ имъ лишь прогоновъ за проѣздъ и съ установленіемъ контроля за ихъ дѣятельностью со стороны совѣта. Присяжныхъ же повѣренныхъ слѣдуетъ отъ этой новой тяжести освободить.

Въ виду сихъ соображеній коммисія полагала бы ст. 83 исключить вовсе, а въ ст. 79 исключить слова: „на возмѣщеніе путевыхъ расходовъ присяжныхъ повѣренныхъ по обязательнымъ защита́мъ подсудимыхъ при выѣздахъ суда“.

По статьѣ 81.

Установленіемъ комплекта присяжныхъ повѣренныхъ преслѣдуется цѣль „обезпечить для населенія возможность пользоваться на необременительныхъ для него условіяхъ трудомъ наиболѣе образованныхъ и опытныхъ новѣренныхъ“ (объяснительная записка стр. 175). Въ видахъ осуществленія этой цѣли предположено въ округахъ, гдѣ число присяжныхъ повѣренныхъ будетъ признано достаточнымъ, пресѣчь дальнѣйшее хожденіе по дѣламъ со стороны частныхъ повѣренныхъ, какъ лицъ, лишенныхъ образовательнаго ценза и не представляющихъ достаточныхъ гарантій въ нравственномъ отношеніи. Относительно своевременности этой мѣры врядъ ли могутъ быть два мнѣнія; и сомнѣнія можетъ возбуждать лишь вопросъ о самомъ мѣрилѣ достаточности числа присяжныхъ повѣренныхъ.

Прежде всего какое бы число ни принять въ основаніе для нормы комплекта, комплектъ этотъ долженъ быть признанъ установленнымъ тогда, когда указаннаго предѣла достигнетъ не число однихъ присяжныхъ повѣренныхъ, а общее число всѣхъ практикующихъ въ данной мѣстности повѣренныхъ, какъ присяжныхъ, такъ и частныхъ. При существованіи института частныхъ

повѣренныхъ потребности населенія въ судебныхъ представителяхъ удовлетворяются въ одинаковой мѣрѣ какъ присяжными, такъ и частными повѣренными. Посему моментъ, съ котораго можетъ прекратиться забота законодателя о расширеніи круга повѣренныхъ, наступаетъ тогда, когда имѣется на лицо достаточное число повѣренныхъ обоихъ категорій. Съ этого момента долженъ прекратиться пріемъ частныхъ повѣренныхъ. Въ противномъ случаѣ, если согласно системѣ проекта выждать появленія въ данной мѣстности установленнаго числа присяжныхъ повѣренныхъ, съ тѣмъ что до ихъ появленія будутъ впредь свободно допускаться къ веденію дѣлъ и частные повѣренные, то окажется, что частные повѣренные не только будутъ допускаться къ веденію дѣлъ въ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе могло бы уже свободно пользоваться услугами образованныхъ и опытныхъ повѣренныхъ, но что и впредь они своимъ появленіемъ въ рядахъ повѣренныхъ будутъ отдалять наступленіе того момента, когда можно будетъ считать комплектъ установленнымъ. Вторымъ и самымъ основнымъ недостаткомъ принятой проектомъ системы является самая норма исчисления комплекта. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ значительномъ большинствѣ городовъ, въ которыхъ имѣютъ пребываніе окружные суды, наличное количество повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ удовлетворяетъ потребностямъ населенія. Наблюденіе указываетъ, что нигдѣ не замѣчается ни чрезмѣрнаго обремененія наличнаго числа повѣренныхъ дѣлами, ни чрезмѣрныхъ ихъ заработковъ. Можно думать, что именно эта сознаваемая всеми приблизительная уравновѣшенность спроса и предложенія и внушаетъ мысль о настоятельной необходимости установить нынѣ же предѣльную норму повѣренныхъ, мысль, принципиально созданную давно, но не воплотившуюся доселѣ въ законодательную норму, потому что не усматривалось до нынѣ настоятельной практической въ томъ надобности. Между тѣмъ норма комплекта, установленная проектомъ (см. вѣдомость, приложенную къ объяснительной запискѣ) по отношенію къ громадному большинству городовъ значительно превышаетъ наличное количество не только присяжныхъ повѣренныхъ, но и повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ вообще. Разница между дѣйствительнымъ и предполагаемымъ количествомъ повѣренныхъ на столько значительна, что если будетъ принята предположенная норма, то институту частныхъ повѣренныхъ грозитъ остаться еще на весьма долгіе годы, если не навсегда, совершенно нормальнымъ установленіемъ.

Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно сопоставить нѣкоторыя

цифры вѣдомости, напечатанной на стр. 189—193 объяснительной записки. Такъ, въ г. Псковѣ имѣютъ пребываніе 3 присяжныхъ повѣренныхъ и 3 частныхъ, а требуемая по вѣдомости норма достаточнаго числа опредѣлена цифрою 16; въ Череповцѣ не имѣется ни одного присяжнаго повѣреннаго и 2 частныхъ повѣренныхъ, требуемая норма 10; въ Новгородѣ—2 присяжныхъ повѣренныхъ и 4 частныхъ, требуемая норма 16; въ Костромѣ 5 присяжныхъ повѣренныхъ и 1 частный повѣренный, требуемая норма 22; въ Казани 23 присяжныхъ и 3 частныхъ повѣренныхъ, требуемая норма 66, въ Вяткѣ 2 присяжныхъ и 2 частныхъ повѣренныхъ, требуемая норма 22. Невозможно допустить, чтобы, при сравнительно легкомъ доступѣ если не въ присяжную, то въ частную адвокатуру, изъ 66 мѣстъ (въ Казани), если бы они были въ состояніи дать хотя бы сносное только содержаніе—оставалось бы не занятыхъ 44, чтобы изъ 22 (въ Костромѣ), оставалось свободныхъ 16, изъ 10 мѣстъ въ Череповцѣ оставалось бы 8, и все это послѣ 24 лѣтняго дѣйствія закона о частныхъ повѣренныхъ. Повидимому, требованія жизни не совпадаютъ съ установленными проектомъ нормами, и причина этого несовпаденія кроется въ неправильномъ выборѣ мѣрилы, по которому нормы установлены. Какъ видно изъ объяснительной записки и изъ самаго текста разбираемой статьи, за основаніе для установленія нормальнаго числа присяжныхъ повѣренныхъ принято число судей въ окружныхъ судахъ и судебныхъ палатахъ, при чемъ комплектъ присяжныхъ повѣренныхъ установленъ повсемѣстно въ двойномъ, противъ числа судей, количествѣ. Но не говоря уже о томъ, что при этой системѣ—въ виду коллегіальнаго характера суда, не можетъ оказаться округа суда, въ которомъ бы требовалось менѣе 6 присяжныхъ повѣренныхъ (что не соответствуетъ дѣйствительности)—нельзя не замѣтить, что количество потребныхъ населенію повѣренныхъ, при отсутствіи обязательной адвокатуры, отнюдь не зависитъ отъ количества производящихся въ округѣ дѣлъ. Оно зависитъ въ значительной мѣрѣ и отъ характера самыхъ дѣлъ, и отъ ихъ цѣнности, и отъ привычекъ, укоренившихся въ населеніи, и отъ многихъ другихъ случайныхъ причинъ. Всѣ эти спеціальныя условія близко знакомы мѣстнымъ судебнымъ установленіямъ, отъ нихъ и слѣдовало бы истребовать надлежащія данныя, чтобы на основаніи этихъ данныхъ установить табель комплекта присяжныхъ повѣренныхъ, сообразованную для каждой мѣстности съ особенными мѣстными условіями. Высказанное большинствомъ II отдѣла опа-

сеніе, что мѣра эта не приведетъ къ успѣшнымъ результатамъ, такъ какъ судебнымъ установленіямъ не преподано въ законѣ никакихъ руководительныхъ началъ для составленія ихъ заключенія о достаточномъ числѣ присяжныхъ повѣренныхъ, едва ли имѣеть достаточное основаніе. Рѣчь идетъ не о безапелляціонномъ рѣшеніи вопроса мѣстными установленіями, а о представленіи по сказанному предмету данныхъ и соображеній высшему начальству, при чемъ изъ числа этихъ соображеній отнюдь не исключается и преподанное проектомъ руководительное начало о соответствіи нормы повѣренныхъ съ числомъ исковыхъ дѣлъ. Разница будетъ лишь въ томъ, что рядомъ съ единственнымъ признаваемымъ проектомъ началомъ, мѣстными установленіями могутъ быть выдвинуты и другія начала. Къ тому же рѣшеніе на мѣстѣ вопроса о достаточности числа повѣренныхъ не представляется на столько затруднительнымъ, чтобы и заключеніе мѣстнаго судебного установленія даже безъ предварительно преподанныхъ руководительныхъ началъ не могло заслуживать полнаго довѣрія. Наконецъ, соображеніе о томъ, что „опредѣленное закономъ точное число присяжныхъ повѣренныхъ съ теченіемъ времени могло бы оказаться несоответствующимъ потребностямъ населенія“ (объяснительная записка стр. 186) не можетъ быть признано рѣшающимъ, ибо возвратъ отъ „достаточнаго“ числа присяжныхъ повѣренныхъ къ „недостаточному“, или, что тоже, возрожденіе частной адвокатуры тамъ, гдѣ она единожды упразднена—не должно быть допущено. Вопросъ о комплектѣ есть вопросъ, одинъ только разъ для каждаго мѣста разрѣшаемый. Дальнѣйшій ростъ потребностей населенія не можетъ болѣе вызывать примѣненія той субсидіарной мѣры, которая была временно установлена единственно въ виду всеобщаго недостатка въ повѣренныхъ и дѣйствіе которой слѣдуетъ прекратить совершенно. Съ того момента, когда будетъ впервые установлена норма, все остальное можетъ быть предоставлено естественному ходу вещей, можно надѣяться, что предложеніе адвокатскаго труда будетъ поспѣвать за спросомъ на оный. Количество лицъ, окончивающихъ курсъ юридическихъ наукъ и значительное количество адвокатской молодежи, сосредоточенной въ большихъ центрахъ заставляютъ скорѣе опасаться обратнаго явленія.

Всѣ указанныя соображенія приводятъ комиссію къ убѣжденію, что составленіе таблицы комплекта по указанному выше способу (предлагавшемуся и меньшинствомъ II отдѣла) явилось бы

болѣ дѣйствительнымъ средствомъ къ достиженію намѣченной цѣли, нежели система принятая проектомъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ указать: 1) что ст.ст. 80—82 правильнѣе было бы помѣстить въ отдѣлъ о частныхъ повѣренныхъ, ибо онѣ въ сущности опредѣляютъ лишь условія существованія института частныхъ повѣренныхъ; 2) что употребленное въ 1 п. 81 ст. выраженіе: „въ округѣ окружнаго суда, гдѣ не имѣетъ пребыванія судебная палата“—представляется не точнымъ, ибо судебная палата не имѣетъ пребыванія въ округѣ окружнаго суда; правильнѣе было бы сказать: „въ округѣ окружнаго суда того города, гдѣ имѣетъ пребываніе судебная палата“.

По статьямъ 85—103.

Проектъ организуетъ профессиональную подготовку адвокатовъ по типу такъ называемаго личнаго патроната, при которомъ обученіе ввѣряется отдѣльному присяжному повѣренному, случайно избранному самимъ кандидатомъ, а совѣту предоставляется лишь дисциплинарный надзоръ за дѣятельностью кандидата въ теченіе установленнаго закономъ срока. Эта система страдаетъ весьма существенными недостатками, обнаруженными, между прочимъ, и нашею практикою послѣднихъ десятилѣтій:

1) Институту стажу (профессиональной подготовки) проектъ придаетъ форму и даже наименованіе помощничества. Однако, между адвокатскою подготовкою съ одной стороны и оказаніемъ помощи старшему адвокату съ другой—нѣтъ вовсе необходимой связи. Открытіе кандидату доступа въ адвокатуру не должно быть поставлено въ зависимость отъ того, насколько наличный составъ адвокатовъ нуждается для дѣлъ своихъ въ посторонней помощи. На дѣлѣ громадное большинство адвокатовъ въ этой помощи вовсе не нуждается: приписка къ присяжному повѣренному даже одного помощника превращается въ фикцію. Въ одномъ помощникѣ нуждается весьма незначительное меньшинство, а въ двухъ или трехъ—развѣ нѣсколько самыхъ выдающихся адвокатовъ.

2) Связывая всю адвокатскую подготовку съ припискою къ одному лицу, законъ проявляетъ естественную заботу о томъ, чтобы приписка эта не превращалась въ фикцію. Для этого существуетъ одно средство: установленіе максимума помощниковъ у отдѣльнаго патрона. Но, вводя это необходимое при данной системѣ ограниченіе, законъ искусственно преграждаетъ доступъ въ адвокатуру

и создаетъ тѣмъ значительный тормазъ для свободнаго ея развитія.

3) Поступленіе въ сословіе ставится въ зависимость отъ личнаго знакомства и связей кандидата, ибо адвокаты не приписываютъ къ себѣ лицъ, совершенно имъ незнакомыхъ.

4) Самая подготовка молодого адвоката зависитъ отъ умѣлости случайно избраннаго патрона. Такая умѣлость, очевидно, предполагается у всѣхъ, коль скоро всякій присяжный повѣренный признается годнымъ учителемъ. Но проектъ самъ находитъ, что эта общая презумпція можетъ и не оправдаться, и что слѣдуетъ идти на встрѣчу грозящей молодому поколѣнію опасности. Проектъ вводитъ для сего правило (ст. 101), согласно коему совѣтъ вправѣ если признаетъ исполненіе присяжнымъ повѣреннымъ его обязанностей относительно руководства помощника неудовлетворительнымъ, лишить сего повѣреннаго права имѣть помощниковъ. Но правило это, какъ мѣра карательная будетъ, очевидно, примѣняться лишь при наличности совершенно исключительныхъ условий, въ громадномъ же большинствѣ случаевъ неумѣлость патрона будетъ совершенно ускользать отъ контроля со стороны совѣта.

5) Самый родъ занятій помощника, приписаннаго къ патрону, не соотвѣтствуетъ цѣли профессиональной подготовки: съ одной стороны усиливающаяся и среди адвокатовъ спеціализація суживаетъ кругозоръ питомца, обреченнаго на изученіе лишь определенной категоріи дѣлъ, съ другой—помощничество приучаетъ преимущественно къ письменной канцелярской части адвокатской дѣятельности, а не къ самой важной ея части, къ дѣятельности на судѣ.

Всѣ эти недостатки въ значительной степени устраняются организаціею, при которой стажеръ приписывается не къ отдѣльному адвокату, а наравнѣ съ присяжными повѣренными—непосредственно къ сословію съ тѣмъ, что на сословіе возлагается и обязанность пешихъ о профессиональной подготовкѣ начинающаго адвоката. Доступъ въ сословіе открывается всѣмъ, кто удовлетворяетъ установленнымъ въ законѣ требованіямъ, руководство молодежи вѣрится не случайнымъ, а избраннымъ для того наиболѣе опытнымъ и талантливымъ руководителямъ. Такой патронатъ организованъ въ странахъ съ классическою адвокатурою (въ Англіи, Франціи, Бельгіи), незнавшихъ никогда и не знающихъ до нынѣ обязательнаго личнаго патроната. Формы, въ которыхъ происходитъ профессиональное обученіе при господствѣ этой системы,

весьма разнообразны. Сюда относятся: организация конференцій, т. е. собраний групп стажеровъ для разбора конкретныхъ судебныхъ дѣлъ подъ руководствомъ старшихъ адвокатовъ, устройство фиктивныхъ судебныхъ засѣданій, организация защиты дѣлъ бѣдныхъ стажерами, при непосредственномъ участіи и руководствѣ со стороны старшихъ адвокатовъ,—подчиненіе отдѣльныхъ небольшихъ групп стажеровъ патронату избранныхъ совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ, для тѣхъ случаевъ когда стажеру необходима помощь старшаго товарища, организация курсовъ правилъ профессиональной дѣятельности, исторіи и современнаго положенія адвокатуры и проч. и проч.

Не всѣ исчисленныя формы одинаково повсемѣстно примѣнимы, не всѣ одинаково испытаны: примѣненіе той или другой формы зависитъ во многомъ отъ мѣстныхъ и временныхъ условий; но несомнѣнно, что всѣ онѣ лишены недостатковъ, свойственныхъ обязательному личному патронату, и даютъ тамъ, гдѣ онѣ примѣняются, сравнительно хорошіе результаты. Вводить отдѣльныя конкретныя формы этой системы въ законъ было бы, пожалуй, преждевременно, но введеніе противоположной системы (личнаго патроната) въ громадномъ большинствѣ случаевъ превращающей стажъ въ фикцію и тѣмъ не менѣе значительно затрудняющей доступъ въ адвокатуру, устранило бы всякую заботу со стороны совѣтовъ о правильной постановкѣ профессиональной подготовки и въ нѣкоторомъ смыслѣ лишило бы даже совѣтъ права вводить какія либо измѣненія и дополненія въ закрѣпленную закономъ систему. Вслѣдствіе сего и въ виду совершенной новизны этого дѣла у насъ было бы вполне цѣлесообразно, сохранивъ правило проекта о непосредственномъ подчиненіи помощниковъ наравнѣ съ присяжными повѣренными надзору совѣта (ст. 100)—ограничиться по вопросу о профессиональной подготовкѣ возложеніемъ на совѣтъ обязанности выработать сообразно мѣстнымъ условіямъ обязательныя въ предѣлахъ даннаго округа правила профессиональной подготовки помощниковъ, съ тѣмъ чтобы таковыя вступили въ дѣйствіе не иначе какъ по утвержденіи ихъ высшимъ судебнымъ установленіемъ округа, и чтобы принятіе въ присяжные повѣренные обуславливалось точнымъ выполненіемъ со стороны помощника въ теченіе установленнаго срока возлагаемыхъ на него правилами обязанностей.

Примѣненіе сихъ общихъ соображеній къ подлежащимъ правиламъ проекта приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Всѣ установленныя проектомъ подробныя правила объ организаціи занятій у патрона, о раздѣленіи срока стажа на отдѣльные періоды и о правахъ, связанныхъ съ пребываніемъ въ каждомъ изъ сихъ періодовъ, отпадаютъ. Совѣтъ обязанъ въ установленный закономъ срокъ выработать инструкцію о занятіяхъ кандидатовъ и представить такую на утвержденіе судебной палаты. Въ инструкціи этой долженъ быть установленъ сообразно съ мѣстными условіями, порядокъ занятій стажеровъ, обязанность и отвѣтственность назначаемыхъ совѣтомъ руководителей и постепенность, съ которою кандидаты допускаются къ самостоятельному веденію дѣлъ въ разныхъ судебныхъ инстанціяхъ. Такъ какъ правильная профессиональная подготовка предполагаетъ наличность достаточнаго числа руководителей, то совѣту предоставляется также установить, въ какихъ мѣстностяхъ въ предѣлахъ даннаго округа кандидаты допускаются къ отбыванію профессиональной подготовки. Утвержденная палатою инструкція препровождается во всѣ судебныя мѣста округа и сверхъ сего каждому кандидату выдается отъ совѣта свидѣтельство съ обозначеніемъ, въ какомъ періодѣ подготовки кандидатъ находится и въ какихъ судебныхъ установленіяхъ ему сообразно съ симъ предоставлено право самостоятельнаго веденія дѣлъ.

2) Самое названіе „помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ“ теряетъ свой смыслъ, ибо въ сословіе это принимаются не тѣ, которые „помогаютъ“, но тѣ кто желаетъ учиться, чтобы современемъ стать полноправнымъ адвокатомъ. Наиболѣе умѣстнымъ представлялось бы по сему—по аналогіи съ кандидатами на судебныя должности—присвоить этой категоріи лицъ наименованіе „кандидатовъ въ присяжные повѣренные“.

3) Принятый въ сословіе кандидатъ, хотя и ограниченный, на время въ объемъ самостоятельной дѣятельности, является однако съ первыхъ же шаговъ членомъ сословія, подчиняется его правиламъ, подвѣдомственъ его суду; самыя права кандидата расширяются постепенно въ теченіе всего срока подготовки. При такихъ условіяхъ нѣтъ никакого основанія отерочивать и принятіе кандидатомъ установленной для членовъ сословія присяги до момента перехода его въ самостоятельные повѣренные: казалось бы правильнѣе—и здѣсь примѣнима дальнѣйшая аналогія съ кандидатами на судебныя должности—пріурочить принятіе присяги къ моменту поступленія въ кандидаты. Нельзя при этомъ не замѣтить, что такое перемѣщеніе момента принятія присяги, усиливая, въ

молодыхъ людяхъ сознание принимаемой ими на себя отвѣтственности, вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно будетъ содѣйствовать благотворному во всѣхъ отношеніяхъ сближенію молодыхъ адвокатовъ съ сословіемъ.

Принятіе присяги адвокатами при ихъ поступленіи въ стажеры практикуется и въ Западной Европѣ (во Франціи, въ Бельгіи).

4) Установленный ст. 96 льготный способъ выдачи помощнику передовѣрія и особенно уполномочія на исполненіе мелкихъ порученій по дѣламъ долженъ быть сохраненъ въ пользу всѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ по отношенію ко всѣмъ кандидатамъ. Облегченный способъ сношенія присяжныхъ повѣренныхъ съ судомъ установленъ въ интересахъ самихъ присяжныхъ повѣренныхъ, и нѣтъ никакого основанія признавать этотъ способъ умѣстнымъ въ отношеніяхъ между патрономъ и помощникомъ и не признавать его умѣстнымъ между тѣмъ же присяжнымъ повѣреннымъ и кандидатомъ, если послѣдній, не будучи фактическимъ помощникомъ, ввухаетъ однако полное къ себѣ довѣріе.

5) Уничтоженіе обязательнаго личнаго патроната отнюдь не устраняетъ добровольнаго личнаго патроната; оно не исключаетъ и права совѣта признавать, при наличности особенно благоприятныхъ для того условій, личный патронатъ для той или иной мѣстности обязательнымъ, какъ наилучшую по мѣстнымъ условіямъ профессиональную школу.

6) Въ зависимости отъ той или иной системы подготовки стоитъ вопросъ о назначеніи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ для веденія дѣлъ лицъ, пользующихся правомъ бѣдности и для защиты подсудимыхъ въ выѣздныхъ засѣданіяхъ суда.

Проектъ освобождаетъ помощниковъ и отъ того и отъ другого.

Препятствіе къ возложенію на помощниковъ уголовныхъ защитъ въ выѣздныхъ сессіяхъ суда проектъ усматриваетъ въ томъ, что защиты эти связаны съ неизбѣжными расходами (стр. 205). Однако изысканіе источника на покрытіе этихъ расходовъ едва ли можетъ представить серьезное затрудненіе. Проектъ признаетъ возможнымъ обложить присяжныхъ повѣренныхъ какъ личною повинностью (выѣздами на сессіи суда), такъ и денежнымъ сборомъ на путевые расходы. Очевидно, достаточно было бы раздѣлить эти двѣ повинности между присяжными повѣренными и кандидатами, для того чтобы избѣгнуть указываемаго проектомъ затрудненія. Другими словами: слѣдовало бы организовать защиту подсудимыхъ на выѣздныхъ сессіяхъ кандидатами съ тѣмъ, чтобы сословію при-

сяжныхъ повѣренныхъ вмѣнево было въ обязанность нести связанные съ выѣздами кандидатовъ расходы. Такая система введена была недавно въ видѣ опыта совѣтомъ С.-Петербургскаго округа, и дала на практикѣ хорошіе результаты.

Относительно гражданскихъ дѣлъ лицъ, пользующихся правомъ бѣдности, надлежитъ замѣтить, что дѣла эти въ громадномъ большинствѣ случаевъ чрезвычайно однообразны и не возбуждаютъ никакихъ спорныхъ юридическихъ вопросовъ, и хотя предоставленіе ихъ въ безконтрольное вѣдѣніе кандидатовъ представляло бы несомнѣнно значительныя опасности,—передача ихъ тѣмъ же кандидатамъ при строгомъ наблюденіи со стороны избранныхъ для сего совѣтомъ руководителей, не принесла бы ущерба дѣлу и вмѣстѣ съ тѣмъ оказалась бы весьма полезнымъ воспитательнымъ средствомъ. Совѣту надлежало бы учредить особое совѣщаніе изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ, которое, засѣдая совмѣстно съ кандидатами, раздѣленными на группы, разсматривало бы всѣ поступающія въ совѣтъ ходатайства лицъ пользующихся правомъ бѣдности, и въ случаѣ надобности выслушивало бы этихъ лицъ. Дѣла болѣе сложныя должны были бы и впредь передаваться, согласно дѣйствующему нынѣ порядку, присяжнымъ повѣреннымъ; менѣе сложныя—кандидатамъ, съ тѣмъ, однако, чтобы всѣ дѣйствія кандидатовъ по порученнымъ имъ дѣламъ находились подъ постояннымъ наблюденіемъ лично отвѣтственныхъ передъ совѣтомъ руководителей ¹⁾).

Въ виду всѣхъ указанныхъ соображеній комиссія полагаетъ, что правила проекта о помощникахъ присяжныхъ повѣренныхъ должны быть изложены въ слѣдующемъ видѣ:

Б. О кандидатахъ въ присяжные повѣренные.

Ст. 84¹. Кандидатами въ присяжные повѣренные могутъ быть лица, имѣющія дипломы университетовъ о выдержаніи экзамена въ юридическихъ наукахъ или аттестаты другихъ высшихъ учебныхъ заведеній объ окончаніи курса сихъ наукъ.

Ст. 84². Кандидатами въ присяжные повѣренные не могутъ быть лица, которыя по силѣ пунктовъ 2—5 статьи 3 сего учрежденія, не допускаются въ присяжные повѣренные.

Примѣчаніе. На время отбыванія воинской повинности кандидатъ въ присяжные повѣренные не лишается своего званія, но время это можетъ быть ему зачислено въ срокъ подготовки не

¹⁾ Особое мнѣніе члена комиссія П. В. Макалинскаго прилагается.

иначе, какъ по особому постановленію совѣта присяжныхъ повѣренныхъ.

Ст. 84³. Желавшій поступить въ кандидаты подаетъ о томъ прошеніе въ совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ. Принятый въ число кандидатовъ приводится къ присягѣ въ общемъ собраніи судебной палаты и вносится, по распоряженію старшаго председателя судебной палаты, въ особый списокъ, о чемъ дѣлается надлежащая надпись на свидѣтельствѣ, выданномъ кандидату совѣтомъ.

Ст. 84⁴. На совѣтѣ присяжныхъ повѣренныхъ лежитъ обязанность заботиться о надлежащей подготовкѣ кандидатовъ къ исполненію обязанностей присяжнаго повѣреннаго, путемъ правильной организаціи занятій кандидатомъ судебными дѣлами и ознакомленія ихъ съ обязательными для присяжнаго повѣреннаго правилами. Обязанности кандидатовъ должны быть точно опредѣлены особою инструкціею. Инструкція составляется совѣтомъ и представляется на утвержденіе судебной палаты.

Ст. 84⁵. Въ инструкціи (ст. 84⁴) должно быть также указано, въ какихъ судебныхъ инстанціяхъ допускается самостоятельное веденіе дѣлъ кандидатомъ въ каждый изъ установленныхъ инструкціею періодовъ подготовки. Экземпляры утвержденной судебною палатою инструкціи рассылаются совѣтомъ, для свѣдѣнія, во всѣ судебныя мѣста округа, и сверхъ сего каждому кандидату выдается отъ совѣта свидѣтельство, съ обозначеніемъ въ какомъ періодѣ подготовки предъявитель находится, въ какихъ, соотвѣтственно съ симъ судебныхъ инстанціяхъ ему предоставлено право самостоятельнаго веденія дѣлъ.

Ст. 84⁶. Для веденія гражданскихъ дѣлъ лицъ пользующихся правомъ бѣдности, а равно для защиты подсудимыхъ въ выѣздныхъ засѣданіяхъ судебныхъ мѣстъ кандидаты въ присяжные повѣренные могутъ быть назначаемы не иначе, какъ съ соблюденіемъ условій, указанныхъ въ инструкціи о кандидатахъ въ присяжные повѣренные.

Ст. 84⁷. Присяжнымъ повѣреннымъ предоставляется передовѣрять веденіе дѣлъ кандидатамъ въ тѣхъ инстанціяхъ, въ которыхъ послѣднимъ самостоятельное веденіе дѣлъ дозволено (ст. 84⁵), снабжая ихъ для сего одною общею по всѣмъ дѣламъ довѣренностью, а равно поручать безъ особой формальной довѣренности, по одному лишь письменному уполномочію, исполненіе разныхъ порученій во всѣхъ судебныхъ установленіяхъ (представленіе и

полученіе бумагъ, денегъ и документовъ, полученіе исполнительныхъ листовъ, ходатайство о назначеніи засѣданій и т. п.).

Ст. 84⁹. Кандидаты въ присяжные повѣренные избираютъ себѣ опредѣленное мѣсто жительства въ предѣлахъ даннаго округа въ одномъ изъ городовъ въ коихъ, по инструкціи (ст. 76), допускается проживаніе отбывающихъ подготовку кандидатовъ въ присяжные повѣренные.

Ст. 84⁹. Постановленія ст. ст. 57—69 сего учрежденія о правахъ и обязанностяхъ присяжныхъ повѣренныхъ распространяются также и на кандидатовъ въ присяжные повѣренные, поскольку постановленія эти къ нимъ примѣнимы.

Ст. 84¹⁰. Срокъ подготовки въ присяжные повѣренные назначается трехгодичный. По истеченіи этого срока кандидатъ можетъ обратиться въ совѣтъ съ прошеніемъ о принятіи его въ присяжные повѣренные. Если совѣтъ признаетъ кандидата недостаточно подготовленнымъ къ исполненію обязанностей присяжнаго повѣреннаго, то назначаетъ ему срокъ, по прошествіи коего онъ можетъ снова войти въ совѣтъ съ такимъ прошеніемъ, но въ общей сложности кандидатъ въ присяжные повѣренные не можетъ оставаться въ этомъ званіи болѣе шести лѣтъ. По прошествіи этого времени кандидаты, не принятые въ присяжные повѣренные, отчисляются совѣтомъ.

Примѣчаніе 1. При опредѣленіи правъ кандидата на поступленіе въ присяжные повѣренные, время, въ теченіе котораго ему, согласно пункту 4 статьи 29, было воспрещено отправленіе обязанностей повѣреннаго, должно быть вычитаемо изъ времени проведеннаго имъ въ званіи кандидата; но наложеніе означеннаго взысканія не удлиняетъ шестилѣтняго срока, въ теченіе котораго кандидатъ можетъ оставаться въ этомъ званіи.

Ст. 84¹¹. Надзоръ за кандидатами въ присяжные повѣренные и дисциплинарная надъ ними власть принадлежитъ совѣту присяжныхъ повѣренныхъ и судебнымъ установленіямъ, согласно правиламъ, въ статьяхъ 28—54 сего учрежденія указаннымъ.

Ст. 84¹². Кандидаты въ присяжные повѣренные не могутъ получать свидѣтельство, установленныхъ для частныхъ повѣренныхъ.

По статьѣ 106.

По дѣйствующему закону частнымъ повѣреннымъ не предоставлено право веденія дѣлъ въ Правительствующемъ Сенатѣ; являясь, по мысли закона, учрежденіемъ вспомогательнымъ, пред-

назначеннымъ преимущественно для тѣхъ мѣстъ, гдѣ ощущается недостатокъ въ присяжныхъ повѣренныхъ, частные повѣренные естественно не признаются нормальными представителями сторонъ въ высшемъ судилищѣ Имперіи. Однако изъ этого общаго правила допущено дѣйствующимъ закономъ одно изъятіе: частному повѣренному предоставляется продолжать въ Правительствующемъ Сенатѣ веденіе дѣла, по которому онъ ходатайствовалъ въ низшихъ инстанціяхъ (ст. 406^а учр. суд. уст.). Проектъ предполагаетъ лишить частныхъ повѣренныхъ сего послѣдняго права. Къ установленію такого ограниченія едва ли имѣются однако достаточныя основанія.

Веденіе дѣла въ Правительствующемъ Сенатѣ отличается отъ веденія того же дѣла въ низшихъ инстанціяхъ лишь тѣмъ, что область спора въ Правительствующемъ Сенатѣ значительно ограничивается: въ низшихъ инстанціяхъ предметомъ спора являются какъ факты, такъ и истолкованіе закона; при производствѣ въ Правительствующемъ Сенатѣ остается исключительно вопросъ объ истолкованіи закона. Лицо, которому ввѣрена была защита дѣла въ стадіи болѣе сложной, требующей какъ изученія существа спорныхъ отношеній, такъ и разработки юридическихъ вопросовъ, не должно бы быть лишено права продолжать веденіе онаго тогда когда существо отпадаетъ и остается одна только юридическая сторона. Лишеніе частнаго повѣреннаго права продолжать веденіе дѣла въ Сенатѣ влечетъ за собою къ тому же увеличеніе расходовъ тяжущихся, вынужденныхъ по одному и тому же дѣлу приглашать и частнаго и присяжнаго повѣреннаго. Предоставляя тяжущемуся обращаться къ услугамъ частнаго повѣреннаго, законъ, въ интересахъ самого тяжущагося, долженъ дать этому повѣренному возможность доводить до конца начатое имъ дѣло; ибо тяжущійся чаще всего не знаетъ, да и не можетъ знать объ ограниченности полномочій лица, къ которому онъ, съ изволенія закона, обращается какъ къ признанному судебному повѣренному.

По симъ соображеніямъ коммисія полагаетъ, что ст. 406^а учр. суд. уст. должна быть сохранена.

По статьямъ 107—108.

Согласно 107 статьѣ, въ прошеніи о принятіи въ частные повѣренные должно быть указано, что проситель не получалъ отказа въ принятіи его въ присяжные или частные повѣренные. Отказъ въ такомъ принятіи можетъ послѣдовать не только по причинамъ

нравственного свойства, но и по отсутствию требуемых закономъ формальныхъ условій (недостиженіе опредѣленнаго возраста, недостаточность диплома объ окончаніи курса юридическихъ наукъ и проч.). Въ послѣднемъ случаѣ полученный просителемъ отказъ не долженъ, очевидно, преграждать ему навсегда доступа въ частную адвокатуру и потому слѣдовало бы выѣнить суду въ обязанность—при обсужденіи всѣхъ вообще условій принятія просителя въ частные повѣренные (ст. 108 проекта) обсудить также и причины предшествующихъ отказовъ.

Въ виду сего надлежало бы, оставляя редакцію ст. 107 безъ измѣненій, изложить 108 ст. слѣдующимъ образомъ:

„Окружный судъ, коему подано указанное въ предшедшей 107 статьѣ прошеніе, обязанъ удостовѣриться въ надлежащихъ юридическихъ познаніяхъ просителя, если послѣдній не имѣетъ диплома отъ университета о выдержаніи экзамена въ юридическихъ наукахъ или аттестата отъ другаго высшаго учебнаго заведенія объ окончаніи курса сихъ наукъ, а равно обсудить—въ случаѣ если проситель получалъ ранѣе отказъ—причины такового. Удостовереніе въ познаніяхъ производится судомъ въ составѣ не менѣе трехъ судей, по назначенію общаго собранія, и „при участіи“ лица прокурорскаго надзора“.

По статьѣ 114.

Предположенное сохраненіе установленнаго ст. 406⁹ учр. суд. уст. сбора съ частныхъ повѣренныхъ не вызывается достаточными соображеніями. Защита въ судебныхъ установленіяхъ интересовъ тяжущихся составляетъ, какъ указываютъ правильно мотивы объяснительной записки, умственный трудъ, неподлежащій обложенію наравнѣ съ промышленными предпріятіями (стр. 218). Обложеніе это, къ тому же отражается въ конечномъ результатѣ на тяжущихся и вводитъ неравномѣрность въ распредѣленіи уплачиваемой населеніемъ судебной подати, неравномѣрность, имѣющую единственнымъ основаніемъ отсутствіе въ странѣ надлежащаго числа присяжныхъ повѣренныхъ. Недостатокъ присяжныхъ повѣренныхъ едва ли долженъ служить источникомъ дохода для государственнаго казначейства, между тѣмъ именно извлеченіе этого дохода указывается объяснительною запискою какъ основаніе для сохраненія сбора (стр. 219).

Посему коммисія полагала бы ст. 114 проекта исключить.

По статью 406¹⁵.

406¹⁵ ст. предоставляет министру юстиции право независимо от дисциплинарных наказаний, налагаемых судебными мѣстами, устранять частных повѣренных от ходатайства по чужим дѣламъ на основаніи доходящихъ до него несомнѣнныхъ свѣдѣній. Очевидно, что доходяція до министерства юстиции свѣдѣнія едва ли могутъ быть справедливо оцѣнены съ точки зрѣнія ихъ несомнѣнности, безъ производства слѣдствія на мѣстѣ и безъ выслушанія объясненій обвиняемаго.

Между тѣмъ центральное управленіе министерства юстиціи, отдаленное отъ мѣста происшествія и неприспособленное къ производству слѣдственныхъ дѣйствій вынуждено довольствоваться конфиденціальными донесеніями мѣстной магистратуры; этимъ открывается часто дорога мѣстной негласной интригѣ, склонной вводить власть въ заблужденіе. Установленіе негласнаго суда, не вызываемое особыми соображеніями государственной важности, едва ли представляется желательнымъ. И если установленная 406¹⁵ ст. мѣра на первыхъ порахъ послѣ введенія частной адвокатуры требовалась какъ средство чрезвычайное, въ виду значительнаго количества уѣздныхъ судебныхъ установленій, коимъ были подвѣдомы дисциплинарныя дѣла о частныхъ повѣренныхъ, то нынѣ, какъ то правильно указываетъ въ соображеніяхъ своихъ и II отдѣлъ (стр. 225), при предположенномъ измѣненіи порядка выдачи свидѣтельствъ и инстанцій, вѣдающихъ дисциплинарныя дѣла повѣренныхъ, обремененіе центральнаго управленія Министерства Юстиціи разсмотрѣніемъ и разрѣшеніемъ этихъ дѣлъ не представляется болѣе необходимымъ.

Въ виду сего коммисія полагала бы ст. 406¹⁵ исключить.

По статью 406¹⁹.

Ст. 406¹⁹ учр. суд. уст. запрещаетъ женщинамъ заниматься частною адвокатурою. Проектъ предполагаетъ сохранить этотъ запретъ (стр. 34), вопреки мнѣнію большинства II отдѣла, высказавшагося за исключеніе 406¹⁹ ст. Въ журналѣ засѣданія Высочайше учрежденной коммисіи не приводится подробныхъ мотивовъ, по коимъ большинство коммисіи не согласилось съ мнѣніемъ II отдѣла, а указано лишь вкратцѣ, что разрѣшеніе женщинамъ доступна въ частную адвокатуру „не соответствовало бы ни усвоеннымъ въ этомъ отношеніи воззрѣніямъ законодательства, ни ви-
Труды СПб. Юрид. Общ.

дамъ и воззрѣніямъ правительства“. Въ остальномъ журналъ ссылается на соображенія меньшинства II отдѣла, изложенныя въ объяснительной запискѣ на стр. 229—231. Соображенія эти существеннымъ образомъ сводятся къ указанію на недопустимость измѣненія въ дѣйствующемъ по сему предмету законѣ, въ виду того, что законъ этотъ не есть „слѣдствіе особеннаго правила, а имѣеть въ своемъ основаніи общую государственную мѣру“.

Съ этими доводами коммисія не считаетъ возможнымъ согласиться. Не говоря уже о томъ, что труды коммисіи по пересмотру судебныхъ уставовъ соприкасаются во всѣхъ направленіяхъ съ общими государственными мѣрами, и сужденія ея едва ли могутъ быть строго замыкаемы, безъ существеннаго ущерба для дѣла, въ предѣлы особенныхъ правилъ, для отдѣльныхъ случаевъ именно установленныхъ; нельзя не обратить вниманія на то, что самое отнесеніе того узаконенія, на которомъ основывается выводъ меньшинства II отдѣла, къ числу общихъ мѣръ, обязательно распространяющихся на данный случай въ силу своей общности, и именно въ силу этой общности не подлежащихъ отмѣнѣ, въ примѣненіи къ спеціальному случаю, не можетъ быть признано правильнымъ. Высочайшее повелѣніе 14 января 1871 года не содержитъ общихъ указаній, изъ которыхъ могъ бы быть непосредственно выведенъ запретъ лицамъ женскаго пола заниматься адвокатурою. И именно потому, что такого общаго правила въ нихъ не содержится, оказалось невозможнымъ рѣшить на основаніи одного этого Высочайшаго повелѣнія вопросъ о занятіи женщинъ адвокатурою, когда вопросъ этотъ возникъ на практикѣ, и Министръ Юстиціи счелъ нужнымъ войти по сему предмету къ Императорскому Величеству съ особымъ всеподданнѣйшимъ докладомъ и по означенному всеподданнѣйшему докладу состоялось новое Высочайшее повелѣніе 7 января 1876 г., непосредственно разрѣшающее вопросъ о недопустимости женщинъ въ ряды адвокатуры; это Высочайшее повелѣніе отъ 7 января 1876 года, и вошло въ ст. 406¹⁹ учр. суд. уст. Такимъ образомъ, законъ, изображенный въ ст. 406¹⁹, долженъ почитаться „особеннымъ правиломъ, изданнымъ только по отношенію къ поступленію женщинъ въ частныя повѣренныя“, и наравнѣ съ прочими узаконеніями, относящимися къ судебной части и особливо къ учрежденію повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ, подлежитъ нынѣ пересмотру. Разсматривая же означенное правило по существу нельзя не признать, какъ то правильно указано въ мотивированномъ мнѣніи одного изъ членовъ Высочайше учрежденной

коммисіи (стр. 61), что въ теченіе истекшаго двадцатилѣтія жизненныхъ условій значительно измѣнились, и вмѣстѣ съ ними подверглись измѣненію возрѣнія правительства на предѣлы полезной общественной дѣятельности женщинъ. Признано было возможнымъ открыть женщинамъ доступъ къ высшему общему образованію, а равно къ занятію столь трудною и отвѣтственною отраслью общественной дѣятельности, какъ медицинская. Женщины занимаютъ въ канцеляріяхъ многочисленныхъ частныхъ и правительственныхъ учрежденій, успѣшно конкурируя съ мужчинами въ умѣлости и тщательности исполненія и въ исправномъ посѣщеніи службы. Занятіе частною адвокатурою, поставленное подъ контроль суда, едва ли представляется дѣятельностью болѣе сложною и отвѣтственною, чѣмъ указанная выше отрасли труда, и открытіе къ ней доступа женщинамъ явилось бы лишь дальнѣйшимъ шагомъ по тому пути, на который правительство, внимая требованіямъ жизни, уже вступило въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій.

По симъ соображеніямъ коммисія полагала бы признать, что женщины имѣютъ право на занятіе частною адвокатурою.

По прилож. къ статьѣ 77.

Такса вознагражденія присяжныхъ повѣренныхъ имѣетъ въ виду установить размѣръ вознагражденія на случай если между повѣреннымъ и доверителемъ не состоялось соглашенія (ст. 77). Очевидно, что такса будетъ опредѣлять вознагражденіе, по сравненію съ обычнымъ слишкомъ низкое, то частныя соглашенія, какъ невоспрещенныя закономъ, значительно участятся. И такъ какъ такса должна вмѣстѣ съ тѣмъ служить руководствомъ для суда при опредѣленіи вознагражденія выигравшей сторонѣ за веденіе дѣла (ст. 77), то вознагражденіе, присуждаемое тяжущемуся окажется недостаточнымъ, ибо на дѣлѣ повѣренные будутъ получать вознагражденіе на основаніи частныхъ соглашеній въ высшемъ противъ таксы размѣрѣ. Посему нельзя не признать, что какъ бы ни было само по себѣ желательно уменьшеніе для тяжущихся судебныхъ расходовъ, уменьшеніе это не можетъ быть достигнуто путемъ чрезмѣрнаго пониженія таксы: такса должна сообразоваться съ обычными условіями вознагражденія присяжныхъ повѣренныхъ. Обсуждая съ этой точки зрѣнія вопросъ о размѣрѣ гонорарнаго процента, надлежитъ признать, что дѣйствующая нынѣ временная такса вознагражденія присяжныхъ повѣренныхъ не вызвала на практикѣ нареканій, и что вслѣдствіе сего ни къ

уменьшенію, ни къ увеличенію ея не представляется достаточныхъ основаній. Надлежало бы лишь сверхъ неполнотъ, замѣченныхъ и восполненныхъ уже проектомъ, восполнить еще слѣдующіе пробѣлы: 1) по дѣйствующей таксѣ проигравшая сторона уплачиваетъ вознагражденіе за веденіе дѣла въ судебной палатѣ единократно, хотя бы, вслѣдствіе кассациі рѣшенія Правительствующимъ Сенатомъ, дѣло разбиралось въ судебной палатѣ нѣсколько разъ. Если принять въ соображеніе, что дѣло послѣ кассациі передается часто на разсмотрѣніе судебной палаты другого округа, гдѣ по необходимости приходится обращаться къ новому повѣренному и что вообще условіе между тяжущимся и повѣреннымъ часто имѣеть въ виду одну лишь судебную инстанцію и не распространяется на вторичное, послѣ кассациі разсмотрѣніе дѣла тою же инстанціею, то окажется, что нынѣшняя такса не возмѣщаетъ всѣхъ убытковъ, понесенныхъ выигравшею дѣло стороною; 2) въ ст. 14 таксы указано вознагражденіе за веденіе гражданскаго иска въ уголовномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей и не указанъ, очевидно, по недосмотру размѣръ вознагражденія за веденіе гражданскаго иска въ уголовномъ судѣ безъ участія присяжныхъ засѣдателей.

Редакціонныя замѣчанія.

По статьѣ 1.

Статья 1 проекта имѣеть въ виду опредѣлить существенную цѣль учрежденія присяжныхъ повѣренныхъ: веденіе дѣлъ тяжущихся, обвиняемыхъ и другихъ лицъ въ дѣлѣ участвующихъ. Но указывая эту цѣль, проектъ рядомъ съ этимъ перечисляетъ и способы, посредствомъ которыхъ устанавливается отношеніе довѣренности: избраніе тяжущимся, и назначеніе совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ или предсѣдателемъ судебного мѣста. Такъ какъ способы эти по существу своему относятся къ процессуальному закону и мѣсто ихъ въ подлежащихъ судопроизводственныхъ уставахъ, то статью 1-ю слѣдовало бы сократить и изложить ее слѣдующимъ образомъ:

„Присяжные повѣренные состоятъ при судебныхъ мѣстахъ для веденія дѣлъ тяжущихся, обвиняемыхъ и другихъ лицъ, въ дѣлѣ участвующихъ“.

По статьѣ 14.

Выраженіе: „Совѣтъ въ половинѣ своего состава возобновляется“ можетъ внушить мысль объ обязательномъ выбытіи ежегодно известнаго числа членовъ совѣта и обязательной замѣнѣ ихъ новыми. Между тѣмъ проектъ, повидимому, не имѣлъ въ виду устанавливать запретъ переизбранія прежнихъ членовъ совѣта (ср. объяснительная записка стр. 127—128), во избѣжаніе недоразумѣній надлежало бы посему изложить приведенное мѣсто слѣдующимъ образомъ:

„Совѣтъ въ половинѣ своего состава избирается ежегодно“.

По статьѣ 18.

Выборы могутъ быть отмѣняемы особымъ присутствіемъ судебной палаты цѣликомъ или въ части. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, согласно тексту ст. 18, назначаются „новые“ выборы. Между тѣмъ, очевидно, что только въ первомъ случаѣ (при полной кассациі) могутъ быть назначаемы „новые“ выборы, во второмъ—лишь дополнительные.

Вслѣдствіе сего и во избѣжаніе недоразумѣній отъ неточности редакціи, надлежало бы конецъ ст. 18 изложить слѣдующимъ образомъ:

„должно быть вновь создано общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ для новыхъ или дополнительныхъ выборов“.

По статьѣ 20.

По соображеніямъ, изложеннымъ выше въ замѣчаніяхъ по поводу ст. 14, начало статьи слѣдовало бы изложить такъ:

„отдѣленіе совѣта въ полномъ своемъ составѣ подлежитъ избранію каждые два года“.

Жалобы

По 3 п. 27 ст.

Сдѣланная въ 3 п. 27 ст. ссылка на статьи проекта, въ коихъ упоминается о случаяхъ отчисленія присяжныхъ повѣренныхъ представляется излишнею Она не исчерпываетъ всѣхъ случаевъ (не упоминается напр. о переходѣ въ иностранное подданство)—и потому можетъ на практикѣ дать поводъ къ недоразумѣніямъ. Казалось бы, что все исчисленіе можетъ быть безъ вреда для

ясности и полноты совершенно опущено, § п. 27 ст. можетъ быть изложенъ слѣдующимъ образомъ:

„отчисленіе присяжныхъ повѣренныхъ въ подлежащихъ указанныхъ закономъ случаяхъ“

Сверхъ сего, въ виду соображеній, изложенныхъ выше, по поводу статей 2—3 проекта, должна быть измѣнена редакція § п. 27 ст., поскольку она касается послѣдствій состоянія подъ слѣдствіемъ и преданія суду.

По силѣ указанныхъ соображеній, временное отчисленіе присяжнаго повѣреннаго—впредь до окончанія въ судѣ дѣла—предоставляется на усмотрѣніе совѣта во всѣхъ случаяхъ состоянія подъ слѣдствіемъ или судомъ. Вслѣдствіе сего и въ разбираемой нынѣ статьѣ нѣтъ надобности выдѣлять одни лишь случаи состоянія подъ слѣдствіемъ и судомъ за проступки сравнительно маловажные, что было вполне послѣдовательно съ точки зрѣнія проекта, а слѣдуетъ указать въ общей формѣ, что къ правамъ Совѣта принадлежитъ отчисленіе присяжныхъ повѣренныхъ, между прочимъ:

„въ случаѣ состоянія подъ слѣдствіемъ и преданія суду (ст. 4 новая)—впредь до окончанія дѣла въ судѣ“.

Наконецъ, въ виду редакціи ст. 29, принятой Высочайше учрежденной Коммисією, изъ разбираемой статьи должно быть исключено постановленіе объ отчисленіи присяжнаго повѣреннаго за невнесеніе штрафа.

По статьѣ 78.

Ст. 78 говоритъ о дѣлахъ, по коимъ присяжные повѣренные назначаются совѣтомъ, не упоминая—по очевидному недосмотру—о дѣлахъ, по коимъ назначеніе исходитъ отъ предсѣдателя суда (ст. 63). Въ этомъ смыслѣ статья и должна быть восполнена.

По статьѣ 80.

Въ округахъ, въ коихъ число присяжныхъ повѣренныхъ будетъ признано достаточнымъ, не предполагается, повидимому, устранять отъ веденія дѣлъ лицъ, указанныхъ въ 6 пунктѣ I части ст. 127 проекта, т. е. родителей, супруговъ, братьевъ и сестеръ, дѣтей, лицъ имѣющихъ одну съ довѣрителемъ тяжбу и завѣдывающихъ по довѣренностямъ или въ качествѣ управляющихъ, прикащиковъ и т. п. недвижимыми имуществами или торговыми и промышленными дѣлами. Между тѣмъ нынѣшняя редакція 80 ст. даетъ основаніе предполагать, что и эти лица будутъ

лишены права вести дѣла, ибо согласно тексту ея, въ округахъ съ достаточнымъ числомъ присяжныхъ повѣренныхъ тяжущіеся могутъ давать довѣренности на веденіе дѣлъ только присяжнымъ повѣреннымъ. Этотъ очевидный недосмотръ надлежало бы исправить, указавъ, что довѣренности могутъ быть выдаваемы „только присяжнымъ повѣреннымъ и лицамъ, указаннымъ въ п.п. 1—6 части I ст. 127“.

По статьѣ 116.

Говоря о возобновеніи свидѣтельствъ на веденіе чужихъ дѣлъ, статья не указываетъ, что возобновеніе это происходитъ ежегодно.

По статьѣ 125.

6 пунктъ 125 статьи, воспреещающій ученикамъ, воспитанникамъ и студентамъ вести судебныя дѣла, допускаетъ изытіе для дѣлъ, въ которыхъ указанные лица принимаютъ на себя ходатайство вмѣсто своихъ „родителей, братьевъ и сестеръ“. Такъ какъ студентамъ не безусловно воспреещается вступать въ бракъ, а по общему правилу (127 ст. ч. I п. 1 и 2) мужья могутъ ходатайствовать за женъ и родители за дѣтей, то означенный пунктъ 125 статьи слѣдовало бы дополнить словами: „женъ и дѣтей“.

По статьѣ 127.

Статья 127 начинается со словъ „Тяжущіеся сохраняютъ право являться въ судъ лично“. Болѣе правильная редакція была бы:

„тяжущіеся имѣютъ право являться“

4 пунктъ той же статьи гласитъ, что дѣти имѣютъ право вести всѣ дѣла своихъ родителей; 128 статья разрѣшаетъ усыновленнымъ дѣтямъ, пасынкамъ и приемышамъ вести дѣла ихъ родителей, подсудныя участковымъ судьямъ. Если вообще пасынки, усыновленные дѣти и приемыши—именно какъ лица принадлежащія къ составу семьи, допускаются къ веденію дѣлъ не будучи профессиональными повѣренными, то едва ли есть основаніе устанавливать какое либо различіе между ихъ правами и правами родныхъ дѣтей, отдѣляя въ пользу однихъ дѣла участковой подсудности и предоставляя другимъ веденіе всѣхъ дѣлъ вообще. Надлежало бы вслѣдствіе этого дополнить 4 п. 127 ст. словами:

„усыновленные дѣти, пасынки и приемыши“.

По статьямъ 130—132.

Окончаніе всѣхъ этихъ статей одно и то же; вмѣсто троекратнаго повторенія одного и того же отрывка правильнѣе было бы выдѣлить общія всѣмъ тремъ статьямъ части въ особую статью, въ слѣдующей приблизительно редакціи:

Ст. 132¹. Указанныя въ статьяхъ 130—132 дѣла могутъ быть поручаемы сверхъ лицъ означенныхъ въ этихъ статьяхъ: 1) присяжнымъ повѣреннымъ. . . .

При семъ прилагаются:

1) Проектъ о повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ—съ измѣненіями, предлагаемыми Комиссіею.

2) Данныя о дисциплинарной судимости присяжныхъ повѣренныхъ округа С.-Петербургской судебной палаты.

3) Особое мнѣніе П. В. Макалинскаго.

Подписали: Іосифъ Карницкій, Константинъ Арсеньевъ, Станиславъ Костровицкій, Сергѣй Соколовъ, Людвигъ Гантоверъ, Николай Полетаевъ, В. Спасовичъ, Максимъ Винаверъ, Александръ Турчаниновъ (съ особымъ мнѣніемъ по вопросамъ: о допускѣ профессоровъ юридическихъ наукъ быть присяжными повѣренными и оставаться на государственной службѣ и объ организациі стажеровъ или кандидатовъ), Петръ Юреневъ, Л. Барсовъ, Г. Слюзбергъ, Влад. Гессенъ, Павелъ Макалинскій (съ особымъ мнѣніемъ по вопросу объ организациі помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ).

ПРОЕКТЪ

О повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ съ измѣненіями, предлагаемыми Коммисією, образованною въ Гражданскомъ Отдѣленіи Юридическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ ¹⁾).

А. О присяжныхъ повѣренныхъ.

Отдѣленіе первое.

Общія положенія.

Ст. 1. Присяжные повѣренные состоятъ при судебныхъ мѣстахъ для веденія дѣлъ тяжущихся, обвиняемыхъ и другихъ лицъ, въ дѣлѣ участвующихъ.

Ст. 2. Въ число присяжныхъ повѣренныхъ могутъ быть принимаемы русскіе подданные, не менѣе 25 лѣтъ отъ роду, имѣющіе дипломы университетовъ о выдержаніи экзамена въ юридическихъ наукахъ или аттестаты другихъ высшихъ учебныхъ заведеній объ окончаніи курса сихъ наукъ, если они сверхъ того прослужили не менѣе трехъ лѣтъ по судебному вѣдомству въ такихъ должностяхъ, при исправленіи которыхъ могли приобрѣсти практическія свѣдѣнія въ производствѣ судебныхъ дѣлъ или также не менѣе трехъ лѣтъ состояли кандидатами на должности по судебному вѣдомству, или кандидатами въ присяжные повѣренные, или профессорами и преподавателями юридическихъ наукъ въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ или должностными лицами административныхъ вѣдомствъ, обязанности коихъ заключаются въ веденіи и защитѣ въ судебныхъ уста-

¹⁾ №№ статей, въ которыхъ сдѣланы измѣненія, напечатаны курсивомъ. Въ скобкахъ указаны №№ соответствующихъ статей проекта, напечатаннаго въ приложеніи къ № 7 Журнала Министерства Юстиціи (стр. 64). Въ проектъ введены также измѣненія, принятыя въ общемъ присутствіи коммисіи для пересмотра законовъ по судебной части и не возбуждшія возраженій въ Коммисіи юридическаго общества (тамъ же, стр. 1 и слѣд.).

повленіяхъ дѣль, сопряженныхъ съ интересами означенныхъ вѣдомствъ, при чемъ лица, состоявшія профессорами и преподавателями юридическихъ наукъ и лица административныхъ вѣдомствъ принимаются не иначе, какъ по провѣркѣ со стороны совѣта присяжныхъ повѣренныхъ практическихъ познаній ихъ въ веденіи судебныхъ дѣлъ.

Ст. 3. Присяжными повѣренными не могутъ быть:

1) состоящіе на службѣ отъ правительства или по выборамъ, за исключеніемъ:

а) лицъ, занимающихъ почетныя или общественныя должности, отправление коихъ не сопряжено съ правомъ на получение содержанія.

б) профессоровъ и преподавателей юридическихъ наукъ въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ;

2) лишенные нѣкоторыхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ;

3) занимающіе на частной службѣ такія должности или принимающіе участіе въ такихъ видахъ торговли и промышленной дѣятельности, которые совѣтъ признаетъ несовмѣстными съ званіемъ присяжнаго повѣреннаго.

Ст. 4 (5). Присяжные повѣренные приписываются къ судебнымъ палатамъ.

Отдѣленіе второе.

О совѣтѣ присяжныхъ повѣренныхъ.

I. Образованіе совѣта присяжныхъ повѣренныхъ.

Ст. 5 (6). Присяжные повѣренные каждаго округа судебной палаты избираютъ изъ среды себя, порядкомъ, указаннымъ въ слѣдующихъ 6—18 статьяхъ, для надзора за всѣми состоящими въ томъ округѣ повѣренными, особый при судебной палатѣ совѣтъ, а также председателя сего совѣта и товарища председателя, который, въ случаѣ болѣзни или отсутствія председателя занимаетъ его мѣсто.

Ст. 6 (7). Совѣты отрываются въ округахъ тѣхъ судебныхъ палатъ, гдѣ число присяжныхъ повѣренныхъ достигло шестидесяти, если при этомъ въ томъ городѣ, гдѣ находится палата, имѣютъ мѣсто жительства не менѣе двадцати сихъ повѣренныхъ.

Ст. 7 (8). Въ указанномъ въ предшедшей статьѣ случаѣ палата назначаетъ одного изъ членовъ своихъ для предсѣдательствованія въ общемъ собраніи присяжныхъ повѣренныхъ при избраніи совѣта. Назначенный палатою членъ созываетъ всѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ округа на опредѣленный день въ мѣсто пребыванія палаты и, по прибытіи требуемаго для дѣйствительности общихъ собраній количества сихъ повѣренныхъ (ст. 15), открываетъ общее ихъ собраніе, которое и приступаетъ къ выбору предсѣдателя, товарища предсѣдателя и членовъ совѣта, при чемъ выборы производятся на каждую должность отдѣльно.

Кромѣ сего могутъ быть избираемы кандидаты въ члены совѣта для замѣны ихъ въ случаѣ отсутствія, болѣзни и выбытія до срока изъ состава совѣта, а также въ случаѣ, указанномъ въ статьѣ 18.

Ст. 8. Засѣданія совѣта и общаго собранія присяжныхъ повѣренныхъ происходятъ въ зданіи судебныхъ установленій, гдѣ для совѣта и его канцелярій отводится особое помѣщеніе.

Ст. 9. Присяжные повѣренные не христіанскихъ вѣроисповѣданій не могутъ быть избираемы на должности предсѣдателя и товарища предсѣдателя совѣта присяжныхъ повѣренныхъ.

Ст. 10. Избраніе совершается по простому большинству голосовъ. При равенствѣ голосовъ, полученныхъ нѣсколькими кандидатами на одну и ту же должность, избраннымъ считается тотъ, кто прежде записанъ въ списокъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Ст. 11. Число членовъ совѣта, считая въ ономъ предсѣдателя и товарища предсѣдателя, устанавливается общимъ собраніемъ присяжныхъ повѣренныхъ въ предѣлахъ отъ пяти до пятнадцати, но оно не должно превышать одной двѣнадцатой части всего числа подвѣдомственныхъ совѣту присяжныхъ повѣренныхъ. Число кандидатовъ въ члены совѣта не должно превышать половины послѣднихъ.

Ст. 12. По окончаніи выборовъ, предсѣдательствующій въ общемъ собраніи присяжныхъ повѣренныхъ членъ палаты закрываетъ оное, объявивъ объ открытіи избраннаго совѣта.

Ст. 13. Копія журнала общаго собранія присяжныхъ повѣренныхъ сообщается прокурору судебной палаты. Списокъ членовъ совѣта представляется старшему предсѣдателю судебной палаты и публикуется во всеобщее свѣдѣніе.

Ст. 14. Предсѣдатель, товарищъ предсѣдателя, члены совѣта и кандидаты въ послѣдніе избираются на два года, но въ половинѣ своего состава совѣтъ избирается ежегодно. Для производства выборовъ предсѣдатель совѣта созываетъ общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ, въ коемъ предсѣдательствуетъ лицо, избранное собравшимися присяжными повѣренными изъ ихъ среды. За двѣ недѣли до выборовъ присяжнымъ повѣреннымъ сообщается отчетъ о дѣйствіяхъ совѣта за минувшій годъ.

Ст. 15. Присяжные повѣренные обязаны являться въ общія собранія и, въ случаѣ невозможности исполнить эту обязанность, должны извѣщать предсѣдателя совѣта о причинахъ неявки.

Ст. 16. Для возобновленія совѣта въ общее собраніе должно прибыть не менѣе одной шестой части подвѣдомственныхъ совѣту присяжныхъ повѣренныхъ, причемъ число прибывшихъ должно быть больше числа подлежащихъ избранію по меньшей мѣрѣ въ пять разъ.

Если число прибывшихъ въ общее собраніе не достигаетъ указаннаго размѣра, то собраніе считается несостоявшимся и предсѣдатель совѣта извѣщаетъ повѣстками всѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ, что въ случаѣ не прибытія ихъ къ назначенному имъ для выборовъ новому сроку, совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ останется въ прежнемъ составѣ. Когда же и къ сему новому сроку не прибудетъ указанное выше число присяжныхъ повѣренныхъ, то о семъ составляется протоколъ, новые выборы не производятся, и какъ предсѣдатель совѣта и его товарищъ, такъ и всѣ члены, а равно и кандидаты послѣднихъ, сохраняютъ свои званія до слѣдующихъ выборовъ, о чемъ и публикуется во всеобщее свѣдѣніе.

Ст. 17. На неправильное производство выборовъ въ совѣтъ предоставляется участвовавшимъ въ собраніи присяжнымъ повѣреннымъ приносить жалобы, а прокурору судебной палаты протесты, въ особое присутствіе палаты (ст. 48). Жалобы приносятся въ 7 дневный срокъ по окончаніи выборовъ, а протесты въ тотъ же срокъ со дня полученія прокуроромъ копіи журнала общаго собранія. Постановленія палаты по сему предмету обжалованію не подлежатъ.

Ст. 18. Въ случаѣ признанія особымъ присутствіемъ судебной палаты неправильности всего производства выборовъ или недѣйствительности избранія такого количества членовъ совѣта, ко-

торое не можетъ быть замѣнено кандидатами ихъ, не позднѣе мѣсяца со дня сообщенія совѣту постановленія палаты, должно быть вновь созвано общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ для новыхъ или дополнительныхъ выборовъ.

Ст. 19. Если въ какомъ либо городѣ, въ которомъ нѣтъ судебной палаты, имѣютъ жительство не менѣе десяти присяжныхъ повѣренныхъ, то состоящій при мѣстной судебной палатѣ совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ можетъ разрѣшить имъ избрать изъ среды себя отдѣленіе совѣта въ числѣ отъ трехъ до пяти членовъ, которые избираютъ председателя отдѣленія изъ своего состава. Объ учрежденіи такого отдѣленія совѣта послѣдній доводитъ до свѣдѣнія судебной палаты.

Ст. 20. Отдѣленіе совѣта въ полномъ своемъ составѣ подлежитъ избранію каждыя два года. Жалобы на неправильное производство выборовъ въ отдѣленіе приносятся въ совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ.

II. Права и обязанности совѣта присяжныхъ повѣренныхъ.

Ст. 21. Къ предметамъ вѣдомства совѣта присяжныхъ повѣренныхъ относятся: принятіе лицъ, желающихъ поступить въ число присяжныхъ повѣренныхъ, надзоръ за присяжными и управленіе ихъ общественными дѣлами.

Примѣчаніе. Права и обязанности совѣта относительно кандидатовъ въ присяжные повѣренные изложены въ статьяхъ 73—84 сего учрежденія.

Ст. 22. Желаящій поступить въ число присяжныхъ повѣренныхъ долженъ подать о томъ прошеніе въ совѣтъ сихъ повѣренныхъ, объяснивъ въ прошеніи: гдѣ именно избираетъ онъ себѣ мѣсто жительства, а также, что для поступленія его въ званіе присяжнаго повѣреннаго нѣтъ ни одного изъ тѣхъ препятствій, которыя означены въ статьѣ 3 сего учрежденія, съ тѣмъ, что ежели впоследствии откроется противное, то онъ подлежитъ не только исключенію изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ, но и ответственности по статьѣ 943 уложенія о наказаніяхъ. Къ прошенію прилагаются всѣ документы, необходимые для удостовѣренія въ томъ, что проситель удовлетворяетъ условіямъ, требуемымъ для поступленія въ присяжные повѣренные.

Ст. 23. О прошеніи лица, желающаго поступить въ присяжные повѣренные, совѣтъ немедленно извѣщаетъ прокурора судебной палаты, отъ котораго зависитъ въ установленный статьею 24 мѣсячный срокъ сообщить совѣту имѣющіяся о просителѣ свѣдѣнія, могущія служить препятствіемъ для принятія послѣдняго въ число присяжныхъ повѣренныхъ.

Ст. 24. По истеченіи мѣсячнаго срока со дня подачи просителемъ указаннаго въ статьѣ 22 прошенія совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, рассмотрѣвъ документы, означенные въ этой статьѣ и принявъ въ соображеніе всѣ свѣдѣнія, которыя признаетъ нужными, постановляетъ или о принятіи просителя въ число присяжныхъ повѣренныхъ, о чемъ выдается ему надлежащее свидѣтельство, не ранѣе однако истеченія срока на принесеніе прокуроромъ протеста на постановленіе совѣта по этому предмету (ст. 46), или объ отказѣ въ принятіи.

Ст. 25. На время состоянія подъ судомъ и слѣдствіемъ за преступленія и проступки, влекушіе за собою лишеніе или ограниченіе правъ состоянія, присяжные повѣренные могутъ быть лишены по усмотрѣнію совѣта права вести дѣла впредь до окончанія уголовного дѣла. Ходатайство о принятіи въ присяжные повѣренные лицъ, состоящихъ подъ судомъ и слѣдствіемъ за означенныя преступленія, не могутъ быть разрѣшаемы до окончанія уголовного дѣла.

Ст. 26 (25). По представленіи принятымъ въ присяжные повѣренные, указаннаго въ 24 статьѣ, свидѣтельства судебная палата дѣлаетъ распоряженіе о приводѣ его къ присягѣ по прилагаемой при семъ формѣ. Каждый присягаетъ по правиламъ своего вѣроисповѣданія въ общемъ собраніи судебного мѣста. Лица, поступающія въ присяжные повѣренные изъ числа кандидатовъ (ст. ст. 73—84), къ присягѣ не приводятся.

Ст. 27 (26). Принятый въ число присяжныхъ повѣренныхъ вносится затѣмъ въ списокъ сихъ повѣренныхъ, о чемъ дѣлается надлежащая надпись на свидѣтельствѣ, выданномъ ему совѣтомъ, и о принятіи его въ присяжные повѣренные публикуется отъ судебной палаты во всеобщее свѣдѣніе.

Ст. 28 (27). По надзору за присяжными повѣренными и управленію ихъ общественными дѣлами къ правамъ и обязанностямъ совѣта принадлежатъ:

1) Наблюденіе за точнымъ исполненіемъ присяжными повѣренными законовъ и всѣхъ лежащихъ на нихъ обязанностей.

2) Разсмотрѣніе жалобъ частныхъ лицъ и сообщеній правительственныхъ установленій и должностныхъ лицъ относительно дѣйствій присяжныхъ повѣренныхъ и опредѣленіе взысканій съ сихъ повѣренныхъ, какъ по собственному усмотрѣнію совѣта, такъ и по означеннымъ жалобамъ и сообщеніямъ.

3) Отчисленіе присяжныхъ повѣренныхъ въ подлежащихъ указаннымъ закономъ случаяхъ и устраненіе сихъ повѣренныхъ отъ исполненія обязанностей ихъ званія: въ случаѣ болѣзненнаго расстройства, лишающаго ихъ способности правильно исполнять эти обязанности, впредь до выздоровленія, и въ случаѣ состоянія подѣлываемаго или преданія суду впредь до окончанія дѣла въ судѣ (ст. 25).

4) Выдача присяжнымъ повѣреннымъ свидѣтельствъ въ томъ, что они не подвергались осужденію совѣта или судебныхъ установленій.

5) Назначеніе повѣренныхъ, по очереди, для безвозмезднаго хожденія по дѣламъ лицъ, пользующихся на судѣ правомъ бѣдности.

6) Назначеніе, по очереди, повѣренныхъ, для ходатайства по дѣламъ лицъ, обратившихся въ совѣтъ съ просьбою о назначеніи имъ таковыхъ (ст. 72).

7) Освобожденіе присяжныхъ повѣренныхъ, назначенныхъ согласно двумъ предшествующимъ пунктамъ сей статьи, отъ веденія порученнаго имъ дѣла въ случаѣ если совѣтъ по разсмотрѣніи дѣла убѣдится въ невозможности продолжать веденіе онаго.

8) Опредѣленіе по заявленіямъ довѣрителей, количества вознагражденія присяжнымъ повѣреннымъ, при несогласіи ихъ по сему предмету.

9) Принятіе мѣръ къ охранѣ дѣлъ умершихъ или признанныхъ умалишенными, а также тяжело заболѣвшихъ, безвѣстно отсутствующихъ или подвергшихся личному задержанію присяжныхъ повѣренныхъ.

10) Завѣдываніе принадлежащими сословію присяжныхъ повѣренныхъ имуществомъ и капиталами, а равно суммами, образующимися изъ особыхъ сборовъ съ присяжныхъ повѣренныхъ по опредѣленіямъ ихъ общихъ собраній (ст. 71).

Ст. 29 (28). Въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, выдача присяжнымъ повѣреннымъ свидѣтельствъ, указанныхъ въ

пунктъ 4 предшешей 28 ст., а равно принятіе мѣръ, означенныхъ въ пунктахъ 5, 6 и 8 той же статьи, можетъ послѣдовать по непосредственному распоряженію предсѣдателя совѣта.

Ст. 30 (29). Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ имѣеть право своею властью подвергать сихъ повѣренныхъ, какъ за нарушеніе обязанностей ихъ званія, такъ и за предосудительныя дѣйствія, умаляющія необходимыя для повѣреннаго довѣріе и уваженіе:

- 1) предостереженіямъ;
- 2) выговорамъ;
- 3) запрещенію отправлять обязанности повѣреннаго на время отъ одного мѣсяца до одного года, и
- 4) исключенію изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ.

Ст. 31 (30). Вступившее въ законную силу постановленіе о запрещеніи отправлять обязанности повѣреннаго должно быть приведено въ исполненіе немедленно, но въ исключительныхъ случаяхъ совѣтъ можетъ по уважительнымъ причинамъ отсрочить исполненіе онаго.

Ст. 32. Объ обнаруженныхъ при дисциплинарномъ производствѣ дѣйствіяхъ присяжнаго повѣреннаго, влекущихъ за собою преданіе уголовному суду, совѣтъ сообщаетъ прокурору.

Ст. 33. Судебныя установленія увѣдомляютъ совѣты о привлеченіи присяжныхъ повѣренныхъ къ слѣдствію и суду и сообщаютъ совѣтамъ копіи вступившихъ въ законную силу приговоровъ по дѣламъ о сихъ повѣренныхъ.

Ст. 34. Преданіе уголовному суду или состояніе подъ слѣдствіемъ присяжнаго повѣреннаго за какое либо дѣяніе не препятствуетъ наложенію за оное взысканія въ порядкѣ дисциплинарнаго производства.

Ст. 35. Присяжный повѣренный, подвергшійся два раза запрещенію отправлять временно обязанности повѣреннаго, въ случаѣ новой вины, которую совѣтъ признаетъ заслуживающею такого же взысканія, исключается совѣтомъ изъ числа повѣренныхъ, если со времени приведенія въ исполненіе предшествующаго постановленія о запрещеніи не прошло пяти лѣтъ.

Ст. 36. Добровольный выходъ изъ сословія не прекращаетъ возбужденнаго противъ присяжнаго повѣреннаго дисциплинарнаго производства и не лишаетъ совѣтъ права начать противъ него новое производство. Постановленія совѣта по такимъ производ-

ствамъ влекутъ за собою, въ соответствующихъ, случаяхъ послѣдствія, указанные въ пунктѣ 12 статьи 107.

Ст. 37. Дисциплинарное производство не можетъ быть начато противъ присяжнаго повѣреннаго или лица, бывшаго присяжнымъ повѣреннымъ, если послѣ совершения дѣйствія или упущенія, подлежащаго разсмотрѣнiю въ дисциплинарномъ порядкѣ, прошло болѣе пяти лѣтъ.

Ст. 38. Вступившее въ законную силу постановленіе о наложенiи на присяжнаго повѣреннаго взысканія не приостанавливается исполненіемъ по поводу вновь возникшаго о немъ дѣла. По новому обвиненію взысканіе назначается особо и независимо отъ опредѣленнаго прежде состоявшимся постановленіемъ.

Ст. 39. Ни одно изъ упомянутыхъ въ статьѣ 30 взысканій не можетъ быть назначено совѣтомъ безъ предварительнаго истребованія отъ обвиняемаго объясненій, въ опредѣленный совѣтомъ срокъ.

Ст. 40. Въ случаѣ непредставленія объясненія, или неявки обвиняемаго въ назначенный срокъ, безъ уважительныхъ причинъ, совѣтъ дѣлаетъ постановленіе на основаніи имѣющихся у него свѣдѣній и извѣстныхъ ему обстоятельствъ.

Ст. 41. Присяжному повѣренному посылается извѣщеніе о днѣ засѣданія совѣта, назначеннаго для разсмотрѣнія его дѣла.

Ст. 42. Признаніе уважительными причинъ неявки присяжнаго повѣреннаго или непредставленія требуемаго объясненія въ совѣтъ зависитъ отъ усмотрѣнія самого совѣта.

Ст. 43. Взысканіе, наложенное совѣтомъ на присяжнаго повѣреннаго, или оправданіе его совѣтомъ не лишаютъ частное лицо права искать съ того повѣреннаго вознагражденія убытковъ въ судебныхъ мѣстахъ.

Ст. 44 (43). Никакое постановленіе совѣта присяжныхъ повѣренныхъ не можетъ имѣть силы, когда въ немъ участвовало менѣе половины членовъ совѣта; для разсмотрѣнія же дисциплинарныхъ дѣлъ и для постановленія опредѣленій по предметамъ, имѣющимъ общее значеніе для всѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ округа, требуется присутствіе не менѣе двухъ третей состава совѣта. При равенствѣ голосовъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ тому мнѣнію, которое имъ принято.

Ст. 45 (44). Копіи постановленій совѣта, коими просители приняты въ присяжные повѣренные (ст. 24), и постановленій от-

посительно взысканія съ присяжныхъ повѣренныхъ или освобожденія отъ онаго сообщаются прокурору судебной палаты. Заинтересованныя лица приглашаются для прочтенія постановленія совѣта въ назначенный день, который и считается днемъ объявленія постановленія совѣта.

Ст. 46 (45). На постановленіе совѣта присяжные повѣренные и частныя лица могутъ приносить жалобы особому присутствію судебной палаты (ст. 48) въ двухнедѣльный, со времени объявленія сихъ постановленій, срокъ: а) присяжные повѣренные— на постановленія, кромѣ подвергающихъ ихъ предостереженію или выговору, опредѣляющихъ отчисленіе ихъ на основаніи пункта 3 статьи 3, или разрѣшающихъ заявленія частныхъ лицъ о вознагражденіи (п. 8 ст. 28); б) частныя лица, кромѣ тѣхъ, коими просителю отказано въ принятіи въ число присяжныхъ повѣренныхъ по неформальнымъ причинамъ или на основаніи пункта 3 статьи 3, а также состоявшагося по ихъ заявленіямъ о вознагражденіи (п. 8 ст. 28.) и по дисциплинарнымъ дѣламъ о присяжныхъ повѣренныхъ.

Протесты прокурора допускаются на постановленія совѣта, означенныя въ статьѣ 45 въ тотъ же срокъ, со дня полученія копій оныхъ. На постановленія совѣта объ исключеніи изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ протесты прокурора вовсе не допускаются, а на постановленія совѣтовъ о принятіи въ число присяжныхъ повѣренныхъ протесты прокурора допускаются лишь въ случаѣ нарушенія сими постановленіями формальныхъ требованій закона.

Ст. 47 (46). Жалобы и протесты на постановленія совѣта присяжныхъ повѣренныхъ подаются въ совѣтъ и отъ него, вмѣстѣ съ подлиннымъ производствомъ по дѣлу, представляются въ особое присутствіе судебной палаты.

Ст. 48 (47). Для разсмотрѣнія означенныхъ въ 45 статьѣ жалобъ и протестовъ въ судебной палатѣ составляется особое присутствіе, подъ предѣдательствомъ старшаго предѣдателя, изъ всѣхъ предѣдателей департаментовъ и такого числа, назначаемыхъ по старшинству, членовъ палаты, чтобы это присутствіе всегда состояло изъ семи судей.

Ст. 49 (48). Рѣшенія особаго присутствія палаты почитаются окончательными, и на оныя присяжными повѣренными могутъ быть приносимы, въ двухнедѣльный со дня объявленія сихъ рѣшеній срокъ, кассационныя жалобы въ соединенное присутствіе перваго

и кассационнаго департаментовъ Правительствующаго Сената: только въ случаѣ присужденія ихъ къ одному изъ взысканій, указанныхъ въ п. п. 4 и 5 статьи 29. Кассационныя протесты прокурора допускаются на эти рѣшенія безъ всякаго ограниченія, въ тотъ же срокъ, со дня полученія копіи рѣшенія, которая ему доставляется по особому его требованію, заявленному не позже двухъ недѣль со времени постановленія рѣшенія. Въ тотъ же срокъ и въ томъ же порядкѣ могутъ быть приносимы кассационныя жалобы лицами, ходатайствующими о принятіи въ присяжные повѣренные, въ случаѣ отмѣны судебною палатою постановленія совѣта о ихъ принятіи.

Ст. 50 (49). Ходатайства о возобновленіи дѣлъ, по вступившимъ въ законную силу рѣшеніямъ о присяжныхъ повѣренныхъ, вслѣдствіе вновь открывшихся обстоятельствъ, обращаются въ установленіе, постановившее такое рѣшеніе. Сіе установленіе удостоверяется въ дѣйствительности обстоятельствъ, на коихъ основано ходатайство о возобновленіи дѣла, и представляетъ о томъ съ своимъ заключеніемъ на окончательное разрѣшеніе соединеннаго присутствія перваго и кассационнаго департаментовъ Правительствующаго Сената.

Ст. 51 (50). Отдѣленіе совѣта присяжныхъ повѣренныхъ (ст. 19) исполняетъ обязанности совѣта, опредѣленныя въ пунктахъ 5—9 статьи 28, относительно присяжныхъ повѣренныхъ, имѣющихъ жительство въ той мѣстности, для которой оно учреждено. Кромѣ того, отдѣленіе, по требованію совѣта, сообщаетъ ему свѣдѣнія, а равно и заключенія свои, по прошеніямъ лицъ, желающихъ поступить въ число присяжныхъ повѣренныхъ, и исполняетъ порученія совѣта по дисциплинарнымъ производствомъ о присяжныхъ повѣренныхъ, а равно по другимъ предметамъ, по которымъ совѣтъ признаетъ нужнымъ имѣть отъ отдѣленія свѣдѣнія или заключенія. Права, предоставляемыя 29 статьею предсѣдателю совѣта, распространяются и на предсѣдателя отдѣленія.

Ст. 52 (51). Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ имѣетъ печать установленнаго для судебныхъ мѣстъ образца съ надписью вокругъ: „совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ такого то округа“.

Ст. 53 (52). Въ тѣхъ округахъ, гдѣ нѣтъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, тамъ права и обязанности его принадлежатъ особому присутствію мѣстнаго окружнаго суда, состоящему, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя, изъ четырехъ старшихъ по назначе-

нію, товарищей предсѣдателя сего суда. Если число товарищей предсѣдателя въ судѣ окажется менѣ четырехъ, то присутствіе пополняются въ томъ же порядкѣ членами окружнаго суда.

Ст. 54 (53). Въ указанномъ въ предшедшей 53 статьѣ составѣ должны быть разсматриваемы дѣла: а) о принятіи въ число присяжныхъ повѣренныхъ (ст. 24); б) объ ихъ отчисленіи и устраненіи (п. 3 ст. 28), и в) о дисциплинарныхъ производствахъ. Всѣ прочія дѣла могутъ быть разрѣшаемы особымъ присутствіемъ суда на общемъ основаніи въ составѣ трехъ судей.

III. О надзорѣ за совѣтами присяжныхъ повѣренныхъ.

Ст. 55 (54—58). На совѣты присяжныхъ повѣренныхъ распространяются правила статей 249—292 учр. суд. уст. о надзорѣ за судебными установленіями и объ отвѣтственности должностныхъ лицъ судебного вѣдомства, при чемъ совѣты присяжныхъ повѣренныхъ приравниваются къ окружнымъ судамъ, а предсѣдатель, товарищ предсѣдателя и члены совѣта—къ членамъ окружныхъ судовъ.

Отдѣленіе третье.

Права и обязанности присяжныхъ повѣренныхъ.

Ст. 56 (59). Присяжные повѣренные избираютъ себѣ опредѣленное мѣсто жительства: въ мѣстностяхъ, на которыя распространяется дѣйствіе совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ предѣлахъ округа той судебной палаты, къ которой приписаны, а въ остальныхъ—въ округѣ того окружнаго суда, которымъ они приняты въ это званіе.

Ст. 57 (60). Объ отъѣздѣ изъ своего мѣста жительства и о возвращеніи въ оное присяжный повѣренный обязанъ всякій разъ извѣщать совѣтъ. Присяжный повѣренный, отсутствовавшій изъ избраннаго имъ мѣста жительства, въ общей сложности, болѣе шести мѣсяцевъ въ теченіе года, отчисляется совѣтомъ, если не представитъ уважительныхъ тому причинъ.

Ст. 58 (61). При отъѣздѣ изъ мѣста своего жительства присяжный повѣренный обязанъ принять мѣры къ тому, чтобы отсутствіе его не причиняло вреда его довѣрителямъ.

Ст. 59 (62). Жалобы на дѣйствія присяжнаго повѣреннаго по производству имъ дѣлъ внѣ округа той судебной палаты, къ которой онъ приписанъ, могутъ быть приносимы, по усмотрѣнію

жалобщиковъ, либо совѣту присяжныхъ повѣренныхъ по мѣсту производства дѣла, либо совѣту того округа, къ которому присяжный повѣренный приписанъ. Совѣту присяжныхъ повѣренныхъ того округа, въ которомъ производится дѣло, принадлежитъ также по отношенію къ ведущему дѣло присяжному повѣренному другого округа право наблюденія за исполненіемъ означеннымъ повѣреннымъ законовъ и всѣхъ лежащихъ на немъ обязанностей, (ст. 27 п. 1), съ тѣмъ однако, что дисциплинарный судъ, за исключеніемъ случая, указанного въ началѣ сей статьи, принадлежитъ совѣту того округа, къ которому присяжный повѣренный приписанъ.

Ст. 60 (66). Присяжный повѣренный, назначенный для производства дѣла совѣтомъ или предсѣдателемъ судебного мѣста (ст. 28, п.п. 5, 6 и 72), не можетъ отказаться отъ исполненія даннаго ему порученія, не представивъ достаточныхъ для сего причинъ.

Ст. 61 (67). Присяжные повѣренные, достигшіе преклоннаго возраста и страдающіе ослабленіемъ физическихъ силъ, могутъ, по ихъ ходатайству, быть освобождаемы совѣтомъ отъ обязанности по защитѣ подсудимыхъ, о чемъ совѣтъ доводитъ до свѣдѣнія старшаго предсѣдателя судебной палаты.

Ст. 62 (69). Присяжнымъ повѣреннымъ запрещается пріобрѣтать права тяжущихся по ихъ тяжбамъ, какъ на свое имя, такъ и подъ видомъ пріобрѣтенія для другихъ лицъ, а равно подъ видомъ пріобрѣтенія самаго имущества, по поводу котораго производится споръ, или подъ видомъ какой либо иной сдѣлки, за исключеніемъ лишь случая, пріобрѣтенія правъ посредствомъ завѣщанія и наслѣдованія по закону. Всѣ сдѣлки, совершенныя вопреки сему правилу, признаются недѣйствительными и подвергаются присяжныхъ повѣренныхъ ответственности по постановленіямъ ихъ совѣтовъ.

Ст. 63 (70). Присяжный повѣренный не можетъ дѣйствовать въ судѣ, въ качествѣ повѣреннаго противъ восходящихъ своихъ родственниковъ, а также жены, дѣтей и родныхъ братьевъ и сестеръ.

Ст. 64 (71). Присяжный повѣренный не можетъ не только быть въ одно и тоже время повѣреннымъ обѣихъ спорящихъ сторонъ, но и переходить по одному и тому же дѣлу, послѣдовательно, отъ одной стороны къ другой.

Ст. 65 (72). Присяжный повѣренный не долженъ оглашать тайнъ своего довѣрителя не только во время производства его

дѣла, но и въ случаѣ устраненія отъ онаго и даже послѣ окончанія дѣла.

Ст. 66 (74). Каждый присяжный повѣренный обязанъ вести списокъ дѣлъ, ему порученныхъ, и приходо-расходную книгу суммъ, поступающихъ отъ довѣрителей на расходы по веденію дѣла или въ пользу довѣрителей. Форма такихъ списковъ и книгъ и порядокъ представленія ихъ въ совѣтъ опредѣляются самими совѣтами.

Ст. 67 (75). Количество вознагражденія присяжныхъ повѣренныхъ за хожденіе по дѣламъ зависитъ отъ соглашенія ихъ съ довѣрителями. Договоры о сѣмъ могутъ быть какъ письменные такъ и словесные. Но въ искахъ о вознагражденіи принимаются за доказательство только письменные договоры.

Ст. 68 (76). Если совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ усмотритъ, что присяжный повѣренный, пользуясь неопытностью, невѣжествомъ или стѣснительнымъ положеніемъ довѣрителя, выговорилъ себѣ чрезмѣрное вознагражденіе, то можетъ уменьшить такое до размѣра, опредѣленнаго таксою. Однако присяжный повѣренный можетъ выговорить себѣ вознагражденіе на случай, если безъ всякой вины съ его стороны онъ будетъ лишенъ возможности окончить порученное ему дѣло; вознагражденіе это не можетъ превышать суммы условленной на случай благопріятнаго для довѣрителя окончанія дѣла.

Ст. 69 (77). Для означенія въ судебныхъ рѣшеніяхъ количества судебныхъ издержекъ, подлежащихъ взысканію съ обвиненнаго по дѣлу, въ пользу противной стороны, за приглашеніе повѣреннаго, а также для опредѣленія количества вознагражденія повѣренныхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда тяжущіеся не заключили съ ними письменныхъ о томъ условій, устанавливается особая такса, при сѣмъ приложенная.

Ст. 70 (78). По дѣламъ лицъ, пользующихся на судѣ правомъ бѣдности, и лицъ, коимъ повѣренный назначенъ совѣтомъ или предсѣдателемъ суда (ст. 28 п. п. 5 и 6, ст. 254 уст. гражд. суд.), означенное въ предшедшей (69) статьѣ взысканіе за приглашеніе повѣреннаго обращается въ пользу того присяжнаго повѣреннаго, который былъ назначенъ для хожденія по дѣлу.

Ст. 71 (79). Присяжные повѣренные обязаны уплачивать денежный сборъ, установленный, по опредѣленіямъ общаго ихъ собранія, на содержаніе канцеляріи совѣта, бібліотеки, кассы пособій и для удовлетворенія другихъ нуждъ сословія.

Ст. 72 (80). Въ округахъ тѣхъ окружныхъ судовъ, въ которыхъ число присяжныхъ повѣренныхъ достигло достаточныхъ размѣровъ (ст. 102), каждый тяжущійся имѣетъ право обратиться въ совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ съ просьбою о назначеніи повѣреннаго для веденія его дѣла за вознагражденіе, въ размѣрѣ, опредѣленномъ таксою. Совѣтъ обязанъ исполнить эту просьбу, согласно съ пунктомъ 6 статьи 28 сего учрежденія и статьею 21 таксы приложенной къ статьѣ 69 сего же учрежденія.

Б. О кандидатахъ въ присяжные повѣренные.

Ст. 73 (85). Кандидатами въ присяжные повѣренные могутъ быть лица, имѣющія дипломы университетовъ о выдержаніи экзамена въ юридическихъ наукахъ или аттестаты другихъ высшихъ учебныхъ заведеній объ окончаніи курса сихъ наукъ.

Ст. 74 (86). Кандидатами въ присяжные повѣренные не могутъ быть лица, которыя по силѣ пунктовъ 2—5 статьи 3 сего учрежденія, не допускаются въ присяжные повѣренные.

Примѣчаніе. На время отбыванія воинской повинности кандидатъ въ присяжные повѣренные не лишается своего званія, но время это можетъ быть ему зачислено въ срокъ подготовки не иначе, какъ по особому постановленію совѣта присяжныхъ повѣренныхъ.

Ст. 75 (89). Желаящій поступить въ кандидаты подаетъ о томъ прошеніе въ совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ. Принятый въ число кандидатовъ приводится къ присягѣ въ общемъ собраніи судебной палаты и вносится, по распоряженію страшаго предсѣдателя судебной палаты въ особый списокъ, о чемъ дѣлается надлежащая надпись на свидѣтельствѣ, выданномъ кандидату совѣтомъ.

Ст. 76. ¹⁾ На совѣтѣ присяжныхъ повѣренныхъ лежитъ обязанность заботиться о надлежащей подготовкѣ кандидатовъ къ исполненію обязанностей присяжнаго повѣреннаго путемъ правильной организаціи занятій кандидатовъ судебными дѣлами и ознакомленія ихъ съ обязательными для присяжнаго повѣреннаго правилами. Обязанности кандидатовъ должны быть точно опредѣлены особою инструкціею. Инструкція составляется совѣтомъ и представляется на утвержденіе судебной палаты.

¹⁾ Ст. 76—83 предлагаются вмѣсто статей 90—102 проекта.

Ст. 77. Въ инструкціи должно быть также указано, въ какихъ судебныхъ инстанціяхъ допускается самостоятельное веденіе дѣлъ кандидатомъ въ каждый изъ установленныхъ инструкціею періодовъ подготовки. Экземпляры утвержденной судебною палатою инструкціи разсылаются совѣтомъ, для свѣдѣнія, во всѣ судебныя мѣста округа, и сверхъ сего каждому кандидату выдается отъ совѣта свидѣтельство, съ обозначеніемъ, въ какомъ періодѣ подготовки предъявитель находится, въ какихъ соотвѣтственно съ симъ судебныхъ инстанціяхъ ему предоставлено право самостоятельнаго веденія дѣлъ.

Ст. 78. Для веденія гражданскихъ дѣлъ лицъ пользующихся правомъ бѣдности, а равно для защиты подсудимыхъ въ выѣздныхъ засѣданіяхъ судебныхъ мѣстъ кандидаты въ присяжные повѣренные могутъ быть назначаемы не иначе, какъ съ соблюденіемъ условий, указанныхъ въ инструкціи о кандидатахъ въ присяжные повѣренные.

Ст. 79. Присяжнымъ повѣреннымъ предоставляется передовѣрять веденіе дѣлъ кандидатамъ, въ тѣхъ инстанціяхъ, въ которыхъ послѣднимъ самостоятельное веденіе дѣлъ дозволено, снабжая ихъ для сего одною общею по всѣмъ дѣламъ довѣренностью, а равно поручать безъ осой формальной довѣренности—по одному лишь письменному уполномочію, исполненіе разныхъ порученій во всѣхъ судебныхъ установленіяхъ (представленіе и полученіе бумагъ, денегъ и документовъ, полученіе исполнительныхъ листовъ, ходатайство о назначеніи засѣданій и т. п.).

Ст. 80. Кандидаты въ присяжные повѣренные избираютъ себѣ опредѣленное мѣсто жительства въ предѣлахъ даннаго округа въ одномъ изъ городовъ, въ коихъ по инструкціи (ст. 76) допускается проживаніе отбывающихъ подготовку кандидатовъ въ присяжные повѣренные.

Ст. 81. Постановленія ст. ст. 57—69 сего учрежденія о правахъ и обязанностяхъ присяжныхъ повѣренныхъ распространяются также и на кандидатовъ въ присяжные повѣренные, поскольку постановленія эти къ нимъ примѣнимы.

Ст. 82. Срокъ подготовки въ присяжные повѣренные назначается трехгодичный. По истеченіи этого срока кандидатъ можетъ обратиться въ совѣтъ съ прошеніемъ о принятіи его въ присяжные повѣренные. Если совѣтъ признаетъ кандидата недостаточно подготовленнымъ къ исполненію обязанностей присяжнаго повѣрен-

наго, то назначаетъ ему срокъ, по прошествіи коего онъ можетъ снова войти въ совѣтъ съ такимъ прошеніемъ, но въ общей сложности кандидатъ въ присяжные повѣренные не можетъ оставаться въ этомъ званіи болѣе шести лѣтъ. По прошествіи этого времени кандидаты, не принятые въ присяжные повѣренные, отчисляются совѣтомъ.

Примѣчаніе. При опредѣленіи правъ кандидата на поступленіе въ присяжные повѣренные, время, въ теченіе котораго ему, согласно пункту 4 статьи 29, было воспрещено отправленіе обязанностей повѣреннаго, должно быть вычитаемо изъ времени, проведеннаго имъ въ званіи кандидата, но наложеніе означеннаго взыскація не удлиняетъ шестилѣтняго срока, въ теченіе котораго кандидатъ можетъ оставаться въ этомъ званіи.

Ст. 83. Надзоръ за кандидатами въ присяжные повѣренные и дисциплинарная надъ ними власть принадлежитъ совѣту присяжныхъ повѣренныхъ и судебнымъ установленіямъ, согласно правиламъ въ статьяхъ 28—54 сего учрежденія указаннымъ.

Ст. 84 (103). Кандидаты въ присяжные повѣренные не могутъ получать свидѣтельства, установленныхъ для частныхъ повѣренныхъ.

В. 0 частныхъ повѣренныхъ.

Ст. 85 (104). Повѣренными по дѣламъ гражданскимъ могутъ быть, кромѣ присяжныхъ повѣренныхъ, кандидатовъ въ присяжные повѣренные, въ предѣлахъ правъ предоставленныхъ имъ правилами сего учрежденія (ст. ст. 76—78) и лицъ, указанныхъ въ статьяхъ 109 и 110, только частныя повѣренные, получившіе, въ установленномъ нижеслѣдующими статьями порядкѣ, особыя свидѣтельства на право хожденія по чужимъ дѣламъ.

Ст. 86 (105). Свидѣтельства на право веденія чужихъ дѣлъ выдаются окружными судами. Форма такихъ свидѣтельствъ устанавливается Министеромъ Юстиціи.

Ст. 87 (106). Частныя повѣренные, получившіе отъ окружнаго суда означенныя въ предшедшей (105) статьѣ свидѣтельства, могутъ ходатайствовать по дѣламъ, производящимся какъ въ самомъ окружномъ судѣ, такъ и въ подвѣдомственныхъ ему судебныхъ установленіяхъ, а также въ судебной палатѣ по дѣламъ, поступившимъ изъ того окружнаго суда, которымъ выдано свидѣтельство.

Ст. 88. Частный повѣренный, принявшій на себя хожденіе по дѣлу, производящемуся въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ, окружномъ судѣ или судебной палатѣ, имѣетъ право ходатайствовать по тому же дѣлу и въ кассационныхъ департаментахъ Правительствующаго Сената.

Ст. 89 (107). Жалающій получить свидѣтельство на право быть повѣреннымъ подаетъ о томъ прошеніе подлежащему окружному суду съ приложеніемъ документовъ, удостоверяющихъ его личность, и указываетъ въ прошеніи, что для полученія права быть повѣреннымъ нѣтъ ни одного изъ препятствій, означенныхъ въ статьѣ 125 сего учрежденія, и что онъ не получалъ отказа въ принятіи его въ присяжные и частные повѣренные; если же въ послѣдствіи откроется противное, то отъ него отбирается свидѣтельство и онъ привлекается къ отвѣтственности по статьѣ 943 уложенія о наказаніяхъ.

Примѣчаніе. Иностранные подданные не могутъ быть частными повѣренными.

Ст. 90 (108). Окружный судъ, коему подано указанное въ предшедшей 107 статьѣ прошеніе, обязанъ удостовѣриться въ надлежащихъ юридическихъ познаніяхъ просителя, если послѣдній не имѣетъ диплома отъ университета о выдержаніи экзамена въ юридическихъ наукахъ или аттестата отъ другого высшаго учебнаго заведенія объ окончаніи курса сихъ наукъ, а равно обсудить—въ случаѣ если проситель получалъ ранѣе отказъ—причины такового. Удостовереніе въ познаніяхъ производится судомъ въ составѣ не менѣе трехъ судей по назначенію общаго собранія, и при участіи лица прокурорскаго надзора.

Ст. 91 (109). По разсмотрѣніи представленныхъ просителемъ документовъ, окружной судъ, принявъ въ соображеніе всѣ свѣдѣнія, которыя признаетъ необходимымъ и выслушавъ заключеніе прокурора, постановляетъ: или о разрѣшеніи просителю быть частнымъ повѣреннымъ, или объ отказѣ въ ходатайствѣ просителя, хотя бы онъ и соответствовалъ всѣмъ требуемымъ закономъ формальнымъ условіямъ.

Ст. 92 (110). Лицамъ, коимъ, на основаніи предшедшей 91 статьи, разрѣшено быть частными повѣренными, окружной судъ выдаетъ свидѣтельства не ранѣе истеченія срока на принесеніе прокуроромъ протеста на опредѣленіе суда по означенному предмету.

Ст. 93 (111). О частныхъ повѣренныхъ, коимъ выданы сви-

дѣтельства на веденіе чужихъ дѣлъ, окружный судъ доводитъ до свѣдѣнія Министра Юстиціи и публикуетъ имена сихъ лицъ въ мѣстныхъ губернскихъ или областныхъ вѣдомостяхъ.

Ст. 94 (112). Лица, получившія указанные въ статьѣ 110 свидѣтельства на право ходатайствовать по чужимъ дѣламъ, доводятъ до свѣдѣнія предсѣдателя окружнаго суда, при коемъ они состоятъ, о мѣстѣ своего жительства и перемѣнахъ онаго.

Ст. 95 (113). Свидѣтельства на право ходатайствовать по чужимъ дѣламъ возобновляются предсѣдателями окружныхъ судовъ по прошеніямъ частныхъ повѣренныхъ ежегодно. Лица, не заявившія ходатайства въ теченіе января о возобновленіи свидѣтельствъ, почитаются выбывшими изъ числа частныхъ повѣренныхъ.

Ст. 96 (118). Окружные суды, въ случаѣ неправильныхъ или предосудительныхъ дѣйствій состоящихъ при нихъ частныхъ повѣренныхъ, входятъ какъ по непосредственному своему усмотрѣнію, такъ и по предложеніямъ предсѣдателей и прокуроровъ, а равно по сообщеніямъ правительственныхъ установленій и должностныхъ лицъ и по жалобамъ частныхъ лицъ, въ разсмотрѣніе вышеуказанныхъ дѣйствій и могутъ подвергать частныхъ повѣренныхъ дисциплинарнымъ взысканіямъ, указаннымъ въ статьѣ 29 сего учрежденія.

Ст. 97 (119). Дѣла по ходатайствамъ о принятіи въ частныя повѣренныя, по надзору за ними и о дисциплинарной ихъ отвѣтственности подлежатъ вѣдомству особаго присутствія окружнаго суда, при чемъ соблюдаются правила, установленныя въ статьяхъ 53, 54 и 31—42 сего учрежденія.

Ст. 98 (120). На опредѣленія окружныхъ судовъ о разрѣшеніи быть частнымъ повѣреннымъ и на рѣшенія сихъ судовъ по дисциплинарнымъ дѣламъ о частныхъ повѣренныхъ допускаются протесты прокурора въ двухнедѣльный срокъ со дня полученія копій означенныхъ опредѣленій и рѣшеній, которыя ему доставляются по особому его требованію, заявленному не позже двухъ недѣль со времени постановленія оныхъ. На опредѣленія окружныхъ судовъ о не соответствіи просителя, желающаго быть частнымъ повѣреннымъ, установленнымъ для того въ законѣ формальнымъ условіямъ и на рѣшенія, присуждающія частныхъ повѣренныхъ ко взысканіямъ, указаннымъ въ пунктахъ 3 и 4 статьи 30 сего учрежденія, допускаются жалобы просителей и частныхъ повѣренныхъ въ двухнедѣльный срокъ со дня объявленія сихъ опредѣленій и рѣшеній. Означен-

ные протесты и жалобы подлежат рассмотрѣнію особаго присутствія судебной палаты (статья 48). Относительно обжалованія опредѣленій особаго присутствія судебной палаты и ходатайствъ о возобновленіи дѣлъ о частныхъ повѣренныхъ примѣняются правила, установленныя въ 49 и 50 статьяхъ сего учрежденія.

Ст. 99 (121). На частныхъ повѣренныхъ распространяется, относительно размѣра вознагражденія и опредѣленія ихъ правъ и обязанностей, дѣйствіе статей 62—69 сего учрежденія, при чемъ право уменьшать частнымъ повѣреннымъ размѣръ условленнаго ими вознагражденія (ст. 68) предоставляется особому присутствію подлежащаго окружнаго суда (ст. ст. 53 и 97).

Ст. 100. Женщины могутъ получать званіе частнаго повѣреннаго.

Ст. 101. Въ тѣхъ округахъ окружныхъ судовъ, въ которыхъ имѣетъ жительство достаточное число присяжныхъ повѣренныхъ (ст. 81), тяжущіеся могутъ давать довѣренности на веденіе гражданскихъ дѣлъ, превышающихъ подсудность участковыхъ судей, только присяжнымъ повѣреннымъ, кандидатамъ въ присяжные повѣренные и лицамъ, указаннымъ въ п. п. 1—6 I отд. ст. 127 съ изъятіями, указанными въ статьяхъ 104, 105 и 110 сего учрежденія.

Примѣчаніе. Поставленное въ сей статьѣ правило продолжается примѣняться и въ томъ случаѣ, когда число присяжныхъ повѣренныхъ станетъ ниже достаточнаго размѣра (ст. 102).

Ст. 102. Число присяжныхъ повѣренныхъ, признаваемое достаточнымъ (ст. 101), опредѣляется въ особой табели, которую Министръ Юстиціи, по предъявленіямъ судебныхъ палатъ, вноситъ, чрезъ Государственный Совѣтъ, на Высочайшее утвержденіе.

Ст. 103. О достиженіи въ округѣ окружнаго суда числа присяжныхъ повѣренныхъ, признаваемаго для онаго достаточнымъ (ст. 102), судебная палата представляетъ Министру Юстиціи, который предлагаетъ о томъ Правительствующему Сенату для опубликованія.

Ст. 104 (122). Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ число присяжныхъ повѣренныхъ признано достаточнымъ (ст. 101—103), лица, принятые вновь въ частные повѣренные, могутъ по дѣламъ гражданскимъ, превышающимъ подсудность участковыхъ судей, имѣть хожденіе только: 1) по дѣламъ, подлежащимъ производству въ упрощенномъ порядкѣ, 2) по приведенію рѣшеній судебныхъ мѣстъ въ исполненіе, 3) по дѣламъ, объ утвержденіи духовныхъ завѣщаній

и по дѣламъ объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства, производимся въ охранительномъ порядкѣ.

Ст. 105 (123). Частные повѣренные, имѣвшіе установленныя для веденія чужихъ дѣлъ свидѣтельства отъ окружнаго суда въ то время, когда въ округѣ онаго число присяжныхъ повѣренныхъ признано достаточнымъ (101—103), сохраняютъ при возобновленіи свидѣтельствъ отъ того суда, съ соблюденіемъ всѣхъ требуемыхъ для сего закономъ условій, право на веденіе гражданскихъ дѣлъ, безъ ограниченія, содержащагося въ предшедшей 104 статьѣ.

Г. 0 повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ, не принадлежащихъ къ числу присяжныхъ повѣренныхъ, кандидатовъ въ присяжные повѣренные и частныхъ повѣренныхъ.

А. Общія правила.

Ст. 106 (124). Лица, не принадлежащія къ числу присяжныхъ повѣренныхъ, кандидатовъ въ присяжные повѣренные и частныхъ повѣренныхъ, но удовлетворяющія требованіямъ слѣдующей 107 статьи, могутъ быть повѣренными только въ случаяхъ, указанныхъ въ статьяхъ 109—117 сего учрежденія.

Ст. 107 (125). Не могутъ быть повѣренными:

- 1) неумѣющіе читать и писать по русски;
- 2) недостигшіе совершеннолѣтія;
- 3) монашествующіе, кромѣ тѣхъ дѣлъ, въ коихъ они ходатайствуютъ за монастыри и обители, по порученію ихъ монастырскаго начальства;
- 4) священнослужители бѣлаго духовенства, кромѣ тѣхъ дѣлъ, въ коихъ они ходатайствуютъ за духовное вѣдомство или за женъ и дѣтей своихъ, а также за питомцевъ, находящихся у нихъ на попеченіи;
- 5) объявленные несостоятельными, до окончанія дѣлъ о ихъ несостоятельности, а послѣ сего тѣ изъ нихъ, которые признаны въ порядкѣ гражданского суда злонамѣренными банкротами, хотя бы они и были оправданы по приговору уголовного суда;
- 6) ученики, воспитанники, студенты и слушатели, продолжающіе учебный или академическій курсъ, за исключеніемъ лишь тѣхъ дѣлъ, въ коихъ они приняли бы на себя ходатайство вмѣсто ихъ родителей, братьевъ, сестеръ, женъ и дѣтей;
- 7) состоящіе подъ опекою;

8) должностныя лица судебного вѣдомства, и всѣ вообще состоящіе на службѣ при судебныхъ установленіяхъ, хотя бы они служили и по вольному найму, кромѣ дѣлъ тѣхъ лицъ, которыя поименованы въ статьѣ 127 сего учрежденія, если дѣла сіи производятся не въ томъ судѣ, въ которомъ они состоятъ и не въ подвѣдомственныхъ оному установленіяхъ;

9) отлученные отъ церкви по приговору духовнаго суда;

10) состоящіе подъ слѣдствіемъ, или судомъ за преступленія, влекущія за собою лишеніе всѣхъ или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, а также подвергнушіеся по судебнымъ приговорамъ означеннымъ наказаніямъ и тѣ, которые освобождены отъ нихъ за давностью, примиреніемъ или силою Всемилостивѣйшаго манифеста, либо особаго Высочайшаго повелѣнія, равно какъ и лица, слѣдствія или дѣла о коихъ по означеннаго рода обвиненіямъ прекращены за силою манифеста;

11) исключенные изъ службы по суду, или изъ духовнаго вѣдомства за пороки, или же изъ среды обществъ и дворянскихъ собраній по приговорамъ тѣхъ сословій, къ которымъ они принадлежатъ,

и 12) всѣ тѣ, коимъ ходатайство по дѣламъ воспрещено судебнымъ приговоромъ или постановленіемъ судебныхъ установленій, а равно исключенные изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ, кандидатовъ въ присяжные повѣренные и частныхъ повѣренныхъ.

Ст. 108 (126). Лицамъ, не принадлежащимъ къ числу присяжныхъ повѣренныхъ, кандидатовъ въ присяжные повѣренные и частныхъ повѣренныхъ, которыя, являясь защитниками подсудимыхъ или повѣренными по уголовнымъ дѣламъ или исполняя порученія по дѣламъ гражданскимъ, указанныя во II отдѣлѣ статьи 109, допустить при производствѣ дѣла предосудительныя по опому дѣйствія или обнаружатъ недобросовѣстное исполненіе или полное непониманіе принятыхъ на себя обязанностей, можетъ быть воспрещено, по постановленію особаго присутствія окружнаго суда (ст. 53), въ предѣлахъ его округа, веденіе уголовныхъ дѣлъ и исполненіе означенныхъ порученій.

Б. По дѣламъ гражданскимъ.

Ст. 109 (127). Тяжущіеся имѣютъ право являться въ судъ лично, равно какъ подавать просьбы и другія бумаги, а также объяснять свои дѣла и требованія, безъ обязанности избирать

повѣренныхъ, но по дѣламъ гражданскимъ могутъ давать довѣренности:

I. На веденіе дѣлъ, превышающихъ подсудность участковыхъ судей, кромѣ присяжныхъ повѣренныхъ, кандидатовъ и частныхъ повѣренныхъ, только слѣдующимъ лицамъ, удовлетворяющимъ требованіямъ статьи 125 сего учрежденія:

- 1) родителямъ,
- 2) супругамъ,
- 3) братьямъ и сестрамъ,
- 4) дѣтямъ, пасынкамъ и приемышамъ,
- 5) лицамъ, имѣющимъ одну общую съ довѣрителемъ тяжбу,
- и 6) лицамъ, завѣдывающимъ по довѣренностямъ или въ качествѣ управляющихъ, прикащиковъ и т. п. недвижимыми имуществами, или торговыми, или промышленными дѣлами тѣхъ тяжущихся, но на веденіе только дѣлъ, которыя вытекаютъ изъ завѣдыванія порученными имъ имуществами или дѣлами,

и II. На дѣйствія по вводу во владѣніе, на дѣйствія, относящіяся къ вѣдѣнію нотаріусовъ и старшихъ нотаріусовъ, на присутствованіе при описи имущества, на дѣйствія по исполненію отдѣльныхъ порученій: подачу прошеній, взносъ пошлинъ или сборовъ, представленіе и полученіе копій и документовъ, на полученіе справокъ, исполнительныхъ листовъ, денегъ и имущества, — ведемъ безъ изъятія, лицамъ, удовлетворяющимъ требованіямъ статьи 125 сего, учрежденія.

Ст. 110 (129). Постановленіе, содержащееся въ ст. 109 примѣняется и въ мѣстностяхъ, гдѣ число присяжныхъ повѣренныхъ признано достаточнымъ (ст. 101—103), но частнымъ повѣреннымъ, кромѣ порученій, указанныхъ во II отдѣлѣ означенной 109 статьи, тяжущіеся могутъ давать довѣренности по гражданскимъ дѣламъ, превышающимъ подсудность участковыхъ судей, только въ предѣлахъ правъ, предоставленныхъ симъ повѣреннымъ статьями 104 и 105 сего учрежденія.

Ст. 111 (130). По дѣламъ казеннаго управленія и по дѣламъ учреждений, пользующихся на судѣ правами, предоставленными казеннымъ управленіямъ (уст. гражд. судопр. ст. 1282 и примѣчанія 1 и 2), сіи управленія ищутъ и отвѣчаютъ на судѣ въ лицѣ особыхъ уполномоченныхъ, которые назначаются изъ должностныхъ лицъ подлежащаго вѣдомства.

Ст. 112 (131). Сельскія общества ищутъ и отвѣчаютъ на

судѣ чрезъ выборныхъ членовъ оныхъ (общее положеніе о сельскомъ состояніи статья 51, пунктъ 9, и статья 78, пунктъ 4).

Ст. 113 (132). Существующія разнаго рода общества, товарищества и компаніи ищутъ и отвѣчаютъ на судѣ въ лицѣ особыхъ уполномоченныхъ, коими могутъ быть управляющіе дѣлами сихъ учреждений и другія лица, находящіяся на службѣ въ оныхъ.

Ст. 114. Въ указанныхъ въ ст. ст. 111—113 случаяхъ могутъ быть повѣренными сверхъ лицъ означенныхъ въ сихъ статьяхъ:

1) присяжные повѣренные

и 2) кандидаты въ присяжные повѣренные и частные повѣренные въ предѣлахъ, предоставленныхъ имъ настоящимъ учрежденіемъ правъ.

В. По дѣламъ уголовнымъ.

Ст. 115 (133). Повѣренными и защитниками по дѣламъ уголовнымъ могутъ быть, кромѣ присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ, также и кандидаты въ присяжные повѣренные, въ предѣлахъ пріобрѣтенныхъ ими правъ (статьи 91—93), и другія лица, коимъ законъ не воспрещаетъ ходатайствовать по чужимъ дѣламъ (статья 107), съ ограниченіемъ, указаннымъ въ слѣдующей 116 статьѣ.

Ст. 116 (134). По дѣламъ уголовнымъ, превышающимъ подсудность участковыхъ судей, повѣренными частныхъ обвинителей и гражданскихъ истцовъ могутъ быть только присяжные и частные повѣренные, тѣ изъ кандидатовъ, которые получили на сіе право, согласно статьѣ 92, и лица, поименованныя въ первомъ отдѣлѣ статьи 109 сего учрежденія.

Ст. 117 (135). По уголовнымъ дѣламъ казеннаго управленія и возбуждаемымъ административными управленіями и должностными лицами повѣренными могутъ быть какъ подчиненныя онымъ должностныя лица, такъ и лица, указанныя въ предшедшихъ 115 и 116 статьяхъ.

Данные о дисциплинарной судимости присяжныхъ повѣренныхъ округа С.-Петербургской судебной палаты за 1885—1894 годы.

Годы	Число предостережений.		Число выговоровъ.		Число запрещеній практики.		Число исключеній.		Всего дисциплинарныхъ взысканій.		%-ое отношеніе взысканій лицъ іудейскаго исповѣданія къ общему числу взысканій.
	Всего.	Лицамъ іудейскаго испов.	Всего.	Лицамъ іудейскаго испов.	Всего.	Лицамъ іудейскаго испов.	Всего.	Лицамъ іудейскаго испов.	Всего.	Лицамъ іудейскаго испов.	
1885	12	1	12	1	5	—	1	—	30	2	6,6
1886	12	1	8	2	3	—	—	—	23	3	13
1887	12	2	8	1	3	—	3	—	26	3	11
1888	8	2	11	1	1	—	3	—	23	3	13
1889	12	3	8	1	6	—	—	—	26	4	15
1890	15	1	14	4	6	—	—	—	35	5	14,3
1891	10	—	19	1	2	—	1	—	32	1	3
1892	5	—	10	—	2	—	—	—	17	—	0
1893	11	2	9	—	4	—	2	2	25	4	16
1894	5	1	13	1	5	—	4	1	27	3	11
	102	13	112	12	37	—	14	3	265	28	10,5

Всего за пятилѣтіе съ 1885 по 1890 г.:

Всего за пятилѣтіе съ 1890 по 1895 г.:

Предостереженій	56	Предостереженій	46
Выговоровъ	47	Выговоровъ	65
Запрещеній	18	Запрещеній	19
Исключеній	7	Исключеній	7
	128		137
Изъ нихъ лицъ іудейскаго исповѣданія	15	Изъ нихъ лицъ іудейскаго исповѣданія	13
Что составляетъ	11,7%	Что составляетъ	9,4%

Предсѣдатель совѣта А. Турчаниновъ.

Приложение III.

Особое мнѣніе члена комисіи Юридическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ П. В. Макалинскаго.

Я не могу согласиться съ предположенными большинствомъ комисіи Юридическаго Общества измѣненіями составленнаго Высочайше учрежденною при Министерствѣ Юстиціи комисіею для пересмотра законоположеній по судебной части проекта объ устройствѣ адвокатуры, въ отношеніи организациі помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, по слѣдующимъ основаніямъ.

Въ семъ отношеніи проектъ построенъ на такъ-называемой системѣ личнаго патроната, большинство же комисіи Юридическаго Общества, въ основу своихъ измѣненій кладетъ систему патроната сословнаго. Такимъ образомъ, разногласіе между проектомъ и предположеніями большинства комисіи Юридическаго Общества сводится, главнымъ образомъ, къ вопросу о томъ, какой изъ названныхъ системъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе.

Обыкновенно указываютъ на два главныхъ недостатка системы личнаго патроната: 1) присяжные повѣренные берутъ къ себѣ въ помощники обыкновенно только молодыхъ людей, имъ лично знакомыхъ; въ то же время далеко не всѣ присяжные повѣренные нуждаются въ помощникахъ; даже имѣющіе значительную практику довольствуются однимъ помощникомъ, и только самые выдающіеся могутъ давать у себя занятія двумъ или тремъ помощникамъ, вслѣдствіе чего доступъ въ ряды адвокатовъ по необходимости искусственно затрудняется, что не можетъ не отражаться самымъ вреднымъ образомъ на развитіи сословія присяжныхъ повѣренныхъ, по численности своей далеко еще не удовлетворяющаго потребностямъ населенія, за исключеніемъ не многихъ, самыхъ бойкихъ центровъ, и 2) помощникъ усваиваетъ себѣ не только достоинства, но и недостатки и даже манеру своего патрона, — что препятствуетъ развитію оригинальныхъ талантовъ и прогрессу въ пріемахъ адвокатской профессіи, при начинающейся же специализациі адвокатскихъ занятій, подготовка помощника въ кабинетѣ патрона по необходимости дѣлается одностороннею; притомъ не всѣ патроны обладаютъ въ одинаковой степени искусствомъ руководительства; и наконецъ, изученіе практическихъ пріемовъ по веденію судебныхъ дѣлъ требуетъ весьма незначительнаго времени, глав-

ная же цѣль подготовки помощника—упражненія въ ораторскомъ искусствѣ и примѣненіе юридическихъ нормъ къ фактамъ дѣйствительности—при системѣ личнаго патроната не достигается.

Если же молодой человекъ, желающій подготовиться къ исполненію обязанностей присяжнаго повѣреннаго, будетъ приписываться не къ отдѣльному адвокату, а непосредственно къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ, если на сословіе будетъ возложена обязанность пешихъ о профессиональной подготовкѣ начинающихъ адвокатовъ, и если руководство ими будетъ ввѣрено не случайнымъ, а избраннымъ для того, наиболѣе опытнымъ и талантливымъ руководителямъ, то, по мнѣнію приверженцевъ идеи сословнаго патроната, указанныя неудобства устраняются.

Не отрицая справедливости указанія на присущіе системѣ личнаго патроната недостатки, нельзя однако не замѣтить, что они далеко не столь существенны, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда. Во 1-хъ, не одно только помощничество служить подготовкою къ званію присяжнаго повѣреннаго, но и служба по судебному вѣдомству, и если тѣ молодые люди, которымъ не удастся поступить въ помощники присяжныхъ повѣренныхъ по отсутствію желающихъ или могущихъ приписать ихъ къ себѣ патроновъ, станутъ готовиться къ адвокатурѣ путемъ прохожденія служебнаго стажа, то врядъ ли отъ этого будутъ въ проигрышѣ, какъ сами они, такъ и адвокатское сословіе, ибо подготовка къ адвокатской дѣятельности занятіями, установленными для кандидатовъ на судебныя должности, говоря вообще, не должна быть, за немногими чисто случайными исключеніями, поставлена ниже подготовки помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, и даже часто имѣть перечь послѣднему преимуществу большей постепенности въ занятіяхъ и большей обезпеченности относительно постоянной наличности работы. Во 2-хъ, вредное вліяніе односторонности, неизбѣжно приобретаемой при занятіяхъ подъ руководствомъ одного постоянного руководителя, должно парализоваться посѣщеніями засѣданій судебныхъ мѣстъ и участіемъ въ работахъ, устраиваемыхъ для помощниковъ юридическихъ конференцій, гдѣ стажеръ будетъ знакомиться съ самыми разнообразными юридическими взглядами, приемами и манерами, въ постановкѣ и защитѣ тѣхъ или другихъ положеній, умѣнье же выражать свои мысли ясно и точно и, по возможности, въ пріятной для слушателей формѣ, приобретается вообще не руководствомъ лично избраннаго или назначеннаго отъ сословія патрона, а упражненіями либо въ конференціяхъ, одина-

ково возможными какъ при той, такъ и при другой формѣ патронажа, либо въ судебныхъ засѣданіяхъ.

Между тѣмъ личный патронажъ имѣетъ передъ сословнымъ одно важное преимущество, особенно цѣнное у насъ, при незначительномъ развитіи въ самыхъ образованныхъ слояхъ сознанія общественной, долга и обязанностей. Личный патронажъ устанавливаетъ прочную и тѣсную связь между патрономъ и помощникомъ: патронъ, побуждаемый личною своею выгодною, а также лежащею на немъ отвѣтственностью, заинтересованъ въ томъ, чтобы помощникъ не тратилъ времени попусту, а занимался дѣлами, онъ обыкновенно зорко слѣдитъ за исполненіемъ даваемыхъ помощнику порученій; помощникъ входитъ въ интересы патрона, сживается съ ними, и привыкаетъ такимъ образомъ относиться не индифферентно къ порученнымъ ему дѣламъ. При неизбежныхъ частыхъ свиданіяхъ, нравственная личность патрона отражается на помощникѣ, и въ большинствѣ случаевъ по помощнику можно судить о патронѣ, и наоборотъ. Съ другой стороны, помощникъ непремѣнно усваиваетъ себѣ, и притомъ въ довольно короткое время, дѣловыя формы, приемы начатія и веденія судебныхъ дѣлъ, порядокъ и характеръ сношеній съ кліентами и противниками, все то, что вырабатывается практикою дѣловой жизни, и не можетъ быть почерпнуто ни изъ книгъ, ни изъ лекцій. Ничего подобнаго не будетъ при патронажѣ сословномъ. Можно смѣло сказать, что патроны, назначенные отъ сословія, будутъ за рѣдкими исключеніями сперва уклоняться отъ исполненія связанныхъ съ этимъ званіемъ трудныхъ и отвѣтственныхъ функцій, а затѣмъ, — при невозможности уклоненія, — будутъ заниматься со своими стажіерами весьма неохотно и небрежно. Да, и въ самомъ дѣлѣ, нужно поставить себя на мѣсто такого руководителя, къ которому приписано 15—20 совершенно незнакомыхъ ему молодыхъ людей. Вѣдь, если посвятить каждому изъ нихъ только $\frac{1}{4}$ часа въ недѣлю, то это составитъ уже около 5 часовъ, а столько свободнаго времени найдется не у всякаго, въ особенности опытнаго адвоката, а что же можно сдѣлать въ теченіе $\frac{1}{4}$ часа въ недѣлю? Притомъ, въ чемъ можетъ состоять это руководство, для того, чтобы оно могло служить дѣйствительно подготовкою къ исполненію обязанностей присяжнаго повѣреннаго? Само собою разумѣется, что при отсутствіи у стажіера собственныхъ дѣлъ, по которымъ онъ могъ бы просить совѣтовъ и указаній у патрона, руководство послѣдняго можетъ скорѣе всего и лучше всего выражаться въ порученіи помощнику тѣхъ же самыхъ

занятій, которыя имѣютъ обыкновенно помощники у своихъ личныхъ патроновъ, т. е. наведенія по присутственнымъ мѣстамъ всевозможныхъ справокъ, розысканія подходящихъ къ встрѣчающимся случаямъ законовъ и кассационныхъ рѣшеній, составленіе состязательныхъ и другихъ бумагъ, подачи ихъ въ подлежащія учрежденія, полученія и представленія документовъ и т. п. Словомъ, въ лучшихъ случаяхъ сословный патронатъ будетъ превращаться въ личный; но такъ какъ у каждаго сословнаго патрона не хватитъ дѣлъ для всѣхъ, навязанныхъ ему для руководства, стажировъ, то для тѣхъ изъ ихъ числа, которые останутся безъ личныхъ со стороны патрона порученій, патронатъ обратится въ фикцію.

Нельзя упускать изъ виду и то, что личный патронатъ, хотя онъ еще не поставленъ на надлежащую ногу, существуетъ у насъ уже почти 33 года и за это время далъ не малое число весьма достойныхъ и даже талантливыхъ адвокатовъ, прошедшихъ стажъ исключительно въ видѣ помощничества; между тѣмъ какъ патронатъ сословный, при нашей формѣ организаціи адвокатуры, не только защищающей дѣла на судѣ, но и подготовляющей и направляющей дѣла гражданскія до судебнаго ихъ разсмотрѣнія, нигдѣ еще испытанъ не былъ. Бельгія примѣромъ намъ служить не можетъ, потому что тамъ главное призваніе адвоката состоитъ въ томъ, чтобы дать надлежащее освѣщеніе дѣлу, предварительно не имъ разработанному, и подѣйствовать на убѣжденіе судей силою своихъ словесныхъ доводовъ, у насъ же отъ искуснаго и опытнаго адвоката требуется въ дѣлахъ гражданскихъ правильно поставить и направить дѣло и обставить его надлежащими доказательствами. При такомъ разлічїи въ адвокатскихъ функціяхъ въ Бельгіи и у насъ, ясно, что недостаточная умѣлость или опытность адвоката въ Бельгіи принесетъ гораздо менѣ вреда, чѣмъ у насъ. О Франціи же и говорить нечего не только что по указанной выше причинѣ, но еще и потому что тамъ организація стажа почти вовсе отсутствуетъ и во всякомъ случаѣ не представляетъ ничего, заслуживающаго перенесенія на нашу почву.

Отсутствие опыта въ примѣненїи сословнаго патроната побудило большинство комиссіи отказаться отъ созданія организаціи кандидатовъ въ присяжные повѣренные и предпочесть предоставить это дѣло усмотрѣнію подлежащихъ совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ подъ контролемъ мѣстныхъ судебныхъ палатъ. Но, видя вредъ, происходившій въ теченіе 30-ти слишкомъ лѣтъ для помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ отъ того, что составители судебныхъ

уставовъ, упомянувъ о нихъ мимоходомъ, не дали имъ никакой организаціи, полагаю, что не слѣдуетъ повторять той же ошибки теперь, когда мы располагаемъ достаточнымъ матеріаломъ для урегулированія ихъ положенія въ точномъ, единообразномъ для всѣхъ законѣ. Иначе, вслѣдствіе ли инертности совѣтовъ, вслѣдствіе ли своеобразности взглядовъ судебныхъ палатъ, вслѣдствіе ли, наконецъ, возможныхъ конфликтовъ между совѣтами и палатами, дѣло устройства помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ можетъ тормозиться неопредѣленное время. Притомъ въ разныхъ мѣстахъ могутъ установиться различныя системы подготовки помощниковъ, между собою несогласованныя, что можетъ создать весьма немало важныхъ затрудненія въ исчисленіи стажа при переходѣ помощника изъ одного судебного округа въ другой.

По изложеннымъ соображеніямъ я полагалъ бы оставить проектированныя Высочайше учрежденною комиссіею правила о помощникахъ присяжныхъ повѣренныхъ безъ измѣненій, съ однимъ лишь добавленіемъ въ статьѣ 100-й, для предупрежденія возможныхъ недоразумѣній, что совѣту присяжныхъ повѣренныхъ принадлежитъ право устанавливать обязательныя для помощниковъ правила практической ихъ подготовки. Поэтому я предлагаю изложить эту статью слѣдующимъ образомъ.

100. Надзоръ за помощниками присяжныхъ повѣренныхъ, установленіе обязательныхъ для нихъ правилъ ихъ практической подготовки и дисциплинарная надъ ними власть принадлежитъ совѣту присяжныхъ повѣренныхъ и судебнымъ установленіямъ, согласно правиламъ, въ статьяхъ 27—49, 52 и 53 сего учрежденія указанныхъ.

Присяжный Повѣренный *Ц. Макалинскій.*

Протоколъ засѣданія отдѣленія обычнаго права 25 ноября 1898 года.

При открытіи засѣданія, въ 8¹/₂ часовъ веч. председательствовавшій А. А. Башмаковъ ознакомилъ присутствующихъ съ положеніемъ дѣла по собиранію и разработкѣ юридическихъ обычаевъ (болѣе подробное сообщеніе предполагалъ сдѣлать председательствующій А. Х. Гольмстенъ, но по болѣзни Адольфа Христіановича сообщеніе не состоялось).

Въ своей рѣчи А. А. Башмаковъ прежде всего сообщилъ, въ какомъ состояніи находится дѣло здѣсь въ Петербургѣ.

Какъ извѣстно, комитетомъ отдѣленія предположено было приступить къ изученію обычнаго права путемъ выборки рѣшеній изъ книгъ волостныхъ судовъ, при чемъ на первыхъ порахъ вниманіе комитета привлекла Ярославская губ. Г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ угодно было выразить свое сочувствіе начинаніямъ отдѣленія. Земскимъ отдѣломъ предоставлены въ распоряженіе комитета волостныя книги указанной губерніи, и пересылка книгъ отдѣльныхъ уѣздовъ имѣетъ происходить въ томъ порядкѣ, какой намѣченъ будетъ комитетомъ. Нынѣ уже присланы книги изъ Углицкаго уѣзда, которыя и служатъ предметомъ разборки со стороны студентовъ петербургскаго университета и молодыхъ магистрантовъ, горячо откликнувшихся на призывъ А. Х. Гольмстена принять посильное участіе въ новомъ дѣлѣ. Занятія происходятъ въ кабинетѣ уголовного права, состоящемъ при университетѣ, поочередно—группами въ составѣ 8—10 студентовъ подъ руководствомъ магистранта. Такихъ группъ 8. Пока происходятъ лишь подготовительныя работы—прочтеніе и сортировка всѣхъ рѣшеній безъ изыятія, причемъ попутно наносятся на карточки нѣкоторые пред-

варительные тезисы; надъ дѣломъ, гдѣ не содержится юридическаго обычая, ставится крестъ. Открывается и другой подѣлъ—извлеченія тезисовъ, для чего потребуется увеличить число сотрудниковъ.

Обращаясь далѣе къ провинціи, А. А. Башмаковъ отмѣтилъ, что новое отдѣленіе обычнаго права вызвало, въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ Россіи, живыя чувства симпатіи и уваженія къ предпринятой работѣ. Этому нельзя не радоваться, такъ какъ задача отдѣленія настолько велика, что только при содѣйствіи провинціальныхъ силъ возможно ея полное осуществленіе. Въ Харьковской губерніи явился сборникъ по мѣстному обычному праву, составленный по инициативѣ Н. С. Илларионова, уѣзднаго члена харьковского окружнаго суда. Г. Илларионовъ сдѣлалъ попытку добраться до тайниковъ народнаго творчества при помощи матеріаловъ, собранныхъ чрезъ посредство волостныхъ писарей и другихъ должностныхъ лицъ, близко стоявшихъ къ народной средѣ. Есть на виду нѣсколько губернскихъ центровъ, отъ которыхъ можно ожидать многого. Въ Курскѣ возродилось юридическое общество, благодаря трудамъ такихъ заслуженныхъ дѣятелей, какъ А. А. Леонтьевъ и И. М. Тютрюмовъ. Возникли кружки юристовъ въ Екатеринославѣ, Казани. Поговариваютъ и въ Нижнемъ-Новгородѣ объ основаніи спеціального общества изъ лицъ, интересующихся народнымъ правомъ. Предвидится дѣятельная поддержка Ярославля, гдѣ работаетъ патріархъ обычныхъ—Е. И. Якушкинъ и молодой проф. Никоновъ. Присяжный повѣренный Шифферлингъ, непремѣнный членъ Рязанской губернской архивной комиссіи, сообщилъ, что въ рукахъ комиссіи есть много старинныхъ волостныхъ книгъ, которыя могутъ дать крайне любопытный матеріалъ для изученія. Можно, наконецъ, ожидать возникновенія новаго центра—въ Минскѣ, насчитывающемъ въ своей средѣ такихъ знатоковъ, какъ г. Исаченко, товарища предсѣдателя мѣстнаго окружнаго суда, и присяжнаго повѣреннаго Мейчика, издавашаго сборникъ обычнаго права бѣлорускаго племени.

Интересъ къ дѣлу, предпринятому отдѣленіемъ, проникъ и въ далекую Сибирь, въ чемъ пришлось А. А. Башмакову непосредственно убѣдиться минувшимъ лѣтомъ во время своей поѣздки на Алтай.

Затѣмъ собраніе приступило къ выборамъ. Согласно представленію комитета отдѣленія, избраны были членами-сотрудниками слѣдующія лица: Илларионовъ Н. С., Кондратовичъ М. Г., Затвор-

нидкій Я. М., Куплеваскій Н. О., Пивоваровъ Г. Ф., Коновъ Н. П., Рощупкинъ А. П., Федоренко А. И., Сухаревскій А. Н., Пестриченко Е. П., Зеленскій К. М., Добровольскій Е. А., Енгасъ-Кронъ В. В., Самуильсонъ Л. А., Шидловскій А. Д., Пантелѣевъ А. В., Мартыновъ В. А., Добросельскій П. Н., Богуславскій П. Р., Левшинъ С. Д., Цетреусъ В. В., Демьяненко П. А., Павловъ Н. П., Кн. Волконскій, Незнамовъ П. А., Гурьевъ А. Д., Литаревъ С. Н., Илларионовъ А. С., Познанскій Н. П., Щавинскій Ю. Б., Московъ Е. А., Раппъ Е. П., Кудрявцевъ М. Б., Куликовъ Б. П., Ильинъ С. Д., Назаревъ С. К., Балясинъ Д. Я., Чеботаревъ И. Г., Петровскій Н. В., Немировскій Н. Д., Далгатъ Б. К., Кудрявцевъ С. А., Коргановъ И. І., г. Тутуринъ, Савельевъ А. А. и Шифферлинъ В. А.

Послѣ выборовъ собраніе приступило къ слушанію доклада Н. С. Илларионова „Къ вопросу о разработкѣ обычнаго права“ (докладъ напечатанъ въ I книгѣ Вѣстника Права).

Положенія доклада:

1. Многомилліонное крестьянское населеніе въ сферѣ частныхъ гражданскихъ отношеній руководствуется не писанными законами, а искони сложившимися нормами обычнаго права.

2. Законы Имперіи признають за юридическими обычаями силу дѣйствующихъ юридическихъ нормъ, замѣняющихъ писанные законы.

3. X томъ св. зак. гражд., по особенностямъ проведенныхъ въ немъ началъ, не отвѣчаетъ бытовымъ условіямъ народной жизни и примѣнять его къ правоотношеніямъ народной жизни нельзя безъ нарушенія справедливости и хозяйственныхъ интересовъ.

4. Уѣздные съѣзды при разрѣшеніи тяжбъ и споровъ между крестьянами, вытекающихъ изъ общиннаго устройства крестьянскаго населенія и общей семейной собственности, должны примѣнять обычное право безъ ссылки сторонъ, и въ случаѣ незнакомства судей съ мѣстнымъ обычаемъ, поручать одному изъ членовъ установить таковой на сельскомъ сходѣ, или путемъ выписокъ изъ рѣшеній волостныхъ судовъ и приговоровъ сельскихъ сходовъ, а также изъ книгъ для записокъ договоровъ и сдѣлокъ.

5. Обычныя нормы, установленныя указаннымъ выше порядкомъ и примѣняемыя при разрѣшеніи дѣлъ, должны быть вносимы въ особые сборники.

6. Для обезпеченія правильнаго отправленія правосудія среди крестьянскаго населенія и для болѣе успѣшной научной разра-

ботки обычного права, университеты должны пополнить программу юридического факультета введеніемъ въ кругъ юридическихъ наукъ русскаго обычного права.

7. Изученіе и кодификація обычного права, составляя дѣло большой государственной важности, требуетъ непосредственнаго участія правительства, какъ въ организаціи работы, такъ и въ обезпеченіи ея успѣшности денежными средствами и обязательнымъ содѣйствіемъ мѣстныхъ органовъ суда и администраціи.

При обсужденіи доклада, *Л. Г. Петражицкій*, выражая свое сочувствіе работамъ по собиранію обычного права, какъ дѣлу весьма цѣнному и полезному съ точки зрѣнія законодательства и науки, находилъ, что дѣло это можетъ быть дискредитировано излишними требованіями. Нельзя говорить о созданіи каѳедры обычного права, ибо не имѣется еще такой науки, которую можно было бы преподавать съ этой каѳедры: есть только сырой, необработанный матеріалъ, неспособный даже составить особаго раздѣла въ наукѣ гражданского права.

Переходя далѣе къ вопросу о кодификаціи обычного права, оппонентъ не соглашался съ тѣмъ, что будто наука годными матеріалами для кодификаціи считаетъ одни лишь писанные законы. Въ дѣйствительности, наука этого взгляда не придерживается и признаетъ полную равноправность закона и обычного права. Оппоненту кажутся опасными преувеличенныя симпатіи къ обычному праву, взгляды на это право, какъ на нѣчто священное. Задача государства—умиротворяющая: оно должно относиться къ обычному праву объективно, слѣдить за нимъ, ограничивать его въ тѣхъ случаяхъ, когда народное правосознаніе не соотвѣтствуетъ требованіямъ нашей соціально-экономической жизни или современнымъ культурно-этическимъ воззрѣніямъ. Государство не можетъ давать свободнаго хода такимъ обычаямъ, которые наразумны, несправедливы или отдають слабаго въ руки сильныхъ.

Не говоря уже объ инородцахъ, сами крестьяне вслѣдствіе разныхъ условій, по своему развитію стоятъ на уровнѣ далеко невысокомъ (сѣченіе розгами, суровое отношеніе къ женщинамъ, смѣшеніе понятій обязательственнаго права, носящаго нерѣдко уголовный характеръ и т. п.).

Г. Б. Слюзбергъ, примыкая къ мнѣнію перваго оппонента, развивалъ ту мысль, что задача изученія обычного права состоитъ не въ его закрѣпленіи и нормировкѣ, а въ стремленіи къ возможной его отмѣнѣ. Нынѣшнее положеніе вещей, когда одни классы

пользуются въ своей правовой жизни нормами писаннаго права, а другіе—и при томъ подавляющая часть населенія—нормами иного порядка, менѣе совершенными, не нормально, петершимо. Если при изданіи положенія 19-го Февраля 1861 года нельзя было измѣнить правовую жизнь народа, и предоставлено сельскому населенію руководствоваться обычаями, создавъ такъ сказать особый *interim*, то теперь съ измѣненіемъ условій общественной и экономической жизни, быть можетъ, пора положить конецъ этому переходному состоянію. Съ этой точки зрѣнія изслѣдованія по обычному праву могутъ оказать великую услугу; они укажутъ, не наступило ли уже время отказаться отъ Положенія, эмансипироваться отъ него. Переходя къ отдѣльнымъ тезисамъ доклада, Г. Б. Слюзбергъ находилъ не возможнымъ согласиться съ предложеніемъ автора—примѣнять въ судѣ обычное право безъ ссылки сторонъ. Это невозможно прежде всего практически. Какимъ образомъ судья будетъ освѣдомленъ о существованіи обычая? Необходимый для того долготѣнный опытъ имѣется у весьма не многихъ судебныхъ дѣятелей. Придется, слѣдовательно, прибѣгнуть къ своеобразной мѣрѣ—къ своего рода плебисциту правовыхъ нормъ, „по поводу обстоятельствъ дѣла“. Затѣмъ и въ принципѣ предложеніе автора не можетъ быть одобрено. Принять рекомендуемую мѣру значило бы учинить насиліе надъ сторонами, создать недопустимую опеку въ области гражданско-правовыхъ отношеній. Примѣненіе обычаевъ можетъ быть допустимо лишь тогда, когда стороны сами того пожелаютъ, когда онѣ желаютъ нормировать свои взаимныя отношенія особымъ, отличающимся отъ обще гражданскихъ законовъ, путемъ, что дозволяется въ виду диспозитивнаго характера этихъ законовъ. Въ этомъ отношеніи существуетъ полная аналогія между обычаями крестьянскаго населенія и тѣми, которые выработались въ торговомъ быту (напр., биржевыя слѣлки).

Н. П. Дружининъ, обративъ прежде всего вниманіе на дѣлаемое референтомъ утвержденіе о существованіи особой опредѣленной системы русскаго обычнаго права, выразилъ сожалѣніе, что въ докладѣ это утвержденіе не достаточно обосновано. Это признается далеко не всѣми. Самъ докладчикъ говоритъ о земскихъ начальникахъ, которые оказались незнающими народныхъ юридическихъ обычаевъ, хотя и жили среди крестьянъ и постоянно сталкивались съ ихъ дѣлами. Дѣлая это утвержденіе, референтъ, въ то же время, совсѣмъ не говоритъ о необходимости претворенія обычая въ законъ, если обычай представляетъ извѣстную степень

совершенства. Но нельзя говорить объ обычаяхъ и не имѣть этого въ виду. Вопросъ объ обычаяхъ не есть вопросъ академическій, но живой. Н. П. Дружининъ искренно привѣтствуетъ благое начинаніе отдѣленія, общающее намъ точное, компетентное—въ виду организациі работъ—выясненіе народныхъ юридическихъ обычаевъ, и выражаетъ свое большое удовольствіе по поводу того горячаго пріема, который дѣло Отдѣленія встрѣтило, можно сказать, какъ видно изъ доклада г. предсѣдательствующаго, во всѣхъ концахъ Россіи. Но онъ думаетъ, что это сочувствіе задачамъ отдѣленія опредѣляется въ значительной степени именно надеждой, что отнынѣ обычаи, изслѣдованныя и оцѣненные, легче перейдутъ въ слѣдующую общую, опредѣленную, болѣе обезпеченную въ отношеніи примѣненія, форму права,—законъ, въ тѣхъ своихъ положеніяхъ и правилахъ, которыя того достойны. Говорить о способахъ и путяхъ претворенія совершенныхъ обычаевъ въ законъ нужно тѣмъ болѣе, по словамъ Н. П. Дружинина, что это не было до сихъ поръ обезпечено неписанному праву крестьянъ—первымъ простѣйшимъ необходимымъ путемъ. Обычаи могли дѣйствовать на весьма немногія отношенія среди государственныхъ крестьянъ, когда они управлялись по законодательству 1838—1839 г.г. Но порядка удостовѣренія обычаевъ тогда при примѣненіи установлено не было. Въ моментъ весьма важный въ исторіи русскаго обычнаго права, 19 февраля 1861 г., обычаи призваны были дѣйствовать, какъ юридическія нормы, на значительно большее число отношеній освобожденнаго крестьянина. Но и тутъ не принято было никакихъ мѣръ удостовѣренія обычаевъ, необходимаго для того, чтобы видно было, что власти, постановляя свои приговоры и рѣшенія, по обычаю, имѣютъ въ виду, въ видѣ обычаевъ, дѣйствительно существующія объективныя основанія, а не примѣняютъ простой произволь. Выяснить обычаи положительныя и только подъ извѣстными условіями допускать ихъ примѣненіе—необходимо было и потому, что далеко не всѣ обычаи могли быть признаны въ значеніи юридическихъ; 19 февраля 1861 года сохранены были и призывались къ полной юридической жизни обычаи, создавшіеся при существованіи крѣпостной зависимости. Подобныя же обычаи нельзя было принимать безъ разбора и оцѣнки. Они могли сильно умалять личность и освобожденнаго крестьянина. Между тѣмъ, личность эта самимъ законодательствомъ 19 февраля 1861 г. не награждена всѣми правами, необходимыми для нея, какъ таковой. Освобожденный крестьянинъ, обязанный при-

нять за гесьма высокій платежъ помѣщичью землю, вступилъ лишь въ переходное состояніе,—и въ этомъ состояніи пребываетъ до сихъ поръ. На всю сумму правъ его личности до сихъ поръ воздѣйствуетъ сильнѣйшимъ образомъ строй нынѣшняго финансоваго и полицейскаго законодательства. Онъ не имѣетъ права передвиженія, потому что сначала дворъ, а затѣмъ сельское общество отвѣчаютъ по круговой порука въ платежахъ. По тому же самому, онъ ограниченъ въ правахъ собственности. Въмѣсто собственности личной, частной, въ крестьянской средѣ, подъ вліяніемъ пережитаго состоянія неволи и нынѣшнихъ финансовыхъ порядковъ, наблюдается общинная и семейная собственность. Словомъ, личность крестьянина значительно умалена. Примѣненіе общаго гражданскаго права къ крестьянамъ можетъ иногда, какъ указываетъ референтъ въ 3 тезисѣ, сопровождаться нарушеніемъ справедливости,—но только потому, что существуетъ коренная и большая несправедливость, ограничивающая крестьянина въ необходимыхъ правахъ и создающая ему совершенно исключительное состояніе полу-свободы.

Если бы крестьянинъ обладалъ всѣми необходимыми правами личности, то не было бы никакой несправедливости въ распространеніи на него не только русскаго, исторически развившагося и воспринимавшаго начала обычнаго гражданскаго права, законодательства, но и болѣе совершеннаго, хотя и чуждаго, гражданскаго законодательства, въ видѣ напримѣръ *code civil des français*. Въ заключеніе Н. П. Дружининъ высказался вновь за широкое изслѣдованіе и изученіе народныхъ юридическихъ обычаевъ—именно въ тѣхъ видахъ и съ тою цѣлью, чтобы это могло повести къ созданію законодательства болѣе совершеннаго и общаго для всѣхъ. Присоединяясь же къ послѣднему тезису референта, онъ находитъ, что это дѣло входитъ непосредственно въ ближайшія задачи государства. Какъ союзъ юридической, государство обязано, во-первыхъ, выяснять всѣ дѣйствующія въ немъ нормы права, и во-вторыхъ, нормамъ совершеннымъ обеспечивать неуклонное исполненіе.

М. М. Боровитиновъ указалъ, что обычай всюду, исключая Англій, вытѣсняется закономъ. Изученіе обычая поэтому должно имѣть своей задачей—выясненіе того, наступило ли время для замѣны данной народно-правовой нормы писаннымъ закономъ.

А. С. Зарудный, присоединяясь всецѣло къ мнѣнію Л. І. Петражицкаго о цѣляхъ и задачахъ теоретической разборки обычнаго

права, отмѣтилъ, что составленіе сборника обычаевъ окажетъ громадную услугу, такъ какъ они въ дѣйствительной жизни весьма распространены.

По мнѣнію *А. А. Богданова*, тезисы доклада нынѣ являются лишь *ria desideria*. Это—положенія будущаго. Заслуга выслушаннаго доклада состоитъ въ томъ, что онъ какъ бы предрѣшаетъ тѣ выводы, къ которымъ придутъ будущіе собиратели обычаевъ.

Г. И. Карницкій находилъ, что Отдѣленію, вслѣдъ за кодификаціей, слѣдовало бы заняться критической оцѣнкой собраннаго матеріала, чтобы выдѣлить тѣ вредные обычаи, которые не могутъ быть признаваемы правовой нормой (напр. обычай, лишающій дѣтей наслѣдства).

Гость, *Г. Крыловъ*, оспаривалъ мнѣніе Дружинина, что будто въ дореформенное время обычай не могъ свободно развиваться вслѣдствіе вмѣшательства помѣщичьей власти во внутренній бытъ крѣпостнаго населенія. Далѣе *Г. Крыловъ* находилъ невозможнымъ составить сборникъ обычаевъ въ виду крайняго разнообразія послѣднихъ: нѣтъ двухъ селеній, которыя имѣли бы одинъ обычай. Если юристы ознакомятся съ тѣмъ безконечнымъ богатствомъ вариантовъ, которыя представляютъ данный обычай, то они увидятъ, что рано еще приравливать обычай къ жизни.

А. А. Башмаковъ высказалъ слѣдующее:

„Передъ тѣмъ, какъ мы попросимъ нашего гостя представить свои возраженія гг. оппонентамъ, позвольте мнѣ, господа, высказать, по тому же поводу, нѣсколько мыслей.

Первый оппонентъ *Л. Г. Петражицкій* проводитъ, въ своей рѣчи, ту мысль, что законодатель долженъ относиться по предвзятымъ идеямъ социально-экономической цѣлесообразности къ своей творческой задачѣ, и что обычное право имѣетъ для него лишь второстепенное значеніе матеріала, въ перекройкѣ котораго, по намѣченному имъ плану, онъ отнюдь не можетъ стѣсняться. Въ дополненіе къ этому взгляду *Г. И. Карницкій* указалъ на существованіе вредныхъ обычаевъ, которые должны быть тщательно выдѣлены, при кодификаціи, съ цѣлью ихъ искорененія. Я раздѣляю взглядъ *Иосифа Ивановича* въ томъ отношеніи, что не отрицаю существованія такихъ обычаевъ, къ которымъ законодатель не можетъ и не долженъ относиться снисходительно. Такъ, мы узнаемъ, отъ времени до времени, изъ газетъ, что совершаются то тутъ, то тамъ, въ народной массѣ, сдѣлки о продажѣ жены по письменному акту. Это уже не обычай, но юридическій обликъ

этих дѣйствій наводитъ на мысль о переживаніи какого-то остатка древняго правового явленія, искорененнаго христіанствомъ. У чукчей, какъ мы узнаемъ изъ разсказовъ путешественниковъ, престарѣлые родители считаются въ правѣ обращаться къ дѣтямъ съ горькимъ упрекомъ: „какъ это, даете намъ доживать до такой удручающей дряхлости, и не устраиваете намъ почетной смерти, по обычаю, при торжественной обстановкѣ!?“

Въ отношеніи такого рода обычаевъ едва-ли можетъ быть разномысліе о томъ, каково должно быть поведеніе законодателя.

Но Левъ Іосифовичъ идетъ далѣе. Онъ не придаетъ, насколько я его понялъ, особаго значенія, тѣмъ велѣніямъ народнаго правового генія, который живъ въ немъ въ силу пережитой имъ тысячелѣтней исторіи и безъ внушеній коего ни одно твореніе законодателя не можетъ быть плодотворно. Искоренять безусловно вредные и безнравственные обычаи законодатель имѣетъ право; онъ обязанъ это дѣлать; но мы, высшій классъ, считающійся просвѣщеннымъ, и въ то же время столь сильно расходящійся съ народомъ въ нашихъ взглядахъ и потребностяхъ, должны бережно относиться къ народнымъ понятіямъ справедливости и права, не должны ему навязывать то, что для него дико, и что въ его глазахъ несправедливо.

Второй оппонентъ, *Г. В. Слюзбергъ* сдѣлалъ попытку полнаго уравниенія общенародныхъ обычаевъ, съ такъ называемыми, „торговыми обычаями“, которые онъ справедливо опредѣлилъ, какъ „*матеріалъ*, даннымъ закономъ не воспрещенный, служащій для *фактическаго* истолкованія воли сторонъ“. Сообразно сему, Генрихъ Борисовичъ полагаетъ, что, какъ въ торговыхъ дѣлахъ, ссылка на обычай, установленіе его экспертами и примѣненіе его сторонами всецѣло зависятъ и *должны* зависѣть отъ ссылки сторонъ такъ и въ отношеніи народныхъ обычаевъ, безъ ссылки сторонъ, обычай не долженъ, будто, имѣть примѣненіе, и существованіе обычая, относясь къ фактическимъ обстоятельствамъ дѣла, не можетъ играть роли регулирующаго права, знаніе коего въ судьяхъ предполагается, согласно поговоркѣ „*jura novit curia*“.

Такъ-ли это? Въ пользу этого мнѣнія какъ будто говоритъ 130 ст. уст. гр. суд., гдѣ сказано, что обычай примѣняется „по ссылкѣ сторонъ“. Но кто же не знаетъ, какую призрачную роль играетъ въ мировой практикѣ эта статья, обрубленный остатокъ нѣкогда болѣе полно выраженной мысли Н. В. Калачева, которому не удалось провести полностью свои взгляды въ законѣ.

Я полагаю, напротивъ, что всякая попытка законодателя къ тому, чтобы оградить обычай отъ неумѣлой замѣны его неприспособленными, къ народнымъ воззрѣніямъ, законами—*только* тогда и оправдывается, когда законодатель смотритъ на обычай, какъ на *юридическій*, нормирующій элементъ, какъ на *обязательное право*, а не на фактическій балластъ, воспринятый въ едѣлку волею сторонъ. Таковъ былъ, очевидно, свѣтлый взглядъ законодателя 19 февраля 1861 года. Сюда примѣнима аналогія извѣстнаго спора изъ области частнаго международнаго права: судъ, примѣняющій иностранную норму, можетъ ли и долженъ ли примѣнять ее только по ссылкѣ стороны или же отъ себя—*„ex officio“*. Въ пользу послѣдняго мнѣнія вполне основательно стоитъ извѣстный и новѣйшій авторитетъ Asser, и мы не можемъ не отмѣтить той страницы вполне убѣдительныхъ доводовъ, которую онъ посвятилъ этому вопросу.

Не могу я согласиться и съ третьимъ оппонентомъ *Н. П. Дружининымъ*, когда онъ утверждаетъ, что обычай „приванъ къ жизни въ 1861 году“ и полагаетъ, что крѣпостное право устраняло всякую возможность существованія обычая, развѣ только у государственныхъ крестьянъ.

Актъ 19 февраля не могъ бы сразу „привать къ жизни“, выжившійся съ тѣхъ поръ въ десяткахъ милліоновъ судебныхъ рѣшеній, народный обычай, если бы онъ не существовалъ ископи вѣковъ, свидѣтелями чего служатъ черты его сходства съ такими же обычаями другихъ славянскихъ племенъ, съ средневѣковыми правовыми воззрѣніями у германцевъ и даже въ древнее время у разныхъ народовъ средиземной культуры. Намъ довелось слышать, что въ одной изъ губернскихъ архивныхъ комиссій есть книги рѣшеній крестьянскихъ судовъ, относящіяся къ прошлому вѣку. Крѣпостное право не имѣло значенія безусловно препятствующее развитію обычая; оно могло имѣть это значеніе въ тѣхъ рѣдкихъ, при судебныхъ спорахъ, случаяхъ, когда личный интересъ помѣщика вступалъ въ коллизію съ интересомъ крестьянина. Когда же былъ споръ между крестьянами, помѣщикъ не интересовался его исходомъ и предоставлялъ тяжущимся вѣдаться (какъ справедливо указалъ послѣдній оппонентъ г. Крыловъ)—*„на судѣ сельскихъ стариковъ“*.

Наконецъ, не могу не коснуться, по поводу рѣчи *Г. И. Карникова*, существеннаго вопроса о томъ, предстоитъ ли намъ сорти-

ровать обычаи вредные и полезные для возможной, въ будущее время, *кодификации* народныхъ обычаевъ.

Предположимъ, что пройдутъ годы, и передъ нами, съ Божьей помощью, наконецъ, ляжетъ на столъ объемистый томъ: „Обычное право Россіи“. Допустимъ, что удастся *существующій* обычай изложить въ видѣ ясныхъ тезисовъ, укладывающихся въ систему, словомъ, на подобіе уложенія. Полагаю, что этимъ наша задача, вѣроятно, кончится.

Издавая такой *сводъ существующаго*, мы не станемъ утверждать, что его положенія хороши или скверны; мы будемъ лишь отвѣтствовать за то, что *таковы именно правовыя воззрѣнія русскаго народа*—и больше ничего. Затѣмъ уже, для законодателя можетъ наступить задача *кодификации*. Если эта задача когда нибудь возникнетъ, законодательные органы уже будутъ задаваться сортировкой годнаго и негоднаго, съ точки зрѣнія законодательной политики. Я позволю себѣ высказать по этому поводу надежду, что къ тому времени эти заботы, оцѣненныя уже въ должной степени, успѣютъ перейти изъ нашихъ рукъ на попеченіе правительства. Къ тому же мнѣ думается, что окончательная сортировка добра и зла, для цѣлей кодификаціи, несомнѣнно должна выяснить, что въ народныхъ воззрѣніяхъ найдется свѣтлаго элемента гораздо болѣе, нежели тлетворнаго и что народная мудрость стоитъ гораздо выше, нежели это обыкновенно думаютъ“.

Остаивая положенія своего доклада, Н. С. Илларионовъ оставилъ прежде всего на тѣхъ замѣчаніяхъ, которыя были сдѣланы по вопросу о кодификаціи обычаевъ. По мнѣнію докладчика, народное право проникнуто, въ общемъ, высокимъ началомъ гуманности (отношеніе къ незаконнорожденнымъ), основано на трудовомъ принципѣ. Когда докладчикъ приступилъ къ собиранію обычаевъ, онъ къ нимъ не относился съ особеннымъ довѣріемъ, но позже ему пришлось согласиться съ покойнымъ И. Г. Оршанскимъ, что обычное право ближе къ европейской наукѣ, нежели X томъ.

Поражаетъ наблюдателя простота и безыскусственность судебныхъ порядковъ, выработанныхъ народной жизнью. Народъ представляетъ, въ массовомъ своемъ творчествѣ, крупный разумъ. Конечно, выясненіе того, что именно нужно взять изъ обычнаго права при будущей кодификаціи, дѣло трудное; но передъ этимъ остановиться нельзя. Теперь вопросъ сводится къ тому, чтобы не нарушать народной правды, какъ она выразилась въ обычай.

Докладчикъ не соглашается далѣе съ тѣмъ, что будто обычай

претерпѣлъ вліяніе крѣпостного права. Если-бы оспариваемое мнѣніе было правильно, то невозможно было бы объяснить несомнѣнной общности институтовъ обычнаго права русскаго народа съ одной стороны и другихъ славянскихъ народовъ. Возражая далѣе своимъ оппонентамъ, докладчикъ замѣтилъ: говорить, что трудно читать обычное право. Но вѣдь молодежь приходитъ судить; не можетъ же судья не быть знакомымъ съ тѣми правоотношеніями, которыя онъ призванъ регулировать. Неправильно и то мнѣніе, что будто нельзя примѣнять обычнаго права безъ ссылки сторонъ. Народъ говоритъ: судите по закону, по справедливости.

Выразивъ докладчику глубокую благодарность отъ имени присутствующихъ, председательствующій объявилъ въ 12 ч. веч. засѣданіе закрытымъ.

Протоколъ административнаго отдѣленія юридическаго общества 28 ноября 1898 г.

Засѣданіе открыто въ 8^{1/2} часовъ вечера подъ предѣдательствомъ И. А. Ивановскаго.

Дѣйствительнымъ членомъ Л. І. Петражицкимъ прочитанъ былъ докладъ „Что такое право“.

Положенія доклада:

1. Матеріаль для познанія существа права дается психологическимъ самонаблюденіемъ.

2. Существенный и отличительный признакъ права состоитъ въ атрибутивномъ его характерѣ (правоотношеніе *obligatio unius alli attributa*).

3. Атрибутивный характеръ правовыхъ психическихъ актовъ объясняетъ прочія характерныя черты права:

- a) стремленіе къ принудительному осуществленію и мести;
- b) стремленіе права къ обычной или законодательной нормировкѣ;
- c) значеніе суда въ области права;
- d) распределительное и организаціонное значеніе права;
- e) а также и то явленіе, почему „юристы до сихъ поръ ищутъ опредѣленія для своего понятія права“ (Кантъ).

Въ обсужденіи доклада приняли участіе С. К. Гогель, А. А. Башмаковъ, Г. Б. Слѣзбергъ, М. М. Боровитиновъ, М. В. Гессенъ и В. Д. Шидловскій.

Сущность главнѣйшихъ возраженій сводится къ слѣдующему:

С. К. Гогель находилъ, что въ докладѣ не содержится опредѣленія права. Авторъ далѣе пошелъ по ложному пути, по пути субъективизма, упустивъ изъ вида социальный характеръ правовыхъ явлені-

ній, ихъ объективную сторону. Между тѣмъ послѣднее важнѣе перваго. Право не есть установленіе одной личности, оно общественный продуктъ произведенія культуры, оно регулируетъ отношенія между индивидами. Разсматривать право съ точки зрѣнія субъективной, разсматривать, что я собою представляю внѣ времени и пространства—научно невѣрно. Это въ особенности примѣнимо по отношенію къ уголовному праву. Въ силу такой общественно-соціальной природы права, Тардъ назвалъ преступника выродкомъ, выродкомъ не въ смыслѣ уголовно-антропологической школы, а въ томъ смыслѣ, что преступникъ является лицомъ, уклоняющимся отъ подчиненія установленнымъ порядкомъ. С. К. Гогель далѣе полагалъ, что атрибутивная функція, составляющая по докладу отличительную черту правовыхъ нормъ, содержится и въ морали: есть не мало обязанностей нравственнаго свойства, предполагающихъ соотношеніе двухъ сторонъ. Выйдя изъ внѣшняго признака, авторъ по словамъ оппонента лишилъ право содержания, далъ слишкомъ широкія рамки предмету, не отличая морали отъ права: есть много моральныхъ обязанностей съ моментомъ атрибутивности.

Л. І. Петражицкій замѣтилъ, что въ докладѣ дано опредѣленіе права. Это—нормы атрибутивные, налагающія на данное лицо опредѣленную обязанность. Защищаясь далѣе противъ упрека въ игнорированіи соціально-объективной стороны права, Л. І. Петражицкій сослался на 3-й тезисъ своего доклада, изъ котораго видно, что массовыя явленія общественной жизни поставлены именно въ связи съ этой стороной права. Докладчикъ согласенъ, что право создается не личностью, а культурой, но это положеніе относится къ вопросу о происхожденіи права, котораго докладъ не касается. Остановившаяся далѣе на замѣчаніи, что въ области нравственности встрѣчаются притязанія, докладчикъ указалъ, что подобныя примѣры не могутъ поколебать правильности выставленнаго опредѣленія. Задача послѣдняго классификаціонная, разграничить явленія по различнымъ категоріямъ такъ, чтобы возможно было приступить къ ихъ изученію, какъ объекта известной системы знаній. Единственнае возраженіе противъ классификаціоннаго признака, это то, что онъ не имѣетъ творческой силы, что имъ нельзя объяснить выводы, которые изъ него проистекаютъ. Отдѣльными же примѣрами нельзя побить этотъ признакъ: они могутъ лишь послужить для умноженія правовыхъ нормъ. По содержанію нельзя отличить права отъ морали. Всякая по-

пытка, направленная въ эту сторону, окажется безнадежной. Норма можетъ выступать въ нашемъ сознаниі попеременно, то съ юридическимъ содержаніемъ, то съ нравственнымъ.

А. А. Башмаковъ, соглашаясь съ докладчикомъ, что каждое опредѣленіе должно дать классификаціонное основаніе, находилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что тотъ отличительный признакъ—атрибутивная функція правовой нормы, который положенъ авторомъ въ основаніе своей классификаціи, является неправильнымъ: помимо начала „*sum cuique tribuere*“, существуетъ принципъ „*minime laedere*“ активное начало права, которое и является, по мнѣнію *А. А. Башмакова*, единственнымъ моментомъ присущимъ праву. *А. А. Башмаковъ* далѣе въ своей рѣчи выступилъ противъ стремленія автора дать такого рода опредѣленіе, которое обнимало бы весь кругъ изучаемыхъ явленій. Дѣйствительная жизнь столь богата, что втиснуть все ея разнообразіе въ рамки абстрактныхъ формулъ не возможно, и всякаго рода попытки въ подобномъ направленіи окажутся всегда безплодными: предстанутъ такіа явленія, которыя не поддаются опредѣленію, это—явленія промежуточные, сумеречныя. Въ заключеніе оппонентъ выразилъ сожалѣніе, что въ докладѣ отведено слишкомъ незначительное мѣсто естественному праву.

По поводу послѣдняго замѣчанія *Л. І. Петражицкій* возразилъ, что лично онъ горячо сочувствуетъ естественному праву и нерѣдко выступалъ въ своихъ трудахъ въ защиту естественнаго права.

Что касается до мнѣнія *А. А. Башмакова*, что опредѣленіе не должно, вовсе непременно обнять всё явленія даннаго рода, и что всякаго рода общія опредѣленія безплодны и ни къ чему не ведутъ, то *Л. І. Петражицкій* не находитъ возможнымъ съ этимъ согласиться, сославшись при этомъ на извѣстныя начала логики.

Г. В. Слюзбергъ присоединяется къ методу доклада: право, какъ явленіе жизни, не можетъ быть опредѣлено по содержанію. Задача сводится лишь къ отысканію классификаціоннаго признака. Оппонентъ далѣе находитъ въ докладѣ то достоинство, что въ немъ видно стремленіе вернуть науку къ доброму старому времени, когда мораль и право не противопоставались другъ другу. Но классификаціонный признакъ, предложенный авторомъ, по мнѣнію *Г. В. Слюзберга*, недостаточенъ; онъ лишь одинъ изъ признаковъ. Если ограничиться имъ, то нельзя будетъ разграничить право отъ морали, правилъ приличія; при будущемъ идеальномъ состояніи человѣчества возможно предположить, что люди не только въ отдѣльности, но и въ массѣ проникнутся сознаниемъ

атрибутивности даже и въ такихъ случаяхъ, которые къ области права не подходятъ. Въ заключеніе оппонентъ высказалъ, что положенія автора укладываются чисто и стройно лишь въ области обязательственнаго права, но вещное право какъ бы забыто, и о немъ въ докладѣ ни слова.

Л. І. Петражицкій находитъ, что разъ всё люди за извѣстною теперь чисто нравственною нормою признають атрибутивную силу, то такая норма сдѣлается нормою права.

Что касается до послѣдняго замѣчанія Г. Б. Слюзберга, то *Л. І. Петражицкій* объяснилъ, что и вещное право можетъ найти свое объясненіе въ предложенной имъ атрибутивной теоріи; здѣсь то и представляется ея полное торжество.

По мнѣнію *М. М. Боровитинова*, атрибутивный характеръ дѣлаетъ опредѣленіе или слишкомъ широкимъ, или слишкомъ узкимъ. Есть много юридическихъ обязанностей, которыя ни за кѣмъ не закрѣплены и, стало быть, съ точки зрѣнія автора, не могутъ быть включены въ область права. Съ другой стороны, возникаетъ вопросъ: почему религиознымъ нормамъ, если исходить изъ начала атрибутивности, не можетъ быть присвоенъ правовой характеръ: здѣсь мы имѣемъ предъ собою опредѣленныя обязанности по отношенію къ Высшему Существо.

Л. І. Петражицкій, подтверждая свое мнѣніе данными исторіи, объяснилъ, что религиозныя предписанія сводятся то къ нормамъ нравственнымъ, то юридическимъ или, наконецъ, вовсе не являются нормами.

М. В. Гессенъ находитъ, что въ докладѣ допущено отождествленіе двухъ различныхъ вопросовъ — вопроса о существѣ права съ вопросомъ объ опредѣленіи права. Первый вопросъ не разрѣшимъ. Найти такую формулу, въ которой укладывалось все содержаніе права — задача не выполнимая. Въ поискахъ за ней мы придемъ къ безсодержательнымъ понятіямъ. Оппонентъ не находитъ возможнымъ согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ автора, что будто для построенія наукъ необходимы опредѣленія. Это вѣрно лишь относительно дисциплинъ, основанныхъ на дедукціи; наукамъ же индуктивнымъ отсутствіе такого основнаго понятія не вредить. Переходя далѣе къ вопросу объ опредѣленіи права, оппонентъ указываетъ, что здѣсь задача упрощается и намъ по силамъ: мы стремимся отыскать такіе признаки, хотя бы внѣшніе, чтобы возможно было по нимъ отличить явленія однородныя и вмѣстѣ съ тѣмъ разграничить ихъ отъ явленій другихъ категорій. Опредѣ-

леніе автора не удовлетворяетъ обоимъ условіямъ: для наблюдателя остается непонятнымъ, какая норма правовая и какая— нравственная.

Д. І. Петражицкій объяснилъ, что возраженіе *М. В. Гессена* вызвано, вѣроятно, недоразумѣніемъ. Подъ существомъ права въ докладѣ разумѣлся существенный, основной признакъ права—и ничего болѣе.

По поводу высказаннаго затѣмъ *В. Д. Шидловскимъ* замѣчанія, что современная наука руководствуется только конкретными признаками, которые могутъ и не охватить всѣхъ изучаемыхъ явленій, *Д. І. Петражицкій*, оспаривая это мнѣніе, указалъ, что признакъ долженъ быть абсолютно общій; иначе—опредѣленіе съ логической стороны окажется безусловно негоднымъ. Не такъ страшно устанавливать подобные общіе признаки; рѣчь идетъ не о предвидѣніи будущаго, а лишь объ отведеніи извѣстной категоріи явленій, обладающихъ даннымъ признакомъ.

Подводя итоги состоявшимся преніямъ, *И. А. Ивановскій* сказалъ:

„Интересный рефератъ Льва Юсифовича затронулъ вопросъ капитальной важности. Естественно поэтому, что на пространствѣ небольшого реферата въ теченіе немногихъ часовъ, многіе побочные вопросы остались невыясненными. Когда выйдетъ въ свѣтъ печатная работа автора, отрывокъ изъ которой и составилъ докладъ, тогда возможно будетъ ближе ознакомиться съ положеніемъ докладчика. Только что выслушанная оцѣнка доклада не ослабила положеній доклада, а подкрѣпила ихъ и только выяснила, что можно подойти къ предмету съ разныхъ сторонъ. Но, отдавая дань должную крупнымъ достоинствамъ доклада, блестящей діалектикѣ автора, нельзя не остановиться предъ нѣкоторыми сомнѣніями, которыя имъ вызваны. Прежде всего неясно разграниченіе между моралью и правомъ. Затѣмъ является вопросъ, возможно ли всѣ правовыя нормы объяснить психологическими представленіями (напр., полицейскія предписанія). Съ своей стороны, какъ лицо, посвятившее себя изученію международнаго права, *И. А. Ивановскій* выразилъ свое искреннее удовольствіе по поводу того, что докладчикъ взялъ это право подъ свою защиту.

Въ заключеніе предѣдательствующій выразилъ докладчику искреннюю благодарность отъ имени собранія.

Засѣданіе закрылось около 2 час. ночи.

СПИСОКЪ

книгъ, поступившихъ въ Библіотеку Юридическаго Общества съ 15 ноября по 15 декабря 1898 года.

1. Журналь Министерства Юстиціи за 1894-95 г.г. (12 книгъ).
 2. " " " за 1896 г. (10 книгъ).
 3. " " " за 1897 г. (10 книгъ).
 5. " " " за 1898 г. (9 книгъ).
 5. Журналь Юридическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ за декабрь мѣсяць 1898 г.
 6. Отчетъ о дѣятельности Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ округа Харьковской Судебной Палаты за 1897-1898 г.
 7. Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Сборникъ консульскихъ донесеній. Выпускъ 5. 1898.
 8. Протоколъ Собранія Курскаго Юридическаго Общества 26 ноября 1897 г.
 9. Протоколъ Собранія Курскаго Юридическаго Общества 13 декабря 1897 г.
 10. Протоколъ Собранія Курскаго Юридическаго Общества 10 января 1898 г.
 11. Протоколъ Собранія Курскаго Юридическаго Общества за 24 января 1898 г.
 12. Протоколъ Собранія Курскаго Юридическаго Общества за 9 февраля 1898 г.
 13. Протоколъ Собранія Курскаго Юридическаго Общества за 18 апрѣля 1898 г.
 14. Уставъ Курскаго Юридическаго Общества.
 15. Списокъ рефератовъ, сообщеній, рѣчей и публичныхъ лекцій членовъ Курскаго Юридическаго Общества въ 1897-98 году.
-

Предсѣдателемъ Юридическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ, согласно желанію членовъ Общества, выраженному въ Общемъ Собраніи 6 февраля 1899 г., была послана г. Дюфло (Directeur de l'administration pénitentiaire) телеграмма слѣдующаго содержанія:

La Société Juridique de Pétersbourg, reunie en assemblée générale, se rappelant l'accueil courtois et affable fait par le défunt président Faure à nos membres délégués au cinquième congrès pénitentiaire Vous prie d'être auprès de madame Faure l'interprète de nos sentiments de profonde et respectueuse sympathie. Le président de la Société Sénateur Fuchs.

На телеграмму эту предсѣдателемъ общества получено слѣдующее письмо г. Дюфло:

Monsieur le Président, Je me suis empressé de transmettre le télégramme de la Société Juridique de Pétersbourg à Madame Faure, qui en a été profondément touchée. Je suis chargé de vous adresser l'expression de sa sincère reconnaissance.

J'ai été personnellement très ému de cette communication et heureux des sentiments que nos amis de Russie gardent à la mémoire vénérée de notre cher et regretté Président.

Je vous remercie cordialement de m'avoir choisi pour être l'interprète

des condoléances de la Société, dans le grand deuil qui vient de frapper la France.

Veillez, Monsieur le Président, présenter mes souvenirs les plus affectueux à tous nos collègues du V-e Congrès, et agréez pour vous même la nouvelle assurance de mon inaltérable dévouement Duflos.

С1767

Заключение ревизионной комисіи Юридическаго общества по отчету за 1898 г.

26 марта 1899 года ревизионная комиссія С.-Петербургскаго Юридическаго Общества, прежде, чѣмъ приступить къ очереднымъ своимъ занятіямъ, сочла нравственнымъ долгомъ почтить память покойнаго П. В. Макалинскаго, бывшаго дважды членомъ ревизионной комисіи, избраннаго въ третій разъ въ составъ нынѣшней ревизионной комисіи, но скончавшагося ранѣе, чѣмъ комиссія открыла свои занятія.

Приступивъ затѣмъ къ очереднымъ дѣламъ, ревизионная комиссія рассмотрѣла представленный годовому собранію 31 января сего года денежный отчетъ за 1898 годъ, обревизовала книги прихода, расхода и неприкосновеннаго капитала, и нашла: что отчетъ составленъ правильно, что со дня послѣдней ревизіи, 25 февраля 1898 года, по сіе число движеніе суммъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: остатокъ на 25 февраля 1898 года составлялъ восемнадцать тысячъ двѣсти двадцать рублей $58\frac{1}{4}$ коп. (18.220 р. $58\frac{1}{4}$ к.), приходъ за разсматриваемый періодъ—три тысячи восемнадцать рублей 43 к. (3018 р. 43 к.), итого двадцать одна тысяча двѣсти тридцать девять рублей $1\frac{1}{4}$ коп. (21239 р. $01\frac{1}{4}$ к.), расходъ за тотъ же періодъ составлялъ одну тысячу сто пятьдесятъ четыре руб. $65\frac{1}{4}$ коп. (1154 р. $65\frac{1}{4}$ к.), въ остаткѣ оказывается двадцать тысячъ восемьдесятъ четыре рубля 36 коп. (20084 р. 36 к.); что остатокъ этотъ заключается, какъ видно изъ обревизованныхъ документовъ, въ процентныхъ бумагахъ, хранящихся по роспискамъ Государственнаго Банка, на сумму 17200 руб. (по нарицательной цѣнѣ), по книжкѣ сберегательной кассы 512 р. 70 к., на текущемъ счетѣ въ С.-Петербургскомъ Учетномъ и Суд-

номъ Банкъ 2264 р. 05 к. и на рукахъ у казначея 107 р. 61 к., каковыя документы и деньги были предъявлены комисіи; что сборъ членскихъ взносовъ въ истекшемъ году производился успѣшно, и недоимщиковъ за 1898 годъ, при общемъ числѣ дѣйствительныхъ членовъ 326, оказывается всего 12 человекъ, что книги и вообще вся казначейская часть ведутся съ образцовою точностью и исправностью, и что дѣятельность А. С. Парамонова, исполняющаго обязанности казначея въ теченіе пяти лѣтъ безъ перерыва, заслуживаетъ выраженія ему признательности со стороны общества. По поводу денежнаго отчета комисія обратила вниманіе на то, что въ теченіе 4 лѣтнихъ мѣсяцевъ (съ половины мая до половины сентября) канцелярія общества бездѣйствуетъ, и что вслѣдствіе сего уплата дѣлопроизводителю за эти мѣсяцы жалованья, достигающаго довольно значительнаго размѣра, представлялась бы излишнею.

Разсмотрѣвъ затѣмъ дѣлопроизводство общества и ознакомившись съ введенными въ теченіе истекшаго года секретаремъ общества усовершенствованіями, комисія нашла, что вновь заведенная секретаремъ общества книга членовъ съ подробною исторіею ихъ дѣятельности представляетъ значительный интересъ для исторіи общества, а собраніе въ одну книгу всѣхъ повѣстоковъ за все истекшее со дня учрежденія общества время значительно облегчаетъ справки о дѣятельности общества и его отдѣленій. Комисія признаетъ эти нововведенія весьма цѣлесообразными, а самый порядокъ веденія книгъ и всего вообще дѣлопроизводства вполне образцовымъ.

Изъ отчетовъ общества усматривается, что сверхъ неприкосновеннаго капитала, въ распоряженіи общества остается возрастающій съ каждымъ годомъ свободный капиталъ, составляющій нынѣ свыше 10.000 руб. Таеъ какъ цѣлью общества является не собраніе капиталовъ, то представлялось бы, по мнѣнію Комисіи, желательнымъ употреблять накопляющіяся средства, во исполненіе §§ 2 и 29 устава, на поощреніе научной дѣятельности, въ видѣ назначенія, по всѣмъ отдѣленіямъ общества, премій за научныя монографіи по всѣмъ отраслямъ юриспруденціи. Монографіи эти могли бы быть незначительны по объему, соотвѣтственно съ чѣмъ и преміи могли бы быть назначаемы въ скромныхъ размѣрахъ.

Сверхъ сего комисія признавала бы полезнымъ, въ видахъ оживленія дѣятельности общества, учредить, примѣнительно къ

тѣмъ же §§ устава и по образцу другихъ ученыхъ учреждений, медали за лучшіе доклады, прочитанные въ теченіе года въ за-сѣданіяхъ отдѣленій общества.

Подписали: Петръ Юреневъ, Максимъ Винаверъ, Л. Петражицкій и Ив. Мѣщаниновъ.

Обьясненія Совѣта на заключеніе ревизіонной комисіи по отчету за 1898 г.

Приступивъ къ обсужденію заключенія ревизіонной комисіи по отчету за 1898 годъ, совѣтъ остановился прежде всего на предположеніи комисіи объ уменьшеніи вознагражденія дѣлопроизводителя канцеляріи совѣта путемъ прекращенія выдачи ему содержанія въ лѣтніе мѣсяцы (май—августъ). Совѣтъ не считая возможнымъ согласиться съ этимъ предположеніемъ по слѣдующимъ соображеніямъ.

Занятія дѣлопроизводителя не заключаются единственно, какъ полагаетъ ревизіонная комисіа, въ распоряженіяхъ по печатанію и разсылкѣ повѣстокъ, а, какъ видно изъ прилагаемой при семъ записки нынѣшняго дѣлопроизводителя г. Доброхотова, представляются весьма разнообразными. Такъ, напр., въ теченіе послѣднихъ 2½ лѣтъ имъ составлены списки рефератовъ и сообщеній за 20 лѣтъ и два дополненія къ нимъ за 1897 и 1898 гг., устроена и приведена въ порядокъ бібліотека, число книгъ въ которой возросло съ 500 до 1800, составленъ списокъ дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ общества за все время существованія его, заключающій въ себѣ свѣдѣнія объ ихъ дѣятельности, составлено семь сборниковъ повѣстокъ за все время существованія общества, приведены въ порядокъ всѣ бумаги общества, при чемъ составлено до 40 отдѣльныхъ производствъ по разнымъ вопросамъ и т. п. Такимъ образомъ, кромѣ печатанія и разсылки повѣстокъ, на дѣлопроизводителѣ лежитъ трудъ довольно сложный, почему получаемое имъ нынѣ вознагражденіе (480 р. въ годъ) не можетъ быть признано чрезмѣрнымъ, особенно если имѣть въ виду, что трудъ его не есть чисто механической, а требуетъ извѣстной инициативы, любви къ дѣлу и развитія. Этимъ условіямъ вполне удовлетворяетъ г. Доброхотовъ, предполагающій еще расширить свои занятія собраніемъ разнаго рода историческихъ свѣдѣній объ обществѣ къ предстоящему 25-лѣтнему юбилею его. Всѣ такого рода работы исполняются дѣлопроизводителемъ обыкновенно въ лѣтнее время, какъ болѣе свободное.'

По изложеннымъ соображеніямъ и имѣя въ виду трудность пріискать, за меньшее вознагражденіе, подходящее лицо на должность дѣлопроизводителя,—совѣтъ находилъ бы нежелательнымъ принятіе предположенія ревизіонной комисіи объ уменьшеніи размѣра вознагражденія дѣлопроизводителя.

Переходя къ предположенію ревизіонной комисіи о назначеніи премій за научныя монографіи по всѣмъ отраслямъ юриспруденціи, совѣтъ отнесся къ этому предположенію съ полнымъ сочувствіемъ. Выдача подобныхъ премій, несомнѣнно, послужитъ къ оживленію дѣятельности общества и потому весьма желательна, въ тѣхъ предѣлахъ, конечно, въ какихъ дозволяютъ это средства общества. Современемъ даже явится, можетъ быть, возможность учредить особый капиталъ, изъ процентовъ съ котораго выдавались бы преміи. Капиталъ этотъ могъ бы быть образованъ путемъ постепеннаго отчисленія свободныхъ средствъ общества, отчасти же и изъ частныхъ пожертвованій. Обсужденіе вопросовъ объ источникахъ, изъ которыхъ можно бы найти средства для выдачи премій, объ условіяхъ такой выдачи,—напр. опредѣленіе: кѣмъ, въ какомъ размѣрѣ, за какія монографіи должны быть назначаемы преміи, кому должны быть предоставлены выборъ темъ для этихъ монографій и оцѣнка ихъ,—словомъ, разработку подробностей удобнѣе всего было бы возложить на особую комисію, съ тѣмъ чтобы соображенія этой комисіи сообщены были совѣту для доклада съ его заключеніемъ общему собранію. Такую комисію совѣтъ предлагаетъ общему собранію составить подъ предсѣдательствомъ В. Д. Спасовича, изъ предсѣдательствующихъ отдѣленій общества и членовъ ревизіонной комисіи М. М. Винавера, Л. І. Петражицкаго и П. А. Юренева.

Что касается другой, предлагаемой ревизіонною комисіею мѣры,—именно, выдачи медалей за лучшіе доклады, прочитанные въ теченіе года въ отдѣленіяхъ общества, то совѣтъ признавалъ бы неудобнымъ такой способъ поощренія дѣятельности членовъ общества, какъ не принятый въ существующихъ у насъ ученыхъ обществахъ и могущій на практикѣ дать поводъ къ недоразумѣніямъ.

Совѣтъ постановилъ о вышеизложенномъ представить на разрѣшеніе общаго собранія.

Протоколъ общаго собранія юридическаго общества 4 мая 1899 г.

Собраніе открыто подъ предсѣдательствомъ Э. Я. Фукса.

По открытіи засѣданія собранію было сообщено заключеніе ревизіонной комиссіи по отчету за 1898 г. и объясненія совѣта на сдѣланныя комиссіей замѣчанія.

Послѣ непродолжительныхъ преній заключеніе совѣта было принято собраніемъ единогласно. При этомъ казначею общества А. С. Парамонову за его полезную для общества дѣятельность была выражена собраніемъ благодарность.

Затѣмъ были предложены къ баллотировкѣ въ дѣйствительные члены слѣдующіе кандидаты: Илья Ефимовичъ Ильяшенко, Владиміръ Александровичъ Гагенъ, Александръ Игнатьевичъ Шутовъ, Василій Павловичъ Шеинъ, Вячеславъ Вячеславовичъ Едличко и Александръ Александровичъ Папковъ.

Всѣ эти лица избраны единогласно въ дѣйствительные члены общества.

Въ заключеніе дѣйствительный членъ общества М. М. Винаверъ сдѣлалъ сообщеніе объ адвокатурѣ (по поводу проекта о повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ и замѣчаній на него комиссіи юридическаго общества). Сообщеніе это, выслушанное съ большимъ интересомъ, вызвало единодушное одобреніе.

Послѣ живаго обмѣна мыслей, по предмету сообщенія М. М. Винавера—собраніе было объявлено закрытымъ въ 12 часовъ.

Предсѣдателемъ общества, Э. Я. Фуксомъ полученъ былъ отъ дѣйствительнаго члена общества Александра Сергѣевича Заруд-

наго, въ даръ обществу „первый экземпляръ судебныхъ уставовъ“ при письмѣ слѣдующаго содержанія:

Милостивый Государь

Эдуардъ Яковлевичъ.

Въ знакъ глубокой благодарности семьи С. И. Заруднаго за воспоминаніе юридическаго общества о немъ, прошу у Вашего Высокопревосходительства позволенія поднести обществу на его распоряженіе „первый экземпляръ судебныхъ уставовъ“. Глубокоуважающій Васъ и искренно преданный Александръ Зарудный.
31 января 1899 г.

Совѣтъ юридическаго общества, выслушавъ сообщеніе Э. Я. Фукса о поступившемъ пожертвованіи, постановилъ: 1) просить А. С. Заруднаго принять и передать прочимъ членамъ семьи С. И. Заруднаго отъ имени общества глубокую благодарность за сдѣланный обществу драгоценный подарокъ и 2) хранить „первый экземпляръ судебныхъ уставовъ“ на видномъ мѣстѣ въ помѣщеніи общества.

О такомъ постановленіи совѣта было сообщено письмомъ А. С. Зарудному.

Протоколъ засѣданія отдѣленія обычнаго права 6 мая 1899 года.

Засѣданіе открылось въ 8¹/₂ часовъ вечера подъ предсѣдательствомъ А. Х. Гольмстена.

По открытіи засѣданія былъ поставленъ вопросъ объ избраніи предсѣдательствующаго, его товарища и трехъ членовъ Редакціоннаго Комитета. Собраніе единогласно высказалось за оставленіе и въ будущемъ году прежняго состава бюро отдѣленія.

Затѣмъ предсѣдательствовавшій предложилъ на обсужденіе собранія вопросъ объ усиленіи состава Редакціоннаго Комитета отдѣленія. По этому поводу А. Х. Гольмстенъ указалъ собранію, что Комитетъ отдѣленія обычнаго права занимаетъ исключительное положеніе среди Комитетовъ другихъ отдѣленій Общества, на обязанности которыхъ лежитъ, главнымъ образомъ, забота о рефератахъ и, такъ сказать, поощреніи членовъ къ представленію докладовъ по специальности отдѣленія. На Комитетѣ отдѣленія обычнаго права лежитъ весьма сложный трудъ собиранія и разработки юридическихъ обычаевъ. Эта разработка производится непосредственно силами самаго Комитета и поэтому является необходимостью усилить его составъ. Это могло бы быть достигнуто различными путями. Можно было бы, о чемъ и имѣется предложеніе, избрать особыхъ кандидатовъ въ члены Комитета, для участія въ его трудахъ, но безъ предоставленія имъ однако всѣхъ правъ членовъ Комитета. Противъ этого можно возразить, что такіе члены-кандидаты явятся какъ бы членами „на случай“ и, вслѣдствіе такой условности своего положенія, могутъ не проявить желательной энергіи; неопредѣленное и шаткое положеніе такихъ кандидатовъ невольно отразится на ихъ работѣ.

Второе предложіе—усилить составъ комитета новыми членами, избранными отдѣленіемъ.

Наконецъ третье—пополненіе состава Комитета членами избранными самимъ Комитетомъ. Въ этомъ, послѣднемъ случаѣ опять является опасеніе, что такое избраніе не отдѣленіемъ, а Комитетомъ лишить вновь избранныхъ извѣстной доли самостоятельности создастъ еще съ большею вѣроятностью положеніе, о нежелательности котораго уже говорилось по поводу перваго предложія.

Обсудивъ указанныя три предложія, Комитетъ склонился къ второму изъ нихъ; для осуществленія его долженъ быть соотвѣтственно измѣненъ и § 21 устава Общества опредѣляющій составъ редакціонныхъ комитетовъ.

По поводу высказаннаго А. Х. Гольмстеномъ, присутствовавшій въ засѣданіи, предсѣдатель Общества Э. Я. Фуксъ нашель, что предложіе Комитета объ усиленіи его состава имѣеть за собою, въ виду массы лежащаго на Комитетѣ труда, неоспоримыя основанія. Комитетъ отдѣленія обычнаго права имѣеть дѣло съ громаднымъ количествомъ сырого матеріала, нуждающагося въ разработкѣ, вырабатываетъ приемы, входятъ въ сношенія со многими лицами, учрежденіями и обществами, главнымъ образомъ, съ находящимися въ Петербурга. Для выполненія сложной задачи Комитета составъ его въ 3 или даже въ 5 лицъ, конечно, окажется недостаточнымъ. Но вполне раздѣляя это положеніе, предсѣдатель Общества вмѣстѣ съ тѣмъ указаль, что способъ такого усиленія предлагаемый Комитетомъ представляется по крайней мѣрѣ въ настоящій моментъ неудобнымъ. Вопросъ объ измѣненіи устава—вопросъ весьма сложный: предложіе комитета, въ случаѣ принятія его отдѣленіемъ, должно идти въ совѣтъ общества; совѣтъ, разсмотрѣвъ его и одобривъ, передаетъ въ общее собраніе общества; затѣмъ въ случаѣ принятія общимъ собраніемъ выработаннаго такимъ путемъ проекта, онъ направляется на окончательное разсмотрѣніе и утвержденіе Министра Народнаго Просвѣщенія. Все это требуетъ не мало хлопотъ и времени. Сложность такой процедуры заставляеть Э. Я. Фукса высказаться противъ такой постановки вопроса, тѣмъ болѣе, что едва ли желательно, въ виду близости 25 лѣтія общества—передѣлывать его уставъ въ особенности въ томъ случаѣ, если въ такой передѣлкѣ не встрѣчается безусловной необходимости. По мнѣнію Э. Я. Фукса, вопросъ можетъ быть разрѣшенъ иначе. Практика Юридическаго Общества за прежніе

годы показала, что при сложныхъ работахъ, возложенныхъ на Комитетъ того или другаго отдѣленія, изъ числа членовъ отдѣленія избиралась особая комиссія, въ составъ которой цѣликомъ входило бюро отдѣленія. Комиссія существовала въ теченіе всего срока, необходимаго для выполненія данной задачи. Насколько цѣлесообразна и удачна была такая постановка дѣла, можетъ показать хотя бы и результатъ занятій комиссіи, обсуждавшей проектъ положенія объ адвокатурѣ и представившей замѣчательныя по своему серьезному значенію работы. Поэтому весьма удачнымъ выходомъ изъ настоящаго затруднительнаго положенія—было бы и теперь созданіе такой комиссіи, которая явилась бы и могла назваться „Комитетомъ въ усиленномъ составѣ“. Этимъ путемъ мы избѣгнемъ нужды въ измѣненіи устава и устранимъ ненормальность положенія членовъ Комитета, избранныхъ для усиленія его состава.

Соглашаясь съ предлагаемою предсѣдателемъ общества постановкою разсматриваемаго вопроса, А. Х. Гольмстенъ высказалъ съ своей стороны сомнѣніе будетъ ли такимъ путемъ достигнута необходимая равноправность всѣхъ членовъ проектируемой коллегіи.

Э. Я. Фуксъ находилъ, что это сомнѣніе легко можетъ быть устранено тѣмъ, что лица, намѣченные Комитетомъ для усиленія его состава, могутъ быть предложены имъ къ избранію въ засѣданіи отдѣленія и, какъ избранныя отдѣленіемъ, тѣмъ самымъ явятся равноправными членами Комитета. Такъ, напримѣръ, въ указанной комиссіи объ адвокатурѣ—члены были всѣ равны. Мнѣнія каждаго заносились въ протоколы комиссіи и ими подавались особыя мнѣнія. Само сабою разумѣется, что такой усиленный составъ образуется для рѣшенія задачъ, поставленныхъ комитетомъ и въ рамкахъ, имъ же предложенныхъ.

По выясненіи этого вопроса, А. Х. Гольмстенъ предложилъ собранію высказать свое мнѣніе о такомъ усиленіи состава Комитета и, по одобреніи собраніемъ этого предложенія, объявилъ, что проектированные выборы новыхъ добавочныхъ членовъ Комитета будутъ произведены въ слѣдующемъ засѣданіи отдѣленія.

Затѣмъ А. Х. Гольмстенъ сообщилъ собранію ниже помѣщаемый докладъ Редакціоннаго Комитета отдѣленія о дѣятельности его за истекшій годъ. По выслушаніи доклада собраніе единогласно выразило глубокую благодарность А. Х. Гольмстену, А. А. Башмакову, всему вообще составу редакціоннаго комитета, а также, по предложенію Э. Я. Фука, г.г. магистрантамъ и сотрудникамъ

ихъ—студентамъ, потрудившимся много въ дѣлѣ собранія и разработки обычаевъ.

Присутствовавшимъ въ собраніи членомъ Кіевскаго Юридическаго Общества К. В. Шавровымъ сообщено, что въ средѣ этого общества есть много лицъ, интересующихся дѣломъ собранія обычнаго права. Въ виду этого г. Шавровъ просилъ послать въ Кіевъ предложеніе принять участіе въ дѣлѣ собранія обычнаго права.

По поводу этого заявленія Э. Я. Фуксъ высказалъ, что инициатива должна исходить отъ Кіевскаго Юридическаго Общества, которому Совѣтомъ въ числѣ прочихъ Обществъ предложено принять правила, выработанныя съ цѣлью сближенія между Юридическими Обществами. К. В. Шавровъ въ отвѣтъ на слова предсѣдателя общества указалъ на инертность нашихъ провинціальныхъ обществъ и необходимость будить ихъ. Хотя въ Кіевѣ и есть отдѣленіе обычнаго права, но со смертью Кистяковскаго оно бездѣйствуетъ. Работы по собранію обычаевъ Кіевской губерніи должны быть весьма плодотворны, самый же обычно-правовой матеріалъ несомнѣнно очень интересенъ по своей своеобразности, вызываемой мѣстными этнографическими условіями.

Затѣмъ членъ общества, А. А. Башмаковъ, сдѣлалъ собранію сообщеніе „родовое и семейное имущество въ болгарскомъ обычномъ правѣ“.

„Въ юридическомъ журналѣ, издающемся въ Плавдивѣ (Филиппополь) подъ редакцію С. С. Бобчева и носящемъ названіе „Юридически Прѣгледъ“, довольно часто появляются замѣтки, относящіяся къ болгарскому обычному праву. Около 18 лѣтъ, тому назадъ, докладчику настоящаго сообщенія пришлось быть сотрудникомъ С. С. Бобчева въ румелійской законодательной комиссіи, предсѣдателемъ которой былъ нашъ соотечественникъ, извѣстный знатокъ обычнаго права, П. А. Матвѣевъ. До извѣстной степени подъ вліяніемъ П. А. Матвѣева сложилась у болгарскаго публициста С. С. Бобчева приверженность къ розысканію и разработкѣ обычнаго права своего народа. Имъ была переведена и передѣлана по болгарски программа П. А. Матвѣева и разослана многимъ корреспондентамъ, отъ которыхъ получился обильный обычно-правовой матеріалъ болгарскаго народа, на основаніи чего и издана была въ 1897 г., г. Бобчевымъ, первая часть книги, озаглавленной „Сборникъ на Болгарскити Юридически Обичаи“,

о которой были уже неоднократные отзывы въ нашей специальной печати. Между сотрудниками г. Бобчева по изданію журнала „Юридически Прѣгледъ“, особенное значеніе, какъ ревностный поклонникъ обычнаго права, имѣлъ П. В. Оджакъ, членъ болгарской судебной палаты въ Русукѣ. Имя г. Оджакъ известно уже давно. Когда профессоръ Божишичъ издалъ свой сборникъ объ обычаяхъ южныхъ славянъ, когда впоследствии Krauss опубликовалъ въ Вѣнѣ свой объемистый трудъ „Sitte und Brauch der Südslaven“, свѣдѣнія этихъ авторовъ объ обычномъ правѣ у болгаръ исходили главнымъ образомъ отъ г. Оджакъ, который началъ производить свои наблюденія еще въ турецкое время. Обращу вниманіе нашего Отдѣленія на рядъ статей за подписью г. Оджакъ въ „Юридическомъ Прѣгледѣ“ за 1896 г., въ книжкахъ VIII, IX, XI и XX, по разнымъ вопросамъ обычнаго права болгаръ, а также на то, что этотъ авторъ обѣщаетъ въ скоромъ времени издать книгу, надъ которой онъ теперь работаетъ, подъ заглавіемъ: „Исторія Болгарскаго писаннаго и обычнаго права“ (ср. тамъ же, стр. 379).

П. В. Оджакъ любитъ писать въ нѣсколько лирическомъ тонѣ. Когда онъ видитъ пренебреженіе ученыхъ юристовъ къ наслѣдію тысячелѣтій и къ народному правосознанію, это его глубоко волнуетъ и онъ не можетъ хладнокровно говорить объ ученѣмъ вандализмѣ. „Ежедневно, говоритъ онъ, борется на нашихъ глазахъ народный обычай съ новымъ закономъ о наслѣдованіи. И вотъ чудо! этотъ новый законъ одолеваетъ народное обычное право, существовавшее цѣлыя тысячелѣтія и одолеваніе совершается при содѣйствіи нашихъ юныхъ судебныхъ учреждений. По этому предмету происходитъ ожесточенная борьба между самими членами судебной коллегіи. Чѣмъ ближе стоитъ судья къ народу, тѣмъ правильнѣе онъ относится къ разрѣшенію вопросовъ на основаніи народныхъ юридическихъ воззрѣній. Верховная Кассационная Палата нерѣдко даетъ такія своеобразныя, чисто формальныя и несостоятельныя, по существу, толкованія, которыя расходятся съ требованіями высшей справедливости, часто отражающейся въ народномъ сознаніи и въ проявленіяхъ его быта“ (ср. стр. 309 Юрид. Прѣгл. за 1896 г.). Изъ указанныхъ замѣтокъ г. Оджакъ я обращаю ваше вниманіе на двѣ статьи: одна касается родовыхъ имуществъ въ болгарскомъ обычномъ правѣ; другая относится въ имущественной общности семьи и къ раздѣлу семейнаго имущества. Значеніе этихъ замѣтокъ важно для насъ въ томъ отношеніи, что весьма

распространенное въ русской литературѣ, а по моему, крайне одностороннее, мнѣніе приписываетъ нашему институту родовыхъ имуществъ случайное происхожденіе, усматривая въ немъ недавнее твореніе московской эпохи, слѣды приказныхъ недоразумѣній, остатокъ дворянскихъ и служилыхъ особенностей, наконецъ, кодификаціонную ошибку неудачно обобщенныхъ статей нашего Свода Законовъ. Два года тому назадъ мною сдѣлана была попытка освѣтить глубокую несправедливость этой точки зрѣнія и придать постановкѣ вопроса о родовыхъ имуществѣ сравнительно-правовое основаніе, напомнивъ, что многія данныя для окончательнаго рѣшенія этого спора должны найтись въ сравнительномъ изученіи русскаго и славянскаго обычнаго права. Сообщенія г. Оджакова вполне подтверждаютъ пока мою догадку. Конечно, мои литературные противники не станутъ заподозривать болгарскихъ судей въ пристрастіи къ нашему X тому, какъ обыкновенно говорится, въ укоръ нашимъ волостнымъ писарямъ, въ видахъ опроверженія аргумента о существованіи слѣдовъ института родовыхъ имуществъ въ русскомъ обычномъ правѣ (Пахманъ I, стр. 26 и 27). Далѣе, приведенные у г. Оджакова матеріалы о семейномъ общемъ имуществѣ у болгаръ также весьма приходятся кстати въ такое время, когда съ разныхъ сторонъ и у насъ слышатся голоса, подтверждающіе сомнѣнію представленія, болѣе или менѣе прочно установившіяся въ нашей литературѣ о существованіи и значеніи семейнаго имущества, замѣняющаго въ крестьянскомъ быту понятіе единоличной собственности.

Замѣтки П. В. Оджакова, сводятся вкратцѣ къ слѣдующему.

I. По вопросу о родовомъ имуществѣ (Юрид. Прѣгл., кн. XX).

Истецъ С. М. предъявилъ въ Тырновскомъ Окружномъ Судѣ искъ, въ коемъ просилъ признать за нимъ право выкупа на проданную его братомъ Н. М. постороннему лицу родовую недвижимость (домъ съ лавкой и дворомъ). Истецъ объяснилъ, что продажа состоялась безъ его о томъ увѣдомленія. Между тѣмъ, это имущество было незадолго передъ тѣмъ общимъ достояніемъ обоихъ братьевъ, досталось имъ отъ ихъ отца, а возведенныя на этомъ участкѣ зданія были сооружены братьями-совладѣльцами. Хотя истецъ не отрицалъ, что между ними произошелъ раздѣлъ, однако имущество и послѣ раздѣла, по существующимъ законамъ и обычаямъ, сохраняетъ, при такомъ происхожденіи, свойство *родоваго* имущества... Вслѣдствіе чего, истецъ про-

силъ отмѣнить продажу и обязать покупателя Р. В. возвратить имущество истцу, получивъ себѣ заплаченную по купчей сумму, т. е. 2000 фр. Отвѣтчикъ, въ своемъ возраженіи, утверждалъ, между прочимъ, что „родовое свойство имущества не имѣетъ никакого значенія въ Болгаріи“.

Окружный Судъ отказалъ въ искѣ за истеченіемъ исковой давности, не касавшись существа дѣла. Дѣло перешло, по апелляции истца, въ Русскую судебную палату, которая удовлетворила исковыя требованія, основывая свое рѣшеніе, по существу дѣла, на томъ, что:

а) проданная недвижимость досталась продавцу отъ ихъ, съ истцомъ, общаго отца;

б) при такихъ условіяхъ, истцу принадлежало право предпочтительной покупки этого имущества, передъ всякимъ постороннимъ лицомъ;

в) а разъ такая продажа состоялась, на имя чужеродца, безъ согласія родственника, имѣющаго право предпочтительной покупки, то такой родственникъ имѣетъ право выкупа, а состоявшаяся безъ его согласія сдѣлка—признается для него необязательной. Эти положенія признаны Палатой за обычно-правовыя, хотя при этомъ есть и мимоходная ссылка на нѣкоторые слѣды права выкупа (повидимому довольно скудные) въ писанныхъ законахъ „о тапіяхъ“ (т. е. объ актахъ укрѣпленія недвижимой собственности), о наследованіи и т. п. Впрочемъ, упомянутыя положенія обычнаго права не касаются одного родового свойства недвижимости, а указываются параллельно и для другихъ случаевъ, гдѣ тѣсная связь двухъ владѣльческихъ правъ даетъ основаніе предполагать общую нераздѣльную собственность изъ которой возникли отдѣльные объекты и выдѣлились отдѣльные субъекты правообладанія. Такъ, на примѣръ, такое же право выкупа признается за сосѣдями и за „ортаками“ (ортацитѣ), т. е. участниками какой либо формы общей собственности (орташко, имущество).

II. По вопросу о семейной общности имущества (Юрид. Прѣгл. 1896 г., кн. VIII).

Верховная кассационная палата дважды прокассировала рѣшеніе Русской судебной палаты на томъ основаніи, что она признала силу раздѣльнаго акта, по коему болгарскій поселянинъ, отецъ семьи, совершилъ прижизненный раздѣлъ всего своего со-

стоянія, въ коемъ между прочимъ были и нѣкоторыя распоряженія на случай смерти; раздѣлъ совершенъ безъ соблюденія нотаріальной формы, требующейся въ Болгаріи для совершенія завѣщаній. Существенный вопросъ, возникающій при этомъ, сводится къ слѣдующему: если спорный актъ есть духовное завѣщаніе, то этотъ актъ недействителенъ, за несоблюденіемъ нотаріальной формы; если же этотъ актъ, въ общемъ его содержаніи, не подходитъ подъ типъ завѣщанія, то законъ о необходимости нотаріальной его формы не имѣетъ примѣненія, и сдѣлка остается въ силѣ. Между тѣмъ, центръ тяжести оказывается здѣсь въ томъ положеніи, что болгарскій поселянинъ, совершившій раздѣльный актъ, не могъ считаться завѣщателемъ потому, что распорядился онъ не своимъ личнымъ имуществомъ, а по праву главы семьи, назначая долю каждому изъ членовъ распадавшейся семьи. Глава въ семьѣ не можетъ, говоритъ г. Оджакъ, считаться ни наследодателемъ, ни личнымъ собственникомъ, такъ какъ совокупность семейнаго имущества принадлежитъ всему семейному союзу (задругѣ). Стало быть, члены этого союза, задругари-братья могутъ подѣлиться полюбовно когда и какъ угодно, не обращаясь къ содѣйствию властей. Глава семьи не имѣетъ права надѣлять или обдѣлять по своему усмотрѣнію членовъ семьи (стр. 310). По мѣстнымъ обычаямъ, разсуждаетъ далѣе тотъ-же авторъ (стр. 321), когда родители выдѣляютъ кого либо изъ своихъ сыновей, при жизни своей, то выдѣленный членъ семьи не долженъ уже искать чего либо отъ своихъ братьевъ. Такой выдѣлъ долженъ считаться актомъ священнымъ, ненарушимымъ и безвозвратнымъ. Для подобныхъ раздѣльныхъ актовъ, обычное право не требуетъ никакихъ письменныхъ документовъ. Слѣдовательно, тутъ и нотаріальная форма никакого значенія имѣть не можетъ.

Приведенныя у г. Оджакъ положенія весьма любопытны потому, что въ нихъ замѣчается большое сходство съ обычнымъ правомъ русскаго народа. Конечно, можно возразить, что въ этихъ статьяхъ ссылка на обычай страдаетъ нѣкоторой неопредѣленностью и какъ будто голословностью. Но мы знаемъ, что по справедливости не одному г. Оджакъ можно сдѣлать тотъ же упрекъ. Значительная часть нашихъ изслѣдователей приводитъ въ своихъ трудахъ, даже самый вѣрный обычно-правовой матеріалъ въ такомъ видѣ, что провѣрка данной ссылки представляется нѣрѣдко затруднительной. До открытія отдѣленія обычнаго права С.-Петербургскаго Юридическаго Общества, вопросъ о методахъ конста-

тированія обычнаго права въ связи съ точнымъ пріурочиваніемъ обычая къ опредѣленнымъ мѣстностямъ (принципъ локализованія обычнаго права) представлялся вопросомъ возбуждавшимъ лишь вниманіе отдѣльныхъ изслѣдователей, безъ облеченія его въ опредѣленную форму общепризнаннаго и обязательнаго для изслѣдователей порядка добыванія обычая. Да и теперь, даже въ нашемъ законодательствѣ, вовсе не выяснено въ какомъ видѣ должны быть констатированы тѣ „общеизвѣстные мѣстные обычаи“ о которыхъ 130 статья нашего уст. гражд. судопроизводства.

Такимъ образомъ, пріемъ болгарскихъ судовъ, практикуемый повидимому въ Русукѣ подъ личнымъ вліяніемъ П. В. Оджакова, заслуживаетъ одобренія и, при всей его недостаточности, мало отличается отъ способа примѣненія обычая въ русской судебной практикѣ. Намъ остается пожелать, чтобы тѣ методологическіе пріемы, которые въ послѣднее время выдвинуты были нашимъ отдѣленіемъ обычнаго права нашли подобающій имъ отзвукъ въ практикѣ родственнаго намъ народа. Очевидная аналогичность матеріала и сельскихъ бытовыхъ условій соплеменныхъ славянъ даетъ основаніе къ тому, чтобы ждать пользы отъ совмѣстныхъ усилій, направленныхъ у нихъ и у насъ къ одной общей цѣли, выясненія главныхъ основъ общеславянскаго обычнаго права“.

Докладъ Редакціоннаго Комитета отдѣленія обычнаго права „О положеніи дѣла собиранія и разработки юридическихъ обычаевъ“.

14 апрѣля 1898 г. Редакціонный Комитетъ имѣлъ честь представить отдѣленію „Докладъ о предстоящей ему дѣятельности“, въ которомъ были изложены руководящія начала лежащей на немъ задачи. Отдѣленіе, одобривъ „Докладъ“, тѣмъ самымъ дало Комитету полномочіе приняться за выполненіе этой задачи. Въ томъ же засѣданіи отдѣленіе обратилось къ г. предѣдателю общества съ просьбой ходатайствовать передъ правительствомъ объ оказаніи содѣйствія по предметамъ, изложеннымъ въ „Докладѣ“. Прежде чѣмъ приступить къ работѣ, Комитету надлежало выждать исхода этихъ ходатайствъ, отъ котораго зависѣли: матеріалъ, надъ которымъ пришлось бы работать, и силы, которыми можно

бы было пользоваться, словомъ, зависѣли объемъ и характеръ предстоящей дѣятельности отдѣленія. Вслѣдствіе сдѣланнаго г. предсѣдателемъ представленія г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, выразивъ полное сочувствіе труду, предпринятому обществомъ, и готовность оказать ему въ этомъ дѣлѣ содѣйствіе, призналъ возможнымъ сдѣлать распоряженіе о доставленіи книгъ рѣшеній волостныхъ судовъ въ Петербургъ въ порядкѣ и очереди, по указаніямъ отдѣленія и на первый разъ, согласно заявленію Комитета, книгъ по четыремъ уѣздамъ Ярославской губерніи: Ярославскому, Рыбинскому, Угличскому и Пошехонскому со времени учрежденія волостныхъ судовъ до 1888 г. Такое распоряженіе г. Министра побудило Комитетъ измѣнить въ нѣкоторыхъ частяхъ предположенный имъ и изложенный въ докладѣ 14 апрѣля 1898 г. первоначальный планъ собиранія и разработки обычнаго права. Пришлось сосредоточить вниманіе на способахъ наилучшаго использования подлинныхъ книгъ рѣшеній волостныхъ судовъ; выписки на мѣстѣ лицами командирруемыми Комитетомъ и мѣстными дѣятелями стали излишними. Предстоящая дѣятельность Комитета точно опредѣлилась: надлежало установить въ подробностяхъ приемы разработки имѣющаго быть доставленнымъ въ Комитетъ матеріала, хотя сыраго, но болѣе надежнаго, чѣмъ выписки, производимыя на мѣстахъ. Вмѣстѣ съ разработкою по установленному плану книгъ волостныхъ судовъ, Комитетъ призналъ полезнымъ начать опытъ примѣненія двухъ другихъ способовъ собиранія юридическихъ обычаевъ, именно посредствомъ разсылки программы вопросовъ и провѣрки полученнаго матеріала данными, извлекаемыми изъ литературы. Въ „Докладѣ“ Комитета отъ 14 апрѣля этимъ способомъ придавалось второстепенное значеніе, причемъ, однако, было оговорено, что степень примѣнимости ихъ обнаружится по указаніямъ опыта. Нынѣ Комитетъ убѣдился въ цѣлесообразности приданія программному способу общаго значенія и потому принялъ мѣры къ составленію программы и разсылки ея мѣстнымъ юридическимъ обществамъ и дѣятелямъ. Къ такому заключенію Комитетъ пришелъ между прочимъ, въ виду того, что всѣ провинціальныя собиратели и изслѣдователи обычнаго права настоятельно требуютъ отъ Комитета присылки программы, опытъ же Харьковскаго губернскаго статистическаго комитета, издавшаго два тома „Обычнаго права крестьянъ Харьковской губерніи“, содержащихъ весьма цѣнный, провѣренный и вполнѣ достовѣрный матеріалъ, показала какую пользу можетъ принести этотъ способъ. Рядомъ съ усиле-

ніємъ программнаго способа, Комитетъ рѣшилъ, въ видахъ увеличенія матеріала, усилить и способъ собранія литературнаго матеріала.

До полученія въ С.-Петербургѣ книгъ рѣшеній волостныхъ судовъ четырехъ помянутыхъ уѣздовъ председательствующій въ отдѣленіи обычнаго права выработалъ, на основахъ одобреннаго отдѣленіемъ „Доклада“, подробный „Планъ организаціи дѣла разработки обычно-правоваго матеріала“. „Планъ“ былъ, по исправленіи и дополненіи, утвержденъ Комитетомъ. Сущность заключается въ слѣдующемъ: Разработка обычно-правоваго матеріала распредѣляется между четырьмя отдѣлами: отдѣломъ подготовительнымъ, отдѣломъ извлечения тезисовъ, отдѣломъ группировки тезисовъ и отдѣломъ сводки тезисовъ.

Дѣятельность подготовительнаго отдѣла заключается въ приготовленіи къ пользованію книгъ рѣшеній, а именно: во 1-хъ, въ отмѣткѣ рѣшеній исключительно уголовныхъ; во 2-хъ, въ пополненіи табличекъ пяти формъ (для наичаще встрѣчающихся, болѣе простыхъ случаевъ): а) личные обиды, б) кража, в) потрава, г) неявка отвѣтчика и д) неявка свидѣтеля; въ 3-хъ, въ отмѣткѣ тѣхъ дѣлъ, въ которыхъ нѣтъ никакого обычно-правоваго матеріала; сюда относятся случаи: 1) когда въ рѣшеніи имѣется ссылка на законъ или на административное распоряженіе, 2) когда рѣшеніе касается взысканія подаей и повинностей, 3) когда судъ отказывается въ искѣ по бездоказанности, 4) когда дѣло окончено простымъ примиреніемъ сторонъ, 5) когда отвѣтчикъ безъ оговорки призналъ долгъ, 6) когда рѣшеніе основано только на документѣ, и 7) когда судъ уклонился отъ рѣшенія по неподсудности дѣла. Дѣятельность отдѣла извлечения тезисовъ заключается въ извлеченіи изъ рѣшеній нормъ, на коихъ они основаны и въ нанесеніи этихъ нормъ на карточки, главныя графы которыхъ соотвѣтствуютъ рубрикамъ „Схемы обычнаго права“ (см. ниже). Въ первой графѣ карточки напечатано названіе самой крупной группы схемы: „Гр.“ (гражданское право) Суд. (судопроизводство) и „Уг.“ (уголовное право); во второй—слѣдующихъ группъ, обозначенныхъ въ „Схемѣ“ римскими цифрами: „вещное“, „обязательственное право“, „семейное право“ и т. д.; третья графа предназначена для группъ, ничѣмъ не обозначенныхъ въ „Схемѣ“: „приобрѣтеніе права собственности“, „ограниченіе права собственности“ и т. д., четвертая графа для группъ, обозначенныхъ въ „Схемѣ“ арабскими цифрами: 1) (давность), 2) (находка), 3) (кладъ) и т. д., въ пя-

той графѣ обозначается кратко губернія, уѣздъ и волость, въ шестой—вверху годъ постановленія рѣшенія, а внизу № рѣшенія по книгѣ, а въ седьмой графѣ помѣщаются пояснительныя примѣчанія.

Дѣятельность отдѣла группировки тезисовъ заключается въ приведеніи табличекъ и карточекъ въ систему; тамъ таблички и карточки распредѣляются по клѣточкамъ особаго шкафа, состоящаго изъ 168 (14×12) открытыхъ съ одной стороны клѣточекъ, соответствующихъ числу группъ „Схемы“, обозначенныхъ арабскими цифрами. Надъ каждой клѣточкой набита вывѣска съ названіемъ группы, напр. „Давность“, „Находка“, „Кладъ“ и т. д. Дѣятельность отдѣла сводки тезисовъ заключается въ составленіи сводовъ обычнаго права по уѣздамъ и губерніямъ; въ немъ происходитъ разработка табличекъ и карточекъ по пачкамъ, собраннымъ въ клѣточкахъ упомянутаго шкафа. Таково въ самыхъ общихъ очертаніяхъ содержаніе „Плана разработки обычнаго права“—въ немъ заключаются и подробныя правила техники всего дѣла.

Во время выработки „Плана“, А. А. Леонтьевъ работалъ надъ составленіемъ порученной ему программы. Въ сентябрѣ программа была готова, передана на разсмотрѣніе Е. И. Якушкина, и имъ одобрена. Комитетъ, распорядившись напечатаніемъ ея, безъ всякихъ исправленій, приступилъ къ разсылкѣ ея мѣстнымъ обществамъ и лицамъ, выразившимъ готовность потрудиться надъ собираніемъ обычаевъ. Съ половины сентября началась присылка книгъ изъ Ярославля въ Петербургъ, по пуду въ день. Доставлены они были Земскимъ отдѣломъ въ завѣдываемый предѣлительствующимъ въ отдѣленіи обычнаго права Юридическій кабинетъ при С.-Петербургскомъ университетѣ. Къ этому времени вышеупомянутый „Планъ“ былъ отлитографированъ, отпечатаны бланки 9 формъ карточекъ и 5 формъ табличекъ, составлена „Схема обычнаго права“ (предѣлительствующимъ—по гражданскому праву и процессу, а членомъ общества А. А. Жижиленко по уголовному праву) и отпечатана.

Затѣмъ, Комитетъ приступилъ къ организаціи отдѣловъ. Во главѣ отдѣла подготовительнаго былъ поставленъ А. А. Башмаковъ; въ видѣ временнаго отступленія отъ „Плана организаціи“, завѣдываніе отдѣломъ извлеченія тезисовъ, по предложенію члена Комитета В. Ф. Мухина, было поручено тремъ лицамъ: В. Ф. Мухинъ пожелалъ руководить работами по

извлеченію тезисовъ изъ области права семейнаго и наслѣдственнаго, А. А. Башмаковъ изъ области права вещнаго и уголовнаго и А. Х. Гольмстенъ изъ области права обязательственнаго и процессуальнаго. Во главѣ отдѣла группировки тезисовъ Комитетомъ поставленъ В. И. Срезневскій, а отдѣла сводки тезисовъ—А. Н. Харузинъ. Начать пришлось, очевидно, съ организациі подготовительнаго отдѣла. Въ качествѣ помощника завѣдывающаго этимъ отдѣломъ былъ приглашенъ членъ-сотрудникъ общества С. Б. Гомолицкій, а въ качествѣ редакторовъ—члены-сотрудники: В. М. Гордонъ, А. Ѳ. Волковъ, И. Д. Мордухай-Болтовской, Ю. Д. Филипповъ, М. Д. Немировский и С. А. Кудрявцевъ. Къ каждому изъ редакторовъ, а также къ помощнику завѣдывающаго отдѣломъ, было дано въ помощь отъ 6—7 студентовъ юридическаго факультета, изъявившихъ готовность заниматься разработкой обычнаго права. Это сравнительно небольшое число лицъ должно было образовать кадръ, задача котораго состояла бы, главнымъ образомъ, въ провѣркѣ, опытнымъ путемъ, примѣнимости правилъ, изложенныхъ въ „Планѣ“. Предсѣдательствующій поставилъ себѣ цѣлью не стремиться немедленно къ осуществленію во всѣхъ деталяхъ „Плана организациі“, а посвятить первый годъ работы ряду опытовъ, примѣняясь по возможности къ „Плану“, полное осуществленіе „Плана“ было не возможно уже потому, что весьма обширнаго матеріала, отвѣтовъ на программу, еще не было въ распоряженіи Комитета. Рѣшено было пока оперировать лишь надъ рѣшеніями волостныхъ судовъ. 21 октября открылись работы въ Юридическомъ кабинетѣ. Изложенные въ „Планѣ“ подготовительныя работы были начаты надъ рѣшеніями волостныхъ судовъ Угличскаго уѣзда. Къ 10 ноября размѣтка книгъ и пополненіе табличекъ по этому уѣзду были закончены. Въ теченіи трехъ недѣль, составъ сотрудниковъ-студентовъ пополнялся новыми. Ко времени окончанія работъ возникъ вопросъ объ организациі слѣдующаго отдѣла извлеченія тезисовъ. Было рѣшено весь прежній составъ редакторовъ и студентовъ-сотрудниковъ перевести изъ подготовительнаго отдѣла въ отдѣлъ извлеченія тезисовъ, присоединивъ къ нимъ вновь приглашенныхъ студентовъ IV курса, которые достаточно подготовлены для того, чтобы сразу, не пройдя школы подготовительныхъ работъ, приступить къ извлеченію тезисовъ. Такимъ образомъ сложился второй отдѣлъ, причѣмъ въ составѣ группы каждаго редактора образовались двѣ подгруппы: студенты III курса и достаточно подготовленные II курса и студенты IV

курса. Первые, как перешедшіе изъ подготовительнаго отдѣла, продолжали работу надъ Угличскимъ уѣздомъ, вторые принялись за Рыбинскій уѣздъ; каждый изъ первыхъ выбралъ для извлеченія тезисовъ ту или другую область гражданскаго права (на совѣщаніи редакторовъ это было признано болѣе цѣлесообразнымъ), вторые—должны были извлекать тезисы по всеѣмъ областямъ. Такъ какъ занятія вступили въ самый трудный свой фазисъ и поглотили весь персоналъ работающихъ, то къ образованію новаго подготовительнаго отдѣла рѣшено было приступить послѣ новаго года, отдѣлъ же извлеченія тезисовъ работалъ вплоть до Рождественскихъ каникулъ. Съ самаго начала работы и до приближенія Рождественскихъ каникулъ, ежедневно, по вечерамъ отъ 7 до 10, а иногда и до 11 часовъ студенты-сотрудники, по двѣ группы ежедневно, подъ непосредственнымъ руководствомъ своихъ редакторовъ, работали не только усердно, но и съ увлеченіемъ. Эти усердіе и увлеченіе прививались имъ редакторами-магистрантами, которые проявили съ мѣста строго-серьезное отношеніе къ дѣлу разработки обычнаго права и, не взирая на массу собственныхъ занятій, являлись на работу дважды въ недѣлю каждый. Какъ магистранты такъ и студенты вполне заслужили глубокую признательность юридическаго общества за ихъ безкорыстную и энергичную дѣятельность. Можно сказать, что первый опытъ разработки обычнаго права, какъ бы ограниченъ ни были его предѣлы, удался вполне.

Продолженіе его послѣдовало послѣ Новаго года. Но приближеніе экзаменовъ и необходимость приготвленія къ нимъ заставило предсѣдательствующаго мало по малу освобождать студентовъ отъ работъ по обычному праву. Но дабы эта убыль въ работникахъ не отразилась на самой работѣ, не повлекла за собой застоя, рѣшено было, съ одной стороны, усилить самоличную работу г.г. магистрантовъ-редакторовъ, понемногу освобождавшихся отъ руководства работою студентовъ, а съ другой—привлечь лицъ окончившихъ въ прошломъ году курсъ въ университетѣ и передъ оставленіемъ своей *almae matris* обратившихся къ предсѣдательствующему съ просьбой дать имъ въ будущемъ году возможность заняться разработкой обычнаго права. Предсѣдательствующій созвалъ собраніе магистрантовъ, большинство бывшихъ редакторовъ; на собраніи было рѣшено: каждый беретъ на себя волость, будетъ извлекать изъ книгъ рѣшеній волостныхъ судовъ тезисы, съ такимъ расчетомъ, чтобы къ исходу мая мѣсяца, свою волость за-

кончить; въ виду неизбежности немалого числа недоумѣній и сомнѣній при подобной работѣ, рѣшено было разъ въ мѣсяць собираться для ихъ обсужденія. Собранія эти, весьма оживленные и продолжительныя, показали, что успѣшность работы въ этой новой ея формѣ, вполне обеспечена. Тоже самое слѣдуетъ сказать о молодыхъ юристахъ, въ прошломъ году окончившихъ курсъ. На приглашеніе предсѣдательствующаго все они явились; не связывая себя никакими сроками, они рѣшили извлекать тезисы изъ книгъ, избраннаго каждымъ волостнаго суда; въ виду новизны дѣла рѣшено было собираться еженедѣльно для разрѣшенія недоумѣній. И эти собранія свидѣтельствуютъ, что интересъ къ обычному праву не угасъ въ молодыхъ юристахъ и по оставленіи ими школьной скамьи. Расширеніе организаціи работъ именно въ этой формѣ само собою напрашивается. Съ осени предполагается обратить на это особенное вниманіе.

Подводя итогъ сдѣланному, можно сказать, что за истекшій годъ значительно выяснились приемы разработки, да и работа подвинулась на столько, что вскорѣ можно будетъ приступить къ печатанію обобщенныхъ тезисовъ, извлеченныхъ изъ рѣшеній волостныхъ судовъ нѣсколькихъ уѣздовъ Ярославской губерніи и закончить извлеченіе тезисовъ по Нижегородской губерніи, уже имѣющихся въ большомъ числѣ въ распоряженіи Комитета.

Переходя къ сношеніямъ Комитета съ провинціальными обществами и дѣятелями, Комитетъ можетъ заявить, что онѣ даютъ полное основаніе надѣяться на успѣшное развитіе дѣла собранія юридическихъ обычаевъ. Комитетъ находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ двумя юридическими обществами—Ярославскимъ и Курскимъ. Съ Ярославскимъ обществомъ насъ нынѣ соединяетъ совмѣстная разработка обычнаго права Ярославской губерніи. Сношенія съ обществомъ начались и продолжаютъ благодаря дѣятельному участию секретаря Ярославскаго общества профессора С. П. Никонова. Много полезнаго комитетъ извлекъ изъ сочувственнаго отношенія къ его задачѣ, проявленнаго „патріархомъ русскихъ обычниковъ“ Е. И. Якушкинымъ. Оба эти лица, въ бытность ихъ въ Петербургѣ, много содѣйствовали установленію единообразія въ приѣмахъ предстоящей дѣятельности. Около нихъ, и присоединившагося къ нимъ профессора Э. Н. Берендтса въ Ярославлѣ сгруппировались сторонники обычнаго права. 28 ноября Ярославское общество, выслушавъ рѣчь С. П. Никонова „О современномъ движеніи въ дѣлѣ собранія юриди-

ческихъ обычаевъ“, избрало комисію для разработки вопроса о способахъ и средствахъ организаціи дѣла собиранія мѣстныхъ юридическихъ обычаевъ. Комисія пришла къ тому, что необходимо образованіе въ средѣ общества особой секціи обычнаго права. 6 февраля секція эта образована подъ предѣлательствомъ предѣлателя Ярославской ученой архивной комисіи проф. Э. А. Берендтса. Комитетъ выслалъ въ означенную комисію „Планъ организаціи“, образцы карточекъ и табличекъ, схему и программу г. Леонтьева. Ярославская секція, еще до полученія отвѣтовъ на программу, которая ею будетъ разслана мѣстнымъ дѣлателямъ, предполагаетъ сдѣлать опытъ изслѣдованія обычнаго права одной волости, примѣнивъ къ ней всѣ возможные способы изслѣдованія. Если имѣть въ виду, что въ составъ комисіи входитъ и Е. И. Якушкинъ, то весьма понятны наши ожиданія отъ этого опыта: мы ждемъ много для насъ поучительнаго и полезнаго въ смыслѣ установленія приѣмовъ изслѣдованія. Что касается Курскаго юридическаго общества, то и тамъ дѣло разработки обычнаго права стоитъ весьма прочно. Съ этимъ обществомъ Комитетъ вступилъ въ сношенія и поддерживаетъ ихъ при посредствѣ члена нашего и Курскаго общества А. А. Леонтьева, принимавшаго участіе въ засѣданіи комитета при разработкѣ „Доклада“ 14 апрѣля. Курское общество въ засѣданіи 29 апрѣля выслушало рѣчь А. А. Леонтьева „Объ организаціи дѣятельности С.-Петербургскаго юридическаго общества по изученію обычнаго права“, результатомъ чего было образованіе въ средѣ общества комитета обычнаго права, въ составъ котораго вошли два извѣстныхъ изслѣдователя обычнаго права: И. М. Тютрюмовъ (предѣлатель общества) и А. А. Леонтьевъ. Курскій комитетъ, кромѣ извлеченія тезисовъ изъ рѣшеній волостныхъ судовъ, своеобразно организуетъ примѣненіе программнаго способа (см. нашъ докладъ стр. 16). И Курскому обществу посланы программы и все необходимое для примѣненія выработанныхъ нами приѣмовъ разработки обычнаго права.—Кромѣ названныхъ двухъ обществъ комитетъ вступилъ въ сношеніе съ лицами, участвующими въ организаціи новыхъ обществъ, такъ сказать, съ будущими юридическими обществами: Харьковскимъ и Владикавказскимъ. Въ Харьковѣ организацію дѣла собиранія и разработки юридическихъ обычаевъ взялъ на себя глубокой знатокъ обычнаго права Н. С. Илларионовъ, авторъ извѣстной программы. Интересъ Харькова къ обычному праву уже успѣлъ себя проявить: по программѣ г. Илларионова, мѣстный губернскій статистическій коми-

гетъ собралъ богатый обычно-правовой матеріалъ и издалъ его (подъ редакціей секретаря комитета В. В. Иванова) въ двухъ выпускахъ подъ заглавіемъ „Обычное право крестьянъ Харьковской губерніи“. Слѣдовательно, одинъ изъ способовъ собиранія юридическихъ обычаевъ тамъ уже извѣданъ,—остальные, нами предложенные, будутъ и тамъ примѣнены. Ядро будущихъ изслѣдователей уже зародилось благодаря стараніямъ Н. С. Илларионова—около 50 лицъ, въ томъ числѣ и нѣсколько профессоровъ Харьковскаго университета, изъявили готовность, по открытіи мѣстнаго юридическаго общества, образовать отдѣленіе обычнаго права. Но еще до его учрежденія лица эти, съ г. Илларионовымъ во главѣ, избранные нашимъ обществомъ въ члены-сотрудники, организуютъ предстоящее имъ дѣло, при содѣйствіи мѣстнаго Статистическаго комитета. Недавно состоявшій переходъ А. А. Леонтьева въ Харьковъ еще болѣе обезпечиваетъ ростъ предпринятаго тамъ дѣла.—Во Владикавказѣ небольшой кружокъ мѣстныхъ юристовъ ходатайствуетъ объ учрежденіи юридическаго общества, причемъ до учрежденія общества желаетъ заняться, пользуясь нашими приѣмами, собираніемъ и разработкой обычнаго права. Кружокъ, по словамъ бывшаго здѣсь, представителя его, избраннаго нашимъ обществомъ членомъ-сотрудникомъ, Б. К. Долгата, предполагаетъ, въ виду ближайшей задачи отдѣленія, начать собираніе обычаевъ, стойкаго въ старинѣ, казачества Терской области.

Переходя къ отдѣльнымъ лицамъ, съ которыми Комитетъ вступилъ въ сношенія, и не желая увеличивать размѣръ доклада перечисленіемъ всѣхъ ихъ, комитетъ ограничивается указаніемъ на тѣхъ изъ нихъ, которые уже потрудились въ области собиранія юридическихъ обычаевъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1880 году, три юриста, проникнутые сознаніемъ важности собиранія обычаевъ, А. А. Савельевъ (авторъ цѣнныхъ статей по обычному праву), Б. А. Комаровъ и Ф. П. Сологубъ, принялись за ту же работу, которая черезъ 20 безъ малаго лѣтъ была признана нашимъ обществомъ столь необходимою и цѣлесообразною: они, благодаря содѣйствію тогдашняго Губернатора Генерала Безака и секретаря статистическаго комитета, покойнаго извѣстнаго мѣстнаго изслѣдователя, А. С. Гацисскаго, воспользовались книгами рѣшеній волостныхъ судовъ пяти уѣздовъ Нижегородской губерніи съ 1868 по 1880 г. и извлекли изъ нихъ болѣе 10000 тезисовъ. Всѣ эти тезисы цѣлы и находятся уже въ нашемъ распоряженіи. Комитетъ.

Црип. I Труды СПб. Юрид. Общ.

тетъ предложилъ г. Савельеву, избранному членомъ-сотрудникомъ нашего общества, образовать въ Нижнемъ-Новгородѣ кружокъ лицъ, который могъ бы продолжать начатое дѣло. Г. Савельевъ, обремененный множествомъ занятій, не призналъ возможнымъ стать во главѣ кружка, но выразилъ готовность вступить въ переговоры съ мѣстными дѣятелями. Доставленные г. Савельевымъ тезисы приводятся въ порядокъ и если бы г. Савельеву не удалось собрать кружокъ лицъ для совершенія начатой работы, то она будетъ окончена Комитетомъ. Нельзя, наконецъ, не упомянуть, что въ письмахъ своихъ г. Савельевъ далъ рядъ весьма цѣнныхъ опытныхъ указаній; между прочимъ, по его мнѣнію, дѣло разработки обычаевъ могло бы быть сосредоточено въ мѣстной ученой Архивной Коммисіи; такое указаніе важно уже потому что исходить отъ Предсѣдателя Коммисіи, каковымъ состоитъ г. Савельевъ. Это указаніе совпадаетъ съ предложеніемъ члена-сотрудника нашего общества В. А. Шефферлинга, секретаря Рязанской ученой Архивной Коммисіи. Г. Шефферлингъ сообщаетъ къ тому же, что въ Архивѣ Коммисіи хранится масса книгъ рѣшеній волостныхъ судовъ Рязанской губерніи. По его просьбѣ ему посланы „Планъ“, программы, схема, карточки и таблички, и онъ, въ сообществѣ съ другими лицами, вѣроятно, уже принялся за работу. Въ тѣхъ же видахъ совмѣстной и единообразной дѣятельности, Комитетъ вступилъ въ сношенія съ секретаремъ Ковенскаго Статистическаго Комитета К. П. Гувовскимъ, обязательно доставившимъ семь своихъ поуѣздныхъ изслѣдованій обычнаго права Ковенской губерніи, основанныхъ, главнымъ образомъ, на рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ, и съ Валдайскимъ уѣзднымъ членомъ Новгородскаго Окружнаго Суда, членомъ-сотрудникомъ нашего общества И. І. Коргановымъ, принявшимъ обслѣдованіе обычнаго права путемъ разсылки всѣмъ земскимъ начальникамъ уѣзда составленныхъ имъ табличекъ для пополненія ихъ извлеченіями изъ рѣшеній волостныхъ судовъ. Упомянутымъ лицомъ сообщены выработанныя нами приемы разработки, и г. Коргановъ періодически сообщаетъ намъ копіи своихъ пополненныхъ табличекъ.

Наконецъ, нельзя не упомянуть о почиѣ, сдѣланномъ въ дѣлѣ собиранія нормъ обычнаго права Вѣжецкимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ. Въ засѣданіи 10 октября собраніе возбудило ходатайство передъ губернскимъ земствомъ о принятіи мѣръ къ обслѣдованію и систематизаціи мѣстныхъ юридическихъ обычаевъ. Въ мотивахъ этого ходатайства указывается,

что одной из причин низкаго уровня благосостоянія крестьянъ является неопредѣленность правоотношеній въ ихъ средѣ; неопредѣленность эта можетъ быть устранена кодексомъ законовъ для крестьянъ, кодексъ же не можетъ быть составленъ безъ предварительнаго собранія и систематизаціи нормъ обычнаго права. Объ этой то предварительной работѣ и ходатайствуетъ Вѣжецкое земство предъ губернскимъ собраніемъ, предлагая войти въ сношеніе съ нашимъ отдѣленіемъ и обезпечивая намъ полное личное и матеріальное содѣйствіе. Каковъ былъ исходъ этого ходатайства, пока намъ неизвѣстно.

Таковы данныя за первый годъ дѣятельности Редакціоннаго Комитета отдѣленія обычнаго права. Если смотрѣть на нихъ какъ на фундаментъ будущей постройки, то въ прочности его и въ устойчивости зданія, едва ли можетъ быть сомнѣніе. Просвѣщенное содѣйствіе представителей высшихъ сферъ управленія, дѣятельное сочувствіе мѣстныхъ органовъ, энергичная дѣятельность лицъ уже испытавшихъ свои силы въ данной области, безкорыстный и самоотверженный трудъ будущихъ представителей науки и практики и учащейся молодежи, все это тѣ камни, крѣпко сдѣланные сознаниемъ общей пользы, изъ которыхъ сложенъ фундаментъ возводимаго зданія. Въ центрѣ строителей стоитъ Редакціонный Комитетъ. Онъ глубоко сознаетъ всю трудность и обширность руководимаго имъ дѣла, но та ободряющая, даже воодушевляющая обстановка, въ которую онъ поставленъ, можетъ послужить для него обильнымъ источникомъ энергіи.

Приложенія: 1) Схема обычнаго права. 2) Программа для собранія свѣдѣній объ обычномъ правѣ крестьянъ. А. А. Леонтьевъ. 3) Таблички (5 ф.) и 4) Карточки (9 ф.)

СХЕМА ОБЫЧНАГО ПРАВА.

Гражданское право.

I. Вещное право.

Способы приобрѣтенія права собственности

1. Давность.
2. Находка.
3. Кладъ.
4. Ловля (птиць, рыбы, пчель, звѣрей).

Ограниченія права собственности

5. Общественныя (въ интересахъ общины и т. п.).
6. Родовыя (родовое имущество и т. п.).
7. Сосѣдскія (сервитуты).
8. Укрѣпленіе права собственности (знаки, клейма и т. п.).
9. Совмѣстное владѣніе и пользованіе (не семейныя).
10. Общинное владѣніе.
11. Подворное владѣніе.
12. Четвертное владѣніе.

II. Обязательства.

13. Формы обязательствъ (акты, бирки, рукобитіе и т. д.)
14. Исполненіе обязательствъ (отерочки, просрочки, способъ исполненія и т. д.)

Обезпеченіе обязательствъ

15. Неустойка.
16. Поручительство.
17. Задатокъ (и „барышки“)
18. Залогъ.
19. Самовольное обезпеченіе (удержаніе, задержаніе, отобраніе).

Недѣйствительность обязательствъ

20. Несовершеннолѣтіе.
21. Принужденіе.
22. Опьяненіе.
23. Обманъ.
24. Недозволенное содержаніе.
25. Ошибка.

Виды обязательствъ.

26. Дареніе.
27. Мѣна.
28. Купля-продажа.
29. Наемъ имущества.
30. Заемъ.
31. Личный наемъ.
32. Наемъ пастуха.
33. Подрядъ.
34. Порученіе.
35. Поклажа.
36. Артель и другія товарищества.
37. Страхованіе.

Обязательства изъ неправомѣрныхъ дѣйствій

38. Неправое владѣніе (завладѣніе, кража, присвоеніе и т. д.).
39. Неправое пользованіе (засѣвъ, порубка, косьба чужаго поля и т. д.).
40. Потрава.
41. Поврежденіе чужаго имущества.
42. Личныя обиды.
43. Обязательства изъ другихъ неправомѣрныхъ дѣйствій.

III. Семейное право.

Предбрачные договоры

44. Обеспеченіе сговора.
45. Кладба.
46. Приданое.
47. Отказъ отъ вступленія въ бракъ.

Отношеніе супруговъ.

48. Личныя отношенія с.
49. Имущественныя отношенія с.

Отношенія родителей и дѣтей (законныхъ и незаконныхъ и членовъ, принятыхъ въ семью на правахъ дѣтей).

50. Личныя отношенія р. и д.

51. Имущественныя отношенія р. и д.

Отношенія членовъ семьи.

52. Личныя отношенія ч. с.

53. Имущественныя отношенія ч. с.

54. Семейныя раздѣлы, отдѣлы и выдѣлы.

55. Опека.

IV. Наслѣдственное право.

56. Наслѣдованіе по завѣщанію.

Наслѣдованіе по обычаю.

57. Общіе вопросы (отвѣтственность за долги, отреченіе, выморочность и др.).

58. Нисходящихъ.

59. Восходящихъ.

60. Боковыхъ.

61. Супруговъ.

62. Незаконнорожденныхъ.

63. Усыновленныхъ и усыновителей.

64. Пасынковъ и падчерицъ, вотчимовъ и мачихъ.

65. Снохи.

66. Зятя-взявня.

67. Раздѣлы наслѣдства.

Судопроизводство.

68. Вѣдомство волостнаго суда.

69. Третейскіе (и спеціальные) суды.

70. Искъ (форма, давность и пр.)

71. Возбужденіе преслѣдованія.

72. Вызовъ на судъ.

73. Представительство.

74. Неявка.

75. Разбирательство (возраженіе, встрѣчный искъ, третьи лица, отводъ судей и т. д.).

76. Примиреніе.

Доказательства

77. Признаніе

78. Присяга.
79. Божба.
80. Свидѣтели.
81. Окольные люди (общество).
82. Документы.
83. Осмотры.
84. Жребій.
85. Грѣхъ пополамъ.
86. Рѣшеніе и приговоръ.
87. Послѣдствія неправильнаго обвиненія и иска.
88. Обжалованіе (новое разбирательство).
89. Исполненіе рѣшеній и приговоровъ.

Уголовное право.

I. Преступленіе.

Субъектъ преступленія

90. Малолѣтство.
91. Дряхлость.
92. Состояніе опьяненія.
93. Идіотство.

Объектъ преступленія

94. Исполненіе закона, приказа и обязанности.
95. Осуществленіе права.
96. Необходимая оборона.
97. Согласіе пострадавшаго

Преступное дѣйствіе

98. Умыселъ.
99. Неосторожность.
100. Случай.
101. Фактическое заблужденіе.
102. Принужденіе.
103. Крайняя необходимость.
104. Соучастіе.
105. Прикосновенность.
106. Отвѣтственность третьихъ лицъ (мужа за жену, родителей за дѣтей).

II. Наказаніе.

Размѣръ наказанія.

107. Признаніе.

108. Хорошее поведеніе и особенныя заслуги.
109. Несовершеннолѣтіе.
110. Запальчивость.
111. Болѣзненные состоянія.
112. Бѣдность.
113. Совокупность проступковъ.
114. Рецидивъ.
115. Запирательство на судѣ.
116. Дурной характеръ виновнаго.
117. Особыя отношенія къ потерпѣвшему.

Отмѣна наказанія.

118. Смерть виновника.
119. Давность.
120. Примиреніе.
121. Прощеніе (судомъ и потерпѣвшимъ).

Виды наказаній.

122. Розги.
123. Арестъ.
124. Удаленіе изъ селенія.
125. Водвореніе на мѣстожительство.
126. Осрамительныя наказанія.
127. Присужденіе къ испрошенію прощенія.
128. Исклученіе изъ числа выборныхъ на сходѣ.
129. Записка въ штрафную книгу.
130. Денежныя взысканія.
131. Общественныя работы.
132. Отдача въ частныя заработки.
133. Поручительство.
134. Выговоръ, замѣчаніе, внушеніе.
135. Предостереженіе.
136. Отобраніе подписки о прекращеніи преступной дѣятельности.
137. Оставленіе въ подозрѣніи.

III. Особенная часть.

Преступленія личныя

138. Неоказанія помощи при несчастіи.
139. Нанесеніе побоевъ.
140. Угрозы.
141. Насиліе и самоуправство.

142. Обида словомъ и дѣйствиємъ.
143. Клевета.
144. Непочтеніе, дерзость и грубость къ старшимъ.
145. Обольщеніе.

Преступленія имущественныя

146. Кража и укрывательство краденаго.
147. Мошенничество.
148. Присвоеніе и растрата ввѣреннаго.
149. Присвоеніе находки.
150. Самовольное пользованіе чужимъ имуществомъ.
151. Самовольная порубка.
152. Самовольное распоряженіе имуществомъ (отчужденіе земельнаго участка).
153. Поврежденіе чужой собственности.

Преступленія противъ порядка управленія.

154. Неисполненіе обязательныхъ постановленій схода.
155. Принесеніе напрасныхъ жалобъ.
156. Ложное показаніе свидѣтелей.

Преступленія противъ общественнаго благоустройства и благочинія.

157. Буйство.
158. Непристойность въ словахъ и поступкахъ.
159. Распутство.
160. Пьянство.
161. Нищенство.
162. Нерадѣніе къ хозяйству.

Проступки противъ союза родственнаго

163. Непослушаніе къ родителямъ.
164. Отказъ родителямъ въ пищѣ, одеждѣ и помощи.
165. Нарушеніе семейной тишины и спокойствія.

Нарушеніе правилъ о пожарахъ и строеніяхъ

166. Неосторожное обращеніе съ огнемъ.
167. Производство строеній безъ разрѣшенія начальства.

Проступки противъ общественнаго здоровья

168. Распространеніе заразительныхъ болѣзней.
-

ПРОГРАММА ДЛЯ СОБИРАНИЯ СВѢДѢНІЙ ОВЪ ОБЫЧНОМЪ
ПРАВѢ КРЕСТЬЯНЪ.

Составилъ А. А. Леонтьевъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая программа составлена съ цѣлью дать по возможности краткій сборникъ изложенныхъ въ систематическомъ порядкѣ вопросовъ по гражданскому обычному праву крестьянъ. Русская литература обладаетъ прекрасно составленными программами обычного права, которыя дѣлаютъ излишними трудъ самостоятельнаго редактированія большинства вопросовъ. Но большинство этихъ программъ слишкомъ обширны для осуществленія той цѣли, которую желательно было-бы достигнуть: собрать матеріалъ по обычному праву по возможности повсемѣстно.

Для этой цѣли является необходимымъ составить такую программу, которая, обнимая все содержаніе гражданского обычного права, не пугала бы лицъ, готовыхъ отвѣтить на нее, слишкомъ большимъ числомъ вопросовъ и слишкомъ большой детальностью ихъ и тѣмъ давала-бы возможность привлечь къ участию въ отвѣтахъ наиболѣе широкій кругъ изслѣдователей.

Такимъ образомъ, составленная программа не исключаетъ пользования другими болѣе подробными программами со стороны лицъ, специально изучающихъ обычное право. Но опытъ показалъ, что такія программы не могутъ вызвать многочисленныхъ отвѣтовъ; а для вышеупомянутой цѣли необходимо громадное число отвѣтовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ для этой цѣли существеннымъ являются отвѣты, относящіеся къ основнымъ особенностямъ обычного права.

При всей цѣнности детальныхъ изслѣдованій обычного права,

нельзя ожидать, чтобы они охватили обширный районъ, а тѣмъ болѣе, чтобы они охватили все пространство нашей родины, заселенное русскимъ крестьянствомъ.

Въ своей работѣ мы руководствовались главнымъ образомъ „Программою для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ“ П. Матвѣева, извлеченіемъ, сдѣланнымъ изъ нея Н. С. Илларионовымъ и „Опытомъ программы изслѣдованія поземельной общины“, составленномъ комиссіей при Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ (Спб. 1878 г.). Эти программы намъ показались наиболѣе удовлетворительными, такъ какъ въ нихъ обращено главное вниманіе на юридическую сторону обычнаго права.

Прекрасно составленная программа Н. Н. Харузина, напечатанная по порученію Императорскаго Общества любителей естествознанія (М. 1887 г.), мало пригодна для указанной цѣли, вслѣдствіе своей излишней детальности и преобладанію этнографической точки зрѣнія надъ юридической. Конечно, мы отнеслись къ указаннымъ программамъ гг. Матвѣева, Илларионова и программѣ по общинѣ Географическаго Общества критически, выбросивъ изъ нихъ излишнія, на нашъ взглядъ, подробности и безразличные съ юридической точки зрѣнія вопросы и дополнивъ ихъ новыми вопросами, которые вызваны современнымъ состояніемъ литературы по обычному праву.

Между прочимъ, мы нашли нужнымъ включить вопросы по общинѣ въ систему гражданскаго права, значительно увеличивъ число вопросовъ по ней сравнительно съ программами гг. Матвѣева и Илларионова въ виду важности этого института для законодательства и судебной практики.

Кромѣ того, мы старались рѣзко раздѣлить обычай, касающіеся наследственнаго права отъ обычаевъ, связанныхъ съ общей семейной собственностью и ея раздѣломъ. Эти два института обычнаго права, покоящіеся на совершенно противоположныхъ основаніяхъ, часто смѣшиваются изслѣдователями и программы гг. Матвѣева и Илларионова, не дѣлая достаточнаго раздѣленія въ вопросахъ, касающихся этихъ двухъ институтовъ, способствуютъ ихъ смѣшенію въ отвѣтахъ. Между тѣмъ, для правильнаго обобщенія институтовъ обычнаго права и для правильнаго усвоенія природы общей семейной собственности, столь распространенной среди русскаго крестьянства, весьма важно обратить вниманіе изслѣдователей на указанное различіе.

Программа

для СОБИРАНИЯ СВДВННЙ ОБЪ ОБЫЧНОМЪ ПРАВЪ КРЕСТЬЯНЪ.

I. Общія свѣдѣнія.

Названіе губерніи, уѣзда, волости.

Національность и разрядъ крестьянъ.

Занятія крестьянъ (исключительно хлѣбопашество или другія промыслы и какіе именно).

II. Право семейственное и наслѣдственное.

A. Брачное право.

1. Какія условія (письменныя и словесныя) заключаются предъ вступленіемъ въ бракъ относительно имущества (дарахъ, свадебныхъ расходахъ, приданомъ, вкладкѣ)? Если условія такія совершаются, то каково ихъ обычное содержаніе и кто ихъ заключаетъ: сами брачующіеся или ихъ родители, или домохозяйева, т. е. старшіе представители семейнаго союза въ томъ случаѣ, если родители жениха или невѣсты не являются старшими.

2. Какова имущественная отвѣтственность и на кого она падаетъ: на участниковъ сговора, или на брачующихся въ случаѣ отказа отъ брака?

3. Если женихъ или его родители уплачиваютъ невѣстѣ или ея семьѣ извѣстное имущество (кладва, калымъ), то въ чемъ оно обыкновенно состоитъ и кому поступаетъ въ собственность, т. е. самой невѣстѣ или ея семьѣ, или хозяину дома, или матери ея, братьямъ, сестрамъ?

4. Какова судьба приданаго во время брака, т. е. поступаетъ ли оно въ общую собственность мужа и жены или въ исключительную собственность мужа или жены? Какова судьба приданаго при семейныхъ раздѣлахъ, т. е. считается-ли общимъ имуществомъ всей сложной семьи или исключительной собственностью естественной, малой семьи, отдѣляющейся отъ большой? Какова судьба приданаго при раздѣльномъ жительствѣ мужа и жены?

5. Въ какихъ случаяхъ мужъ переходитъ на жительство къ женѣ (влазень) и каковы въ этихъ случаяхъ его права въ имуществѣ жены или тестя?

Б. Юридическое положеніе членовъ семьи.

6. Живутъ ли крестьяне естественными семьями, состоящими изъ родителей и дѣтей или болѣе обширными семейными союзами, т. е. отца съ взрослыми женатыми сыновьями и внуками, дяди съ племянниками и т. д.? Если есть большіе семейные союзы, ведущіе общее хозяйство, то описать составъ двухъ, трехъ такихъ союзовъ.

7. Въ большихъ семьяхъ всѣ ли члены родственники или есть и чужіе?

8. Бывали-ли случаи соединенія двухъ семей въ одну (договорная семья), каковы отношенія членовъ такой семьи?

9. Какъ называются старшіе въ семьѣ, руководящіе хозяйствомъ? Кому принадлежитъ это старшинство, всегда ли старшему въ родѣ или нѣтъ? Каковы права старшаго (домохозяйина) по отношенію къ лицамъ составляющимъ семью и по отношенію къ семейному имуществу? Что обыкновенно считается личною собственностью домохозяйина и что общимъ семейнымъ имуществомъ? Одинаково-ли право единоличнаго распоряженія семейнымъ имуществомъ со стороны старшаго по отношенію ко всякому имуществу (движимому и недвижимому, надѣльной и приобрѣтенной землѣ)? Входитъ-ли въ право старшаго въ семьѣ распоряжаться семейнымъ имуществомъ и право отчуждать его? Въ какихъ случаяхъ распоряженіе старшаго въ семьѣ по имуществу ограничивается соглашеніемъ съ другими членами семьи?

10. Каковы права младшихъ членовъ семьи по отношенію къ семейному имуществу? Имѣютъ ли они право вмѣшиваться въ распоряженія главы семьи и въ какихъ случаяхъ? Одинаковы ли въ этомъ отношеніи права всѣхъ младшихъ членовъ семьи или различны (по возрасту, полу, семейному положенію, т. е. холостыхъ и женатыхъ, по степени родства съ главой семьи и т. п.)?

11. При общемъ семейномъ имуществѣ младшіе члены семьи могутъ ли имѣть какое либо имущество въ личную собственность и какое именно (даръ, находка, наслѣдство, заработокъ)? Въ какихъ случаяхъ заработокъ члена семьи идетъ въ личную его собственность (напр. пряжа женщинъ и т. п.)?

12. При общемъ семейномъ имуществѣ имѣютъ ли право члены семьи и въ какихъ случаяхъ смѣстить главу семьи, вслѣдствіе его пьянства, распутной жизни, обращенія имущества въ свою личную пользу и т. п. и какимъ образомъ?

13. Не проводится ли при общемъ семейномъ имуществѣ различія между случаями когда главою семьи является отецъ и когда имъ является другой членъ семьи?

14. Какимъ образомъ передается власть главы семьи при общемъ семейномъ имуществѣ послѣ смерти старшаго въ родѣ, т. е. по старшинству въ лѣтахъ или родства или по избранію?

15. Вызываетъ ли смерть или смѣна главы семьи при общемъ имуществѣ какое либо измѣненіе въ правахъ и обязанностяхъ членовъ остающихся въ общемъ хозяйствѣ?

16. Какая доля власти въ семьѣ при общемъ семейномъ имуществѣ принадлежитъ женѣ главы семьи при его жизни и послѣ смерти? Въ чемъ проявляется эта власть по отношенію къ личности младшихъ членовъ семьи и по отношенію къ имуществу семьи?

17. Какова отвѣтственность при общемъ семейномъ имуществѣ семьи за долги отдѣльныхъ членовъ ея? Отвѣчаетъ ли семья всею своимъ имуществомъ за долгъ члена или въ размѣрѣ части (идеальной), которая причитается изъ общаго имущества данному члену?

18. Какое положеніе при общемъ семейномъ имуществѣ въ отношеніи къ правамъ по имуществу въ семьѣ имѣютъ приемыши, усыновленные, незаконнорожденные?

19. Кто можетъ усыновлять при общемъ семейномъ имуществѣ, только ли старшій въ семьѣ или всякій женатый членъ семьи?

20. Приемъ въ зятя составляетъ ли вмѣстѣ съ тѣмъ и фактъ усыновленія или нѣтъ? и если нѣтъ то въ чемъ разница между такимъ зятемъ и усыновленнымъ? Усыновляются ли только лица мужскаго пола или и женскаго, только ли малолѣтніе или и совершеннолѣтніе? Существуетъ ли условіе разницы лѣтъ между усыновителемъ и усыновляемымъ или нѣтъ? Требуется ли для усыновленія отсутствіе своихъ дѣтей, хотя бы отсутствіе дѣтей мужскаго пола или нѣтъ?

В. Семейные раздѣлы.

21. Какимъ образомъ совершаются раздѣлы семьи вообще и въ частности отдѣленіе сыновей отъ родителей? Часты ли раздѣлы безъ согласія схода?

22. На какихъ основаніяхъ производится раздѣлъ семейнаго имущества? Дѣлится ли оно поровну, по числу образующихся по-

выхъ хозяйствъ или въ сложныхъ семьяхъ поколѣнно или еще какимъ либо образомъ, напр. по ѣдакамъ, по ревизскимъ душамъ? Одинаковы ли правила и порядоки раздѣла при жизни отца, главы семьи, и послѣ его смерти, по волѣ хозяина дома и противъ него? Доля главы семьи равна долѣ другихъ членовъ или больше и насколько?

23. Измѣняются ли правила раздѣла по роду дѣлимаго имущества (движимость, усадьбы, полевая земля)? Берется ли во вниманіе при дѣлежѣ кто больше трудился?

24. Имѣютъ ли право младшіе члены семьи требовать раздѣла или выдѣла и въ какихъ случаяхъ? Имѣетъ ли право отецъ въ малыхъ семьяхъ и глава семьи въ сложныхъ семьяхъ выгнать члена семьи изъ дому и не дать ему при этомъ ничего изъ общаго семейнаго имущества?

25. Что получаютъ при раздѣлѣ лица женскаго пола: вдова главы семьи, вдова младшаго члена семьи, дѣвушки? Кто обязанъ содержать ихъ, если онѣ не отдѣляются въ особое хозяйство?

26. Считается ли причиной частнаго семейнаго раздѣла смерть женатаго младшаго члена семьи? Что получаетъ въ этомъ случаѣ изъ общаго семейнаго имущества вдова такого члена семьи, если она имѣетъ дѣтей мужскаго пола, если она имѣетъ дѣтей только женскаго пола и если она совсѣмъ бездѣтна?

27. Всегда ли смерть главы является поводомъ для семейнаго раздѣла? Не было ли случаевъ, что основаніемъ семейнаго раздѣла служило духовное завѣщаніе главы, въ которомъ указывались бы кто на что имѣлъ право при его жизни?

Г. Наслѣдственное право.

Примѣчаніе. При отвѣтахъ на вопросы по наслѣдственному праву слѣдуетъ помнить, что наслѣдственное право предполагаетъ индивидуальную собственность. По этому тамъ, гдѣ существуетъ общая семейная собственность, гдѣ глава семьи является только распорядителемъ общей семейной собственности, а не индивидуальнымъ собственникомъ семейнаго имущества, тамъ послѣ смерти главы семьи судьба семейнаго имущества зависитъ не отъ наслѣдственнаго права, а отъ правилъ семейнаго раздѣла и слѣдовательно обычаи, опредѣляющіе переходъ и распредѣленіе семейнаго имущества послѣ смерти такого главы семьи должны послужить матеріаломъ для отвѣтовъ на вышеприведенные вопросы о семейныхъ раздѣлахъ.

При наличности общаго семейнаго имущества наслѣдственное право можетъ опредѣлять только посмертный переходъ того имущества, которое считается индивидуальной собственностью даннаго члена семьи, напр. *rescriptum*, приданое и проч., а также переходъ семейнаго имущества въ другія семьи, если всѣ члены

семьи умерли, или если семья состояла только из мужа и жены, если мѣстные обычаи опредѣляютъ переходъ имущества такой одинокой семьи послѣ смерти мужа въ другія родственныя семьи братьевъ мужа или другихъ родственниковъ.

Если же въ данной мѣстности, семейное имущество не считается общимъ, а является индивидуальной собственностью главы семьи, тамъ судьба имущества послѣ смерти такого главы семьи, конечно, опредѣляется обычаями наслѣдованія.

28. Порядокъ наслѣдованія послѣ смерти отца-домохозяина и порядокъ раздѣла послѣ смерти отца-распорядителя семейнаго имущества одинаковы или различны?

29. Какими обычаями въ данной мѣстности опредѣляется порядокъ наслѣдованія нисходящаго потомства? Дѣлится ли имущество поровну между всѣми дѣтьми наслѣдователя независимо отъ пола или существуетъ различіе между правомъ наслѣдованія сыновей и дочерей и въ чемъ это различіе заключается? Обусловливается ли это различіе родомъ наслѣдственнаго имущества (движимость, земля) или не зависитъ отъ рода имущества? Одинаковы ли обычаи въ наслѣдованіи нисходящаго потомства послѣ отца и послѣ матери?

30. Наслѣдуютъ ли родители послѣ умершихъ безпотомственно отдѣленныхъ дѣтей и дѣлается ли при этомъ различіе въ имуществѣ, полученномъ этими дѣтьми отъ родителей и приобрѣтенномъ ими самими?

31. Наслѣдуютъ ли между собой супруги и въ какомъ именно имуществѣ? Какъ наслѣдуютъ бездѣтные супруги одинъ послѣ другаго, и какую долю они получаютъ? Получаетъ ли жена часть имѣнія, причитающагося умершему мужу отъ свекра, а мужъ послѣ смерти жены отъ тестя? Какое вліяніе на эти права имѣетъ вторичный бракъ? Какъ поступаютъ съ имуществомъ отдѣленнаго сына, оставившаго жену безъ дѣтей, при жизни отца покойнаго и послѣ его смерти? Жена, послѣ смерти мужа, до совершеннолѣтія дѣтей, остается ли полною хозяйкою въ семьѣ или по наступленіи совершеннолѣтія и женитьбы сыновей теряетъ свои права или можетъ при желаніи сохранить ихъ до своей смерти?

32. Если у наслѣдователя нѣтъ нисходящаго потомства, то наслѣдуютъ ли послѣ него родственники въ боковыхъ линіяхъ, въ какомъ порядкѣ и до какой степени родства?

33. По смерти жены кому поступаетъ приданое при наличности дѣтей и при ихъ отсутствіи? Имѣетъ ли значеніе время, проведенное въ бракѣ для судьбы приданнаго, т. е. при разрѣшеніи вопроса о томъ слѣдуетъ ли приданое оставить у бездѣтнаго мужа или возвратить родителямъ жены?

34. Какое значеніе въ крестьянскомъ быту имѣють духовныя завѣщанія? Какой порядокъ ихъ совершенія (словесныя или письменныя)? Какое имущество можетъ быть предметомъ завѣщательныхъ распоряженій? Въ какихъ случаяхъ совершается духовное завѣщаніе и всегда ли оно обязательно для наслѣдниковъ?

35. Какое участіе имѣетъ въ порядкѣ наслѣдованія община при общинномъ землевладѣніи?

Д. Опекa и попечительство.

36. Какое значеніе имѣють въ крестьянскомъ быту опека и попечительство, т. е. кто по обычаю, по смерти одного или обоихъ родителей вступаетъ въ ихъ права какъ въ отношеніи къ попеченію о личности дѣтей, такъ и въ отношеніи къ попеченію объ ихъ имуществѣ? Есть ли различіе въ назначеніи опекуновъ въ большой и малой семьѣ? Считается ли мать естественной опекушкой своихъ дѣтей и не теряетъ ли она этого права при выходѣ вторично замужъ? Считается ли естественнымъ опекуномъ старшій братъ, живущій въ одной семьѣ съ опекаемымъ? Дѣлается ли различіе при выборѣ опекуновъ между сиротами мальчиками и дѣвочками? Какое вознагражденіе получаетъ опекунъ за завѣдываніе имуществомъ опекаемыхъ? Какъ получаетъ онъ это имущество въ свое завѣдываніе и вообще каковы охранительныя мѣры, принимаемыя по отношенію къ имуществу малолѣтнихъ наслѣдниковъ?

37. Какое участіе принимаетъ община въ отношеніи къ сиротамъ, оставшимся послѣ смерти ихъ родителей безъ призрѣнія? Можетъ ли мѣръ, въ случаѣ нежеланія принять добровольно на себя воспитаніе сиротъ, обязать къ тому кого либо и на какихъ условіяхъ? Каковъ контроль мѣра надъ опекунами? Всегда ли опекунами назначаются ближайшіе родственники малолѣтнихъ или назначеніе ихъ даже при существованіи ближайшихъ родственниковъ безусловно зависитъ отъ мѣра?

38. Какихъ лѣтъ сироты мужскаго и женскаго пола вступаютъ въ свои права по имуществу? Вступленіемъ въ бракъ опекаемаго прекращается-ли опека? Какимъ порядкомъ опекаемые, получивъ право распоряженія своимъ имуществомъ получаютъ его отъ опекуновъ? Можетъ-ли онъ потребовать отъ опекуна отчетъ и взыскивать за растрату? Учреждается-ли опека надъ стариками, больными, сумасшедшими и расточителями?

III. Право вещное.

39. Раздѣляютъ ли крестьяне имущество на недвижимое и движимое и нѣтъ ли у народа названія для тѣхъ и другихъ (движимость, животь, добро и проч.)? Знаетъ ли народъ дѣленіе имущества на родовое и благопріобрѣтенное и какъ ихъ называютъ (коренное, отцовщина, материзна, дѣдовщина и пр.).

40. Ясно ли крестьяне различаютъ собственность отъ владѣнія и пользованія имуществомъ? Какъ называютъ они собственность (собина, вотчина, вотчинникъ)? Различаютъ ли они надѣльные земли отъ пріобрѣтенныхъ въ собственность куплей?

41. Кто имѣетъ право искать влады? Кому принадлежитъ найденный кладъ, одному ли нашедшему или собственнику земли, или тому и другому и въ какой части?

42. Кому принадлежитъ находка? Обязанъ ли нашедшій заявить о находкѣ? Какое вознагражденіе получаетъ нашедшій? Каковъ взглядъ крестьянъ на находку домашнихъ животныхъ, домашнихъ птицъ, голубей, улетѣвшихъ пчелиныхъ роевъ и т. п.? Какія отношенія устанавливаются между нашедшимъ и хозяиномъ? Всегда ли хозяинъ можетъ требовать возвращенія ему находки? Можетъ ли нашедшій требовать вознагражденія за храненіе находки?

43. Если кто построить на чужой землѣ или посѣть, то кому принадлежитъ строеніе, посѣвъ, посадка? Если собственнику земли, то обязанъ ли онъ и въ какой мѣрѣ вознаградить за матеріалъ и трудъ?

44. Каковы правила сосѣдскихъ отношеній? Имѣетъ ли право хозяинъ дома требовать, чтобы сосѣдъ его не дѣлалъ оконъ на его дворъ, не лилъ къ нему во дворъ воды, не дѣлалъ ската кровли и т. д.? Не имѣютъ ли право сосѣди прислонять свои постройки къ сосѣднымъ постройкамъ?

45. Кому принадлежатъ деревья, растущія на самой межѣ и не составляютъ ли общую собственность сосѣдей? Долженъ ли владѣлецъ терпѣть вѣтви сосѣдскаго дерева, свѣсившіяся на его землю или корни такого дерева, проросшіе въ землю или вправѣ обрубить ихъ? Кому принадлежитъ право пользоваться плодами съ вѣтвей, свѣсившихся на чужую землю?

46. Какія существуютъ у крестьянъ правила относительно поднятія воды и подтопа чужихъ полей, луговъ и проч. при устройствѣ платины или мельницы? Имѣетъ ли право хозяинъ одного

берега рѣки примыкать свою плотину къ берегу другаго хозяина безъ согласія этого послѣдняго?

47. Какія у крестьянъ существуютъ правила относительно прохода и проѣзда по большимъ и малымъ дорогамъ, улицамъ, проулкамъ, по чужимъ полямъ, а также водянымъ сообщеніямъ, какъ общественнымъ, такъ и частнымъ?

48. Какія существуютъ обычаи относительно водопоевъ въ чужой рѣкѣ, пастбищъ на чужой землѣ и относительно прогона скота? Какія наблюдаются правила относительно пользованія лѣсомъ въ чужихъ дачахъ, по праву вѣзда (для пользованія дровами, валежникомъ, ягодами, бортными ухажьями и проч.)? Какія существуютъ правила пользованія водой изъ чужихъ колодезъ, пользованія общими канавамъ, орошающими земли нѣсколькихъ владѣльцевъ, подземными водами, протекающими подъ землей нѣсколькихъ владѣльцевъ?

А. Общинное владѣніе.

49. Существуетъ ли въ данной мѣстности общинное владѣніе земель и въ какихъ именно селеніяхъ?

50. Если существуетъ, то совпадаютъ ли границы общиннаго землевладѣнія съ границами земель сельскихъ обществъ или нѣтъ?

51. Какія угодья въ общинѣ (усадыбы, пашни, луга, выгоны, лѣса и проч.) подвергаются періодическимъ передѣламъ и какія находятся въ постоянномъ общемъ пользованіи? Есть ли, наконецъ, такія угодья, которыя находятся въ постоянномъ пользованіи отдѣльныхъ членовъ общины?

52. Бываютъ-ли общіе коренные передѣлы полей, т. е. такіе, которые сопровождаются ломкой межъ и перераспредѣленіемъ земли (напр. по наличнымъ душамъ, по работникамъ и проч.) и если бываютъ, то какими причинами они вызываются?

53. Независимо отъ общихъ, коренныхъ передѣловъ полей не существуетъ ли еще частныхъ періодическихъ или не періодическихъ разверстоковъ полосъ между всѣми членами общины, или отдѣльными дворами или крестьянами? Какъ часто они бываютъ, чѣмъ вызываются и по какимъ правиламъ происходятъ? Когда надѣлъ отходитъ въ общество, вполнѣ или частью (сбавка) и кому и какъ передается, вполнѣ или частью (надбавка)?

54. Если въ данной волости существуютъ какія либо спеціальныя культуры: садоводство, огородничество, разведеніе конопли въ поляхъ и проч. или введенъ улучшенный, сравнительно съ обычнымъ

въ данной мѣстности, сѣвооборотъ, то какія порядки въ раздѣлѣ земли и пользованія ею существуютъ въ селеніи?

55. Производятся-ли какіянибудь работы сообща всею общиной? Напр. обрабатываются ли или убираются сообща земли и тогда какимъ порядкомъ производятся работы и какъ дѣлится урожай хлѣба, сборъ травъ, или другихъ произведеній? Производятся ли или производились прежде работы цѣлою общиною по осушкѣ болотъ, устройству орошенія, расчисткѣ лѣса и вообще въ видахъ улучшенія угодій? Въ этомъ случаѣ какъ распределяются между отдѣльными дворами участіе въ работахъ, прибыли и выгоды предпріятія?

56. Какой способъ принять для передѣла луговъ, лѣсовъ и другихъ угодій?

57. Какія правила существуютъ относительно пользованія выгонами? Гдѣ пасется скотъ, кто имѣетъ право выпускать свой скотъ въ стадо? Пользуются ли этимъ правомъ безземельные крестьяне и посторонніе жители и на какихъ условіяхъ?

58. Если селенію принадлежать рыбныя ловли, угольныя копи, каменоломни, мѣсторожденія глины, удобной для выдѣлки кирпича и т. п., то какой порядокъ установленъ для пользованія ими?

59. Какіе части усадебной земли находятся въ подворномъ наследственномъ владѣніи и какіе передѣляются? Были ли примѣры передѣла дворовыхъ мѣстъ, когда и какимъ порядкомъ онъ производился? Какое право принадлежит членамъ общества на усадебную землю? Отказъ отъ полевыхъ и другихъ угодій, соединенный съ отлучкой или безъ таковой, влечетъ ли за собой потерю права на усадебную землю? Можетъ ли общество отнять усадебную землю, передать другому, сдать въ аренду и т. п.? Не обязано ли оно въ этомъ случаѣ возвратить усадебную землю прежнему владѣльцу или предоставить ему другой участокъ?

60. Не было ли между крестьянами случаевъ выкупа своихъ земельныхъ участковъ и продажи ихъ, въ цѣломъ составѣ или частями, постороннимъ лицамъ, не принадлежащимъ къ составу общины? Выдѣлялись-ли такіе участки къ однимъ мѣстамъ, а если не выдѣлялись, то не исключались ли изъ передѣловъ? Не было ли случаевъ отчужденія части общинной земли въ постороннія руки?

61. Если у селенія данной волости, кромѣ ихъ надѣловъ, есть и общественныя земли, пріобрѣтенныя цѣлою общиною послѣ освобожденія, то раздѣлены ли онѣ подворно или находятся въ об-

щинномъ пользованіи и въ такомъ случаѣ передѣляются ли онѣ одинаково и одновременно съ надѣломъ, или существуютъ иные порядки въ пользованіи ими?

62. Когда общество принимаетъ въ свою среду новыхъ членовъ, то получаютъ ли они земельные надѣлы и на какихъ условіяхъ ихъ принимаютъ?

63. Въ случаѣ выхода крестьянъ изъ состава общества послѣ 1861 г., кому передаются ихъ земельные надѣлы?

64. Если между крестьянами есть безземельные изъ принадлежащихъ къ кореннымъ жителямъ селенія, то по какой причинѣ они сдѣлались безземельными? Какими изъ мірскихъ угодій они пользуются и на какихъ условіяхъ?

65. Какъ разверстываются повинности между крестьянами: подушно, потягольно, подворно или по другимъ основаніямъ?

66. Какія права предоставляются при общинномъ владѣніи домохозяину относительно пользованія землей? Можетъ ли онъ огородить свою полосу? Можетъ ли отступать отъ принятой въ обществѣ системы хозяйства и назначаются-ли міромъ сроки для полевыхъ работъ?

67. Существуетъ-ли владѣніе нѣкоторыми угодьями сообща нѣсколькими общинами (напр. когда сельское общество состоитъ изъ нѣсколькихъ общинъ) и какія правила соблюдаются относительно пользованія такими угодьями?

68. Когда примѣняется, кромѣ платежа налоговъ, круговая порука членовъ общества и въ чемъ она заключается, т. е. члены общины отвѣчаютъ-ли только на случай неисправности извѣстнаго члена общины, или въ случаѣ явной его несостоятельности?

Б. Подворно-наслѣдственное владѣніе.

Примѣчаніе. При подворно-наслѣдственномъ владѣніи къ составу крестьянскаго имущества присоединяется новый объектъ права собственности, а потому въ этомъ отдѣлѣ желательно имѣть отвѣты на нѣкоторые вопросы отдѣловъ Б, В и Г семейнаго и наслѣдственнаго права, примѣнительно къ подворно-наслѣдственному владѣнію (в. 70).

69. Въ чемъ заключается это владѣніе? Состоитъ ли оно изъ отдѣленныхъ другъ отъ друга (особняки) подворныхъ участковъ или земля находится въ черезполосномъ владѣніи? Если въ черезполосномъ владѣніи, то на сколько клиньевъ раздѣлена земля, и когда происходитъ раздѣлъ ея на клинья? Происходитъ ли и часто ли проверка владѣнія cadaго двора съ уровненіемъ его согласно праву cadaго двора на извѣстное количество земли?

70. Какое вліяніе оказываетъ подворно-наслѣдственное владѣніе на положеніе членовъ семьи, на раздѣлы и на право наслѣдовладѣнія.

71. Были ли переходы по приговорамъ общества отъ подворнаго къ общинному владѣнію? Были ли случаи передѣла земель (полевыхъ или усадебныхъ или другихъ угодій)?

72. Остаются ли при подворномъ владѣніи нѣкоторыя земельныя угодья (луга, выгоны, лѣса) въ общемъ владѣніи селенія и какимъ образомъ устанавливается пользованіе ими? Передѣляются ли они между членами общины и по какимъ основаніямъ (подворно или по числу работниковъ или другимъ способомъ)?

73. Производятся ли при подворномъ владѣніи какія либо работы сообща всѣмъ обществомъ и какъ распредѣляется въ этихъ случаяхъ участіе членовъ общества въ работѣ и выгодахъ предпріятія? Удовлетворяются ли сообща всѣмъ обществомъ какія либо хозяйственныя нужды, напр. наемъ общественнаго пастуха и т. п. и какъ распредѣляется въ этомъ случаѣ участіе членовъ общества въ такихъ предпріятіяхъ?

IV. Договоры и обязательства.

74. Какого рода обряды предшествуютъ заключенію разныхъ договоровъ? Какія обряды сопровождаютъ заключеніе договоровъ и означаютъ его совершеніе (могарычи, литки, чаеніе, рубоитіе, молитва)? Служитъ ли передача вещи для обозначенія договора? Какіе существуютъ у крестьянъ термины для обозначенія разнаго рода договоровъ (ладъ, ряда, съемъ, празга и пр.)?

75. Требуется ли обычаями, что бы лица, совершающія договоры, были полноправны, т. е. совершеннолѣтны, здоровы умственно и вообще какимъ условіямъ должны удовлетворять лица, вступающія въ договоры?

76. Какое значеніе при совершеніи договоровъ имѣются свидѣтели? Какое число свидѣтелей считается достаточнымъ для за-свидѣтельствванія или удостовѣренія сдѣлокъ? Какіе изъ договоровъ обыкновенно облакаютъ въ письменную форму?

77. Какими способами обезпечивается выполненіе договоровъ и обязательствъ (поручительство, неустойка и залогъ)? Какую роль играетъ поручительство при договорахъ и въ чемъ заключается отвѣтственность одного поручителя и нѣсколькихъ поручителей при неисполненіи договоровъ? Присуждается ли крестьянскимъ судомъ неустойка, если она была условлена договоромъ?

Присуждается ли взысканіе въ видѣ неустойки, когда она и не выговорена? При взысканіи неустойки договоръ сохраняет ли свою силу или разрушается? Какое значеніе имѣютъ при заключеніи договоровъ задатки? Въ какихъ случаяхъ задатокъ возвращается давшему его или взыскивается въ двойномъ количествѣ и въ какихъ случаяхъ онъ теряется? Устанавливается ли залогъ только договоромъ или также самовольнымъ отобраніемъ вещи у должника или у третьяго лица или удержаніемъ вещи, если она уже находится у кредитора? Можетъ ли залогоприниматель пользоваться заложеной вещью? Каковы послѣдствія неисполненія обязательства обеспеченнаго залогомъ?

78. Какія послѣдствія влечетъ неисполненіе договора тою или другою стороною? Не дѣлается ли въ этомъ отношеніи различія между договорами объ установленіи какого либо права на вещь (купля, наемъ имущества и пр.) и договорами личными (личный наемъ, подрядъ и т. п.) въ томъ смыслѣ, что въ первомъ случаѣ неисполненіе вызываетъ принудительное по суду исполненіе его, а во второмъ—прекращеніе договора, сопровождаемое нѣкоторыми послѣдствіями (напр. взысканіемъ съ нарушителя)?

79. Какія условія прекращенія договора признаются обычаемъ? Можетъ ли быть прекращенъ договоръ судомъ безъ соглашенія обѣихъ сторонъ? Безусловно ли недействительны договоры, заключенные подъ влияніемъ обмана, ошибки и опьяненія или малолѣтнимъ и вообще не имѣющимъ права распоряжаться семейнымъ имуществомъ (младшимъ членомъ семьи)?

80. Какого рода имущество можетъ быть даримо? Какія при дареніи заключаются письменныя или словесныя условія? Какія соблюдаются формальности? При какихъ условіяхъ даръ поступаетъ въ общую собственность семьи или въ частную отдѣльныхъ ея членовъ? Какого рода обязательства соединяются съ принятіемъ дара (почтеніе, отдариваніе и т. п.)? Въ какихъ именно случаяхъ даръ поступаетъ обратно къ дарителю?

81. Какія права и обязанности сторонъ установлены обычаемъ при заключеніи договора купли-продажи? Не смѣшиваются ли крестьяне купли съ имущественнымъ наймомъ? Съ какого момента договоръ купли считается совершеннымъ, со времени соглашенія сторонъ или съ момента передачи вещи? Если до передачи вещь погибла, обязанъ ли покупательъ уплатить недополученную сумму или онъ вправе требовать обратно уплаченную сумму или грѣхъ пополамъ? До какого момента можно отказаться отъ

покупки или продажи? Какія послѣдствія создаетъ полученіе задатка въ случаѣ неисполненія договора купли продажи?

82. Если при продажѣ вещи скрыты ея недостатки или допущенъ другой обманъ, то обязательна ли такая сдѣлка для обманутой стороны? Если продана вещь чужая (краденая, находящаяся въ залогѣ, на сохраненіи и т. п., уже проданная другому) то вправѣ ли собственникъ ея требовать или безмездной выдачи ея отъ покупателя или вознагражденія за убытки отъ продавца?

83. Допускалась-ли обычаемъ продажа крестьянскаго надѣла? Какое участіе принимаетъ въ такихъ продажахъ мѣръ?

84. Не существуютъ ли при продажѣ извѣстнаго рода вещей и недвижимыхъ имуществъ права выкупа для родныхъ и сосѣдей и если существуетъ, то на какихъ условіяхъ?

85. Какъ совершается мѣна недвижимыхъ имуществъ и движимыхъ (лошадей, домашней птицы)? Заключается-ли различіе между куплею и мѣною въ томъ, что при мѣнѣ въ обмѣнъ дается незамѣнимая вещь?

Примѣчаніе. Желательно получить отвѣты на вопросы 81 и 82 примѣнительно къ мѣнѣ.

86. Какія существуютъ виды и названія имущественнаго найма и какой порядокъ ихъ заключенія? Не существуетъ ли общепризнанныхъ условій о срокѣ (календарное или иное его опредѣленіе), цѣнѣ, срокахъ уплаты, о правахъ и обязанностяхъ хозяина и наемщика, правилъ пользованія арендованнымъ имуществомъ, ответственности за ущербъ, порчу, передѣлку и гибель имущества? Какія послѣдствія неисполненія или не надлежащаго исполненію договора найма? Какое вліяніе на договоръ найма имѣетъ переходъ права собственности къ другому лицу? Бываютъ ли случаи имущественнаго найма не за деньги, а изъ части прибыли (исполу) и пр.?

87. Какіе предметы даются въ ссуду на подержаніе (домашній и рабочій скотъ, земледѣльческія и промысловыя орудія и пр.)? Не встрѣчаются ли среди крестьянъ виды возмездной ссуды, напр. отдача домашняго скота для приплода, условія такого рода ссуды? Какое значеніе имѣетъ срокъ возврата ссуженнаго? Какъ распределяется отвѣтственность за порчу и за уничтоженіе взятаго на подержаніе (напр. въ случаѣ падежа скотины взятой въ ссуду)?

88. Какія отношенія устанавливаются обычаемъ при договорѣ поклажи (напр. ссыпка хлѣба въ чужой амбаръ, поставка хлѣба на чужомъ гумнѣ и пр.)? Есть ли это договоръ безмездный или

возмездный? Какъ распредѣляется отвѣтственность въ случаѣ гибели вещи?

89. Въ какой формѣ совершаются всякаго рода займы? Бываютъ ли займы не деньгами, а вещами замѣнимыми т. е. договоры о возвратѣ вещей того же рода, качества и въ томъ-же количествѣ. Оплачиваются-ли долги работой, вещами, хлѣбомъ и т. п. Нѣтъ-ли обычныхъ сроковъ для уплаты долговъ? Какъ великъ обычный процентъ займа, и когда онъ уплачивается? Что считается ростовщичествомъ? Часты ли словесныя условія о займѣ? Употребляются-ли бирки, какъ удостовѣреніе о займѣ и о платежѣ?

90. Какъ заключаются договоры объ услуженіи и вообще о личномъ наймѣ? Какія условія устанавливаются относительно срока найма, наемной платы и т. п.? Каковы отношенія договаривающихся (хозяина и работника)? Какія условія найма для сельскохозяйственныхъ работъ въ данной мѣстности? Нѣтъ ли особыхъ условий найма рабочихъ на плантаціи свекловичныя, табачныя, при наймѣ на молотьбу, на жнитво, при наймѣ пастуховъ, при отдачѣ дѣтей въ обученіе ремесленникамъ и пр.? Считается ли договоръ найма обязательнымъ для наслѣдниковъ нанятаго и нанявшаго?

91. Отличаютъ ли крестьяне договоръ подряда (т. е. обязательства совершенія съ помощью другихъ лицъ за извѣстное вознагражденіе въ теченіи извѣстнаго срока какого либо труда) отъ договора личного найма и для исполненія какихъ работъ практикуется заключеніе подобнаго договора? Какія отношенія возникаютъ обычно при этомъ договорѣ?

92. Существуетъ ли въ крестьянскомъ быту обычай помогать другъ другу въ полевыхъ и другихъ работахъ и на какихъ условіяхъ? Какія названія даются такимъ работамъ (помочи, толоки)? Какія отношенія установлены обычаемъ между помочанами и хозяевами? Бываютъ ли общія помочи, помочи взаимныя, помочи по призыву и какія отношенія они вызываютъ?

93. Какія формы артелей или товариществъ существуютъ въ данной мѣстности (напр. для пріобрѣтенія земли, сыраго матеріала на издѣлія, для производства и сбыта послѣднихъ, для общаго пользованія заведеніемъ, машиной, для отхожихъ заработковъ, и т. п. или для потребленія, какъ харчевыя, потребительныя)? Существуютъ ли нищенскія артели?

94. Заключаются ли договоры артели словесно или письменно? Каково устройство артелей? Какъ производится дѣлежъ прибыли

убытковъ? Какъ избираются старосты? Какія взысканія устанавливаются для неисправныхъ членовъ артели? Нанимаетъ ли артель временныхъ или постоянныхъ рабочихъ и на какихъ условіяхъ? Кто является представителемъ артели въ дѣлахъ тяжбныхъ, вообще въ отношеніи съ лицами посторонними, полиціей? Не существуетъ ли обычая соединяться нѣсколькимъ хозяевамъ лошадыми, волами, телѣгами для общей работы и какія при этомъ устанавливаются отношенія?

95. Какіе у крестьянъ существуетъ обычай относительно отвѣтственности за убытки причиненные поправой полей или иныхъ угодій? Кто несетъ эту отвѣтственность, всегда ли отвѣчаетъ хозяинъ скота? Какая, кромѣ поправъ, отвѣтственность за убытки, причиненные вообще домашними или иными животными?

96. Замѣчается ли вымираніе какихъ либо народныхъ правовыхъ обычаевъ, какихъ именно и каковы причины этого? Наблюдается ли возникновеніе новыхъ обычаевъ, какихъ и подъ влияніемъ чего?

Приложение 3. Таблички.

Г.	У.
П О Т Р А В А.	
В.	
Годъ.	
№ дѣла.	
Обстоят., вносящ. на мѣру отвѣт. (блудн. скотъ, стар. пограва, репелдава и т. п.).	
Пастухъ.	
Собствен. скота.	
Обязанный исправл. изгородь.	
Обязанный наблюд. за изгородью.	
Не закрывшій воротъ.	

Г.	У.
ЛИЧНЫЯ ОБИДЫ.	
В.	
Годъ.	
№ дѣла.	
Обида дѣйствиель.	
Обида словомъ.	
Обстоятельства ува- личивающія и умень- шающія вину.	
Наказаніе.	
Безчестье.	

Г.	У.
Б Р А Т Ъ А.	
В.	
Годъ.	
№ дѣла.	
Полушеніе, по- укряват., по- купка з. в., об- стоятельства увеличив. и уменьш. вину.	Наказ- заніе. Возна- гражд. (возвр).

Уг.	Прест.			Г.	У.	г.	Пояснен.
				В.			

Уг.	Наказ.			Г.	У.	г.	Пояснен.
				В.			

Уг.	Особ. ч.			Г.	У.	г.	Пояснен.
				В.			

Протоколъ Общаго Собранія Юридическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 9 октября 1899 г.

Предсѣдательствовалъ Э. Я. Фуксъ.

По открытіи засѣданія Собранію было сообщено слѣдующее постановленіе Совѣта Общества:

Совѣтъ Юридическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 3 сего октября, заслушавъ предложеніе Предсѣдателя Общества Э. Я. Фукса объ избраніи почетнымъ членомъ Общества Министра Юстиціи, Статсъ Секретяря Николая Валеріановича Муравьева и принимая во вниманіе:

1) Что распространеніе судебной реформы на всѣ мѣстности Россійской Имперіи, будучи дѣломъ огромной государственной важности могло быть осуществлено главнѣйшимъ образомъ благодаря энергіи и просвѣщеннымъ стремленіямъ Министра Юстиціи Н. В. Муравьева и должно быть признано, такимъ образомъ особой и безспорной его заслугой въ глазахъ всего русскаго юридическаго міра.

2) Что дѣятельность Н. В. Муравьева, выдающагося судебного оратора, высокоталантливаго юриста теоретика и практика, проявлялась неоднократно и въ самомъ Юридическомъ Обществѣ, членомъ коего онъ состоитъ болѣе двадцати лѣтъ.

3) Что и въ настоящее время Н. В. Муравьевъ постоянно содѣйствуетъ интересамъ Общества и въ частности оказалъ существенную поддержку учрежденію въ составѣ Юридическаго Общества русской группы Международнаго Союза Криминалистовъ и изданію Журнала Юридическаго Общества.

[и 4) Что лучшимъ признаніемъ со стороны Юридическаго Общества указанныхъ заслугъ Н. В. Муравьева было бы избраніе его въ почетные члены Общества.

Руководствуясь § 13 Устава, постановилъ: предложить ближайшему Общему Собранію избрать въ почетные члены Юридическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ Министра Юстиціи, Статсъ Секретаря Николая Валеріановича Муравьева.

Выслушавъ изложенное, Общее Собраніе приступило къ баллотировкѣ предложенія и избрало Министра Юстиціи Статсъ Секретаря Николая Валеріановича Муравьева почетнымъ членомъ Общества.

Результатъ баллотировки былъ встрѣченъ рукоплесканіями присутствовавшихъ членовъ.

Затѣмъ Общее Собраніе приступило къ баллотировкѣ кандидатовъ, предлагаемыхъ Совѣтомъ въ дѣйствительные члены Общества, причѣмъ избраны:

- 1) Сергій Андревичъ Муромцевъ.
- и 2) Евгеній Никитичъ Тарновскій.

Въ заключеніе состоялось продолженіе бесѣды по предмету сдѣланнаго дѣйствительнымъ членомъ Общества М. М. Винаверомъ въ Общемъ Собраніи 1 мая сего года сообщенія “объ адвокатурѣ”.

Протоколъ засѣданія гражданскаго отдѣленія 11 января 1899 г.

Засѣданіе открылось въ 8^{1/2} часовъ вечера подъ предсѣдательствомъ А. А. Книрима.

Предметомъ занятій служило обсужденіе доклада А. И. Лыкошина о литературныхъ конвенціяхъ, заслушаннаго въ засѣданіи 21 декабря 1898 г. (докладъ напечатанъ въ „Вѣстникѣ Права“, мартъ 1899 г.).

Положенія доклада:

- 1) Исключительное право на переводъ не входитъ какъ непременный элементъ, въ составъ права литературной собственности, объемъ и содержаніе котораго могутъ различными законодательствами опредѣляться различно въ зависимости отъ обстоятельствъ мѣста и времени.

2) Свобода переводовъ обезпечиваетъ Россіи возможность необходимыхъ для нея въ виду отсталости нашей культуры, заимствованій у Западной Европы. Сграниченіе свободы переводовъ отразилось бы весьма невыгодно на дальнѣйшемъ развитіи русскаго просвѣщенія.

3) Перепечатка литературныхъ сочиненій, изданныхъ иностранцами за границей, должна быть воспрещена въ законѣ наравнѣ съ перепечаткой сочиненій отечественныхъ авторовъ, и заключеніе для того сепаратныхъ конвенцій не требуется.

Участвовали въ преніяхъ: *И. И. Карницкій, Л. В. Шалландъ, А. А. Пиленко, М. В. Головинскій, баронъ Р. А. Дистерло и А. А. Книризмъ.*

И. И. Карницкій, исходя изъ того же взгляда на юридическую природу авторскаго права, какъ и докладчикъ, оспаривалъ конечные выводы доклада. Авторское право, дѣйствительно, не есть собственность: нѣтъ въ авторскомъ правѣ объекта собственности, вмѣсто виндикаціоннаго иска мы имѣемъ искъ объ убыткахъ и т. д. Но отсюда не вытекаетъ, чтобы авторъ не имѣлъ права на исключительное пользованіе произведеніями своей творческой дѣятельности: вѣдь не одно право собственности пользуется защитой закона. Право на переводъ входитъ въ сферу авторскаго права. Творчество переводчика не можетъ быть сопоставлено съ творчествомъ автора. По объему знаній, труда и таланта между ними не можетъ быть сравненія. Трудъ переводчика, конечно, имѣетъ лишь второстепенное значеніе. Герингъ, нужно думать, посвятилъ десятки лѣтъ на свой трудъ: собиралъ матеріалы, размышлялъ; переводчику же его всѣ результаты дѣятельности Геринга достались какъ бы даромъ. Неудивительно, поэтому, что русскій переводъ „Zweck im Recht“,—какъ-то указано въ докладѣ,—стоитъ 2 р., а оригинальное сочиненіе—15 марокъ.

Разъ за авторомъ мы признаемъ исключительное право на воспроизведеніе своихъ творческихъ мыслей, то, безразлично, на какомъ языкѣ происходитъ это воспроизведеніе. Никто не отказываетъ русскому автору въ правѣ на защиту. Почему же, въ ущербъ логичности отношеній, это право отрицается за иностраннымъ авторомъ?

Оппонентъ не видитъ къ тому никакихъ основаній. Изъ-за выгоды индивида нельзя нарушать чужого права. Интересы общества также не требуютъ этого.

Ссылка докладчика на правила, ограничивающія иностранцевъ въ приобрѣтеніи собственности, ничего не доказываетъ. Подобныя ограниченія, являющіяся результатомъ внутренней политики, не ведутъ къ пользованію чужимъ трудомъ.

Оппонентъ не согласенъ съ юридическими доводами докладчика. Вся юридическая аргументація опровергается простымъ чувствомъ справедливости.

Что касается до утилитарныхъ соображеній, то и они не настолько убѣдительно, чтобы изъ-за нихъ можно было ввести начало, столь нездоровое съ точки зрѣнія юридической этики. Опровергая эти соображенія, оппонентъ доказываетъ, что частныя лица и общество не пострадаютъ послѣ отмены нынѣшней свободы переводовъ. Стоимость книгъ врядъ ли увеличится, такъ какъ иностранные авторы заинтересованы въ распространеніи своей славы. „Принцесса Греза“ Ростана въ переводѣ стоитъ дороже оригинала. Не потерпятъ также ущерба издатели. Если принять во вниманіе, что право перевода по истеченіи извѣстнаго срока прекращается, то ничто не помѣшаетъ фирмамъ, заниматься переводами, приступить къ изданію извѣстнаго сочиненія позднѣе, по истеченіи установленнаго срока. Можно было бы, въ крайнемъ случаѣ, ограничить право перевода менѣе продолжительнымъ срокомъ. Затѣмъ правительство могло бы прибѣгнуть къ экспроприаціи въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ научнаго сочиненія, признаннаго общепользынымъ, отказывается предоставить право перевода. Ссылка на отсталость нашей культуры въ оправданіе современнаго порядка вещей какъ то не вяжется съ достоинствомъ всякой страны; это своего рода *testimonium paupertatis* (въ составъ бернскаго союза входить вѣдь даже Испанія).

Но какъ бы не были сильны утилитарныя соображенія, они не могутъ имѣть преобладающаго значенія противъ одного аргумента: не хорошо проводить начало, что будто можно пользоваться чужимъ трудомъ. Это начало—нездоровое; оно вноситъ ядъ, отраву въ наше правосознаніе. Нужно ввести другой принципъ—право на переводъ входитъ въ составъ авторскаго права, независимо отъ того, кто является авторомъ: русскій или иностранецъ.

Л. В. Шалландъ замѣтилъ, что въ докладѣ не выяснено понятіе авторскаго права. Докладчикъ отвергнулъ безъ всякой почти провѣрки вещный характеръ этого права и не остановился на новѣйшихъ теченіяхъ въ наукѣ, усматривающихъ въ вещномъ правѣ отношенія между лицами по поводу вещи (а не отношенія

лица къ вещи). Л. В. Шалландъ оспариваетъ, далѣе, юридическую аргументацію докладчика. Немыслимо, по словамъ оппонента, представить себѣ такіе справедливыя постулаты, которые съ юридической точки зрѣнія должны были бы быть отвергнуты. Справедливость и есть желательное право. Спорны и утилитарныя соображенія: погоня за дешевизной изданія вредить доброкачественности перевода. Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ рѣшиться на похираіе чужого права, слѣдовало бы собрать вполнѣ точныя данныя и ими обосновывать свои положенія.

По мнѣнію А. А. Пиленко, докладъ страдаетъ съ методологической стороны двумя недостатками: онъ не полонъ и затѣмъ не совсѣмъ наученъ, не позитивенъ по своему методу. Не полонъ потому, что положенія доклада не соотвѣтствуютъ его заголовку.

Какъ извѣстно, подъ общимъ заглавіемъ литературныхъ конвенцій обыкновенно объединяется большое количество разнообразныхъ нормъ по всѣмъ отраслямъ авторскаго права. Докладчикъ же остановился исключительно на правѣ перевода и, указавъ, на невозможность гарантировать его въ Россіи (тезисъ I), почему то предположилъ (тезисъ III), что этимъ и исчерпывается весь вопросъ о литературныхъ конвенціяхъ. Между тѣмъ можно было бы составить такую конвенцію, которая, не признавая правъ перевода, все-таки гарантировала бы иностранцамъ право художественной собственности, право публичнаго исполненія, право музыкальной собственности и т. д. Вопросъ о заключеніи такой конвенціи въ докладѣ оставленъ безъ разсмотрѣнія.

По существу вопроса оппонентъ замѣчаетъ, что въ докладѣ собрано множество, подавляющая масса аргументовъ, но всѣ они гипотетичны. Докладчикъ какъ будто говорить: если мы сдѣлаемъ то-то, то будетъ то-то. Но предсказывать въ области социальнихъ отношеній—трудно. Докладчику слѣдовало бы цифровыми данными подтвердить, что наша литература бѣднѣе, нежели, напр. въ Швейцаріи, Голландіи, т. е. такихъ государствъ, которыя считаютъ выроднымъ для себя заключать литературныя конвенціи. Статистика показала бы, какъ въ томъ имѣлъ случай убѣдиться оппонентъ, что въ научныхъ журналахъ количество переводовъ никогда не превышаетъ 5% общаго количества печатаемаго матеріала.

Затѣмъ А. А. Пиленко обращается къ отдѣльнымъ тезисамъ доклада. Первый тезисъ кажется ему формулированнымъ въ духѣ теорій естественнаго права. Докладчикъ указываетъ, что право

перевода „не входит“ въ составъ авторскаго права, но не по-ясняетъ, въ какомъ законодательствѣ не входитъ. Насколько извѣстно оппоненту, право перевода запрещено даже въ мелкихъ южно-американскихъ государствахъ. Россія по этому вопросу составляетъ исключеніе, объясняемое устарѣlostью закона. Если же докладчикъ, въ I тезисѣ, хотѣлъ установить, что право перевода *a priori* не входитъ и т. д.,—то какая формулировка, именно, и должна быть признана естественно правовою. Недостаточно сказать, что возможно выдумать такую „конструкцію“ авторскаго права, по которой право перевода можетъ быть не запрещаемо: необходимо доказать, что такая конструкція не шла бы въ разрѣзъ съ требованіями жизни. На дѣлѣ же оказывается, что жизнь протестуетъ противъ той безграничной свободы перевода, которая не можетъ быть одобрена ни съ точки зрѣнія субъективной, ни съ точки зрѣнія объективной. Субъективно, пользование неоплаченными переводами вызываетъ въ русскихъ читателей непріятное сознание неисполненной обязанности по отношенію къ тому автору, трудами коего—безъ его разрѣшенія—завладѣлъ переводчикъ. Объективно—оказывается, что всѣ аргументы защитниковъ свободы права перевода сводятся къ положенію: переводъ есть творчество, и слѣдовательно, какъ всякое творчество, долженъ быть свободнымъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи, однако, оказывается, что этотъ аргументъ не можетъ быть развитъ до послѣднихъ своихъ консеквенцій. Въ самомъ дѣлѣ, оставаясь строго логичнымъ, пришлось бы дозволить кому угодно переводить каждый изъ двухъ текстовъ параллельныхъ двуязычныхъ изданій (Трактаты Э. Э. Мартенса, изданія Академіи Наукъ)—на соответствующій другой языкъ (русскій текстъ—на французскій, и обратно). Ни одинъ защитникъ свободы переводовъ не дозволитъ подобныхъ дѣйствій—и это доказываетъ ложность исходнаго принципа.

А если юридически свобода переводовъ является несправедливостью по отношенію къ автору подлинника, то оппонентъ считаетъ неудобнымъ для юристовъ входить въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, достаточно ли богата Россія для того, чтобы быть честною. М. В. Головинскій присоединился къ взглядамъ предшествующихъ оппонентовъ и находитъ, что свобода переводовъ вызываетъ противъ себя возраженія, какъ съ точки зрѣнія общественной, такъ съ точки зрѣнія всякаго литературнаго работника. М. В. Головинскій заявляетъ, что его всегда удивляли положенія, защищаемыя Союзомъ русскихъ писателей. Можно не быть сторон-

ником абсолютной собственности и согласиться съ первымъ тезисомъ—объемъ и содержаніе литературной собственности видоизмѣняются по условіямъ мѣста и времени, но интересы серьезной литературы требуютъ чтобы, авторское право было ограждено. Книжный рынокъ нынѣ переполненъ переводными сочиненіями, продающимися за безцѣнокъ. Развѣ возможенъ самостоятельный литературный трудъ, когда 144 тома можно получить за 35 р. „Вѣстникъ иностранной литературы“ у насъ процвѣтаетъ, а серьезные журналы еле влачатъ свое существованіе. Оппонентъ, далѣе, полагаетъ, что отмѣна свободы перевода охранила бы чистоту русской литературной рѣчи. Не встрѣчались бы тогда такія выраженія, какъ „бѣшеный каштанъ“ въ одномъ изъ переводныхъ польскихъ романовъ.

Бар. Р. А. Дистерло видитъ въ докладѣ двѣ стороны—попытки юридическаго анализа и затѣмъ рядъ выводовъ относительно иностранныхъ авторовъ. Остановиваясь на первой сторонѣ вопроса, оппонентъ заявляетъ, что онъ не можетъ применить къ докладчику. Хотя авторское право не пользуется той безусловной охраной, какая свойственна другимъ правамъ (срочность охраны, допустимость компиляцій), но все же право на переводъ не можетъ быть исключено изъ авторскаго права: переводъ не есть самостоятельная работа. Что касается до другой стороны доклада, то бар. Р. А. Дистерло принимаетъ его выводы. Нельзя не считаться съ условіями страны. Въ интересахъ политическихъ, въ интересахъ общественнаго блага, государство вынуждено бываетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ приносить въ жертву выгоды частныхъ лицъ.

Народы еще не вошли въ ту стадію взаимныхъ отношеній, когда все опредѣлялось бы началами чистой справедливости. Вопросъ о конвенціи долженъ нынѣ разрѣшиться на почвѣ тѣхъ отношеній, которыя правительство признаетъ наиболѣе подходящими, на почвѣ цѣлесообразности и выгоды. Нужно задаться мыслью о томъ, какое практическое значеніе имѣла бы для насъ охрана правъ иностранныхъ авторовъ. Несомнѣнно, что, если бы Россія заключила конвенцію 100 лѣтъ тому назадъ, наше отечество проиграло бы. Настала ли нынѣ моментъ для заключенія конвенціи? Безошибочно можно сказать, что Россіи не достигла еще самостоятельнаго положенія въ научномъ мірѣ—и конвенція причинила бы странѣ ущербъ. Затруднилось бы распространеніе

научныхъ свѣдѣній, и мы не могли бы черпать безгранично изъ богатаго родника европейской мысли.

Въ заключеніе, бар. Р. А. Дистерло формулировалъ свои взгляды въ слѣдующихъ двухъ положеніяхъ:

1) право на переводъ должно входить въ составъ авторскаго права, и подлежить охранѣ внутри страны;

2) вопросъ о литературной конвенціи долженъ разрѣшаться по соображеніямъ утилитарнымъ. Вслѣдствіе научной отсталости Россіи конвенція нанесла бы ей вредъ.

А. И. Лыкошинъ указалъ прежде всего, что по принятой въ нашихъ дѣйствующихъ законахъ терминологіи, для обозначенія международныхъ соглашеній, имѣющихъ предметомъ охраны правъ не только на литературныя, но также на музыкальныя и художественныя произведенія, употребляется выраженіе *литературная* и *художественная* конвенція, и именно исходя изъ этой терминологіи и имѣя въ виду лишь *литературныя* произведенія, докладчикъ и озаглавилъ свой докладъ: о *литературныхъ* конвенціяхъ. Перейдя затѣмъ къ существу доклада, А. И. Лыкошинъ замѣтилъ, что главное положеніе его работы:— авторское право возникло недавно, его объемъ и содержаніе не отличается опредѣленностью— они остались безъ отвѣта. Въ докладѣ не отстаивается самостоятельность труда переводчика, и на этой почвѣ право на переводъ не защищается, такъ что всѣ возраженія, имѣющія предметомъ именно эту сторону вопроса, отпадаютъ.

Докладчика удивляетъ противоположеніе справедливости и юридической конструкціи, сдѣланное однимъ изъ оппонентовъ. Юристы призваны говорить прежде всего о юридической конструкціи; только на этой почвѣ можно согласиться. Становясь на иную точку зрѣнія, противники дадутъ сами противъ себя оружіе. Развѣ совмѣстимо, напр., съ требованіями справедливости установленіе срока въ авторскомъ правѣ; колеблющееся въ столь широкихъ предѣлахъ, какъ 10—80 лѣтъ? І. И. Карницкій упрекнулъ въ нелогичности. Но самъ оппонентъ, ставъ въ защиту безусловнаго принципа справедливости, сдѣлалъ отступленіе отъ своего принципа, допуская, при наличности извѣстныхъ условій, переводы и безъ разрѣшенія автора. Нельзя основываться и на субъективномъ ощущеніи, о которомъ говоритъ А. А. Пиленко: чувство стыда слишкомъ неумовимо и для юридическихъ построеній неудобно.

Ошибка оппонентовъ состоитъ въ томъ, что они рассматриваютъ авторское право, какъ нѣчто сложившееся, строго опредѣ-

ленное, тогда какъ, въ дѣйствительности, юридическая природа и объемъ этого права, далеко не установлены ни въ наукѣ, ни въ законодательствѣ. При этомъ свою юридическую точку зрѣнія сторонники свободы перевода не проводятъ послѣдовательно, и своей непослѣдовательностью сами же колеблютъ защищаемыя ими начала. Они сами искромсали, можно сказать, авторское право по всѣмъ направленіямъ; то склоняютъ вѣсы въ сторону общества, то рыцарски принимаютъ на себя охрану личности. Бернская конвенція, выставляемая ими какъ идеаль справедливости, тоже, на самомъ дѣлѣ, есть не что иное, какъ компромиссъ между интересами авторовъ и общества. Весь вопросъ какъ у сторонниковъ, такъ и у противниковъ конвенцій именно и сводится къ опредѣленію совмѣстныхъ правъ частнаго лица и общества на литературное произведеніе. Разница лишь въ степени: докладчикъ, напр., болѣе склоняется въ сторону общества. Какъ ни смотрѣть на дѣло, интересамъ и общества, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ отмежевать уголокъ, независимо даже отъ соображеній цѣлесообразности, въ виду особенно подчеркиваемаго въ докладѣ общественнаго характера авторскаго права. Нужно вообще поставить вопросъ на практическую почву и выяснить, выгодно ли Россіи придерживаться существующей системы или не выгодно.

Докладчикъ не раздѣляетъ опасеній относительно потери отечественной самобытности съ наплывомъ иностранныхъ сочиненій. Вся исторія Россіи показываетъ неосновательность подобныхъ опасеній. Пушкинъ воспитался подъ влияніемъ иностранной литературы. Даже философское созерцаніе славянофиловъ навѣяно иностранными писателями. Между тѣмъ русская литература не погибла, не утратила самобытности. Обиліе иностранныхъ авторовъ не душитъ ее. Нечего и стыдиться и своей научной отсталости, такъ какъ не виноваты же мы, что чуть не на тысячелѣтіе отстали въ нашей исторіи отъ западныхъ сосѣдей. Говорили далѣе, что переводы нынѣ плохи, при чемъ указывалось на одно неловкое выраженіе, встрѣчающее въ одномъ переводномъ польскомъ романѣ. Но именно нынѣшней свободѣ переводовъ мы обязаны тѣмъ, что прониклись глубокимъ уваженіемъ къ польской литературѣ и ознакомились съ нею. Можно думать даже, что съ отмѣной этой свободы качество переводовъ только ухудшится (въ такомъ смыслѣ и высказался союзъ русскихъ писателей). Авторы тогда вступаютъ въ соглашеніе не съ переводчиками, а съ издателями; послѣдніе въ свою очередь войдутъ въ соглашеніе съ нѣ-

которыми фирмами, которыя сдѣлавшись въ области изданія переводовъ монополистами, устранять конкуренцію и будутъ угощать публику чѣмъ угодно. Развивая далѣе свои мысли о томъ, какой вредъ можетъ произойти для страны въ случаѣ ограниченія свободы переводовъ, докладчикъ указывалъ, что нельзя будетъ избѣгнуть длинной и сложной процедуры при переводахъ даже незначительныхъ. Лицамъ, желающимъ приступить къ переводу иностраннаго сочиненія, придется розыскивать авторовъ или издателей; вступать въ сношенія съ ними, а между тѣмъ, именно, ученые, затруднять для которыхъ переводъ научныхъ сочиненій особенно нежелательно, обыкновенно не любятъ дѣловой переписки и, въ избѣжаніе хлопотъ, предпочитаютъ, пожалуй, вовсе уклониться отъ перевода. Наука, конечно, пострадаетъ и все это во имя отвлеченнаго начала, не основаннаго даже на юридической природѣ авторскаго права. Съ точки зрѣнія цѣлесообразности, ограниченіе въ свободѣ перевода должно быть признано вреднымъ и нежелательнымъ.

Экспроприація научныхъ сочиненій, предложенная І. И. Карницкимъ, врядъ ли возможна: она потребовала бы учрежденія особой цензуры. Относительно сдѣланнаго упрека въ отсутствіи статистическихъ данныхъ, А. И. Лыкошинъ замѣтилъ, что подобныя цифры могутъ быть собраны, но всегда будутъ гадательны и, всѣ напр., выкладки на счетъ процентнаго отношенія въ научныхъ журналахъ, переводныхъ и оригинальныхъ статей, безусловно, по мнѣнію докладчика, не заслуживаютъ довѣрія, почему онъ вполне сознательно воздержался отъ пользованія ими въ докладѣ.

А. А. Книримъ, высказывая въ своей заключительной рѣчи сочувствіе идеямъ докладчика, полагаетъ, что права на переводъ съ точки зрѣнія юридической нельзя считать неотъемлемымъ правомъ автора. Противоположеніе юридическихъ опредѣленій принципу цѣлесообразности едва ли, по мнѣнію А. А. Книрима, правильно. Юридическія соображенія въ значительной мѣрѣ сводятся къ соображеніямъ утилитарнымъ. Правовыя начала лишь съ теченіемъ времени кристаллизуются, дѣлаются независимыми, но основа ихъ—общественная польза.

Мы замѣчаемъ это въ правѣ собственности, повидимому, самомъ священномъ правѣ. Ту же картину рисуетъ исторія авторскаго права, которое возникло подъ вліяніемъ утилитарныхъ соображеній. Если стоять на чисто отвлеченной точки зрѣнія, то нужно прійти къ тому заключенію, что авторское право должно

существовать вѣчно. Отвлеченныя начала, не сообразованныя съ условіями дѣйствительности, не могутъ руководить законодателемъ и поэтому врядъ ли есть основаніе противопоставлять справедливость общественной пользѣ.

Съ точки зрѣнія нашего государства вполне правильно и справедливо оградить интересы тѣхъ переводовъ, которые изданы въ предѣлахъ Россіи. Но относительно иностранныхъ авторовъ А. А. Книримъ присоединяется къ мнѣнію референта, что для Россіи не настало еще время, когда она можетъ отказаться отъ свободы перевода. И коль скоро этого еще нѣтъ, то незачѣмъ дон-кихотствовать, а нужно, отбросивъ въ сторону щепетильность, руководиться лишь соображеніями реальными. Если мы будемъ обращаться къ мечтательнымъ построеніямъ, то задержимъ ростъ русской культуры.

Раздѣляя доводы, высказанные въ докладѣ, А. А. Книримъ находитъ, что съ отмѣной свободы перевода конкуренція будетъ устранена, появится монополія—и книги вздорожаютъ. Но не въ этомъ только опасность. Важно то, что уменьшится число переводимыхъ сочиненій, такъ какъ необходимость испрашивать разрѣшеніе автора затруднитъ переводчика. Не измѣнится къ лучшему и качество перевода. Напротивъ, нынѣ, когда имѣется конкуренція, каждый заинтересованъ, чтобы переводъ былъ хорошій. Въ случаѣ отмѣны права перевода, масса журналовъ, отъ которыхъ зависитъ просвѣщеніе Россіи, прекратится.

Экспроприація авторскаго права на практикѣ не осуществима. Пришлось бы учредить особую академію для оцѣнки сочиненій съ точки зрѣнія ихъ общепольности.

Самобытность, отстаиваемая противниками свободы переводовъ, по мнѣнію А. А. Книрима, не заслуживаетъ охраны: всѣ народы заимствуютъ другъ у друга, безъ такого заимствованія невозможно прогрессъ.

Засѣданіе закрылось въ 12 час. ночи.

Протоколъ засѣданія гражданскаго отдѣленія 1 октября 1899 г.

Засѣданіе открылось въ 8¹/₂ час. вечера подъ предсѣдательствомъ А. А. Книрима. Слово предоставлено Августу Антоновичу Герке для сообщенія о выработкѣ Высочайше учрежденною

Коммисією по составленію Гражданскаго Уложенія проектъ 5-й книги уложенія (обязательства) слѣдующаго содержанія:

„Милостивые Государи! Сожалѣю, что именно я, а не иной, болѣе свободный, оповѣщаетъ Васъ о появленіи цѣннаго вклада въ дѣло улучшенія нашихъ гражданскихъ законовъ.

Взялся я сдѣлать краткое сообщеніе не съ цѣлью ознакомить васъ съ подробностями проекта и объясненіями къ нему; для этого нужно было бы много времени.

Я хотѣлъ моимъ сообщеніемъ только возбудить вниманіе членовъ Юридическаго Общества къ появившейся замѣчательной работѣ и просить г.г. членовъ Юридическаго Общества почтить эту работу отъ нашего Общества дружелюбною, хотя свободною, и серьезною оцѣнкою.

Многіе изъ насъ уже ознакомились съ проектомъ и, конечно, поддержать мое мнѣніе о томъ, что проектъ 5 книги гражданскаго уложенія является спѣлымъ плодомъ усидчивой, добросовѣстной работы и представляетъ противъ дѣйствующаго т. X св. зак. гражд. такой значительный прогрессъ, что и въ настоящемъ своемъ видѣ было бы вполне пригоденъ, какъ новый законъ, и былъ бы привѣтствованъ судебными установленіями, такъ какъ всѣ ждутъ, не дождутся лучшихъ гражданскихъ законовъ у насъ.

Прежде всего надо отнестись съ большою, сердечною, искреннею благодарностію къ Высочайше учрежденной Редакціонной Комисіи по составленію гражданскаго уложенія, какъ за разновременное оглашеніе ея отдѣльныхъ работъ, такъ и за опубликованіе „проекта 5 книги объ обязательствахъ“ — за предоставленіе возможности всѣмъ интересующимся движеніемъ законодательства ознакомиться съ проектомъ и высказать свои замѣчанія на него, сочувственныя или предлагающія какія-либо измѣненія. Тѣмъ болѣе Высочайше учрежденная Редакціонная Комисія заслуживаетъ нашей благодарности, что въ послѣднее время восходило много законопроектовъ на Высочайшее утвержденіе безъ того, чтобы обществу и заинтересованнымъ лицамъ было предоставлена возможность высказаться по законопроекту. Правда, государственная канцелярія стала издавать нѣкоторые законы, по обнародованіи ихъ, съ мотивами, на которыхъ они построены, но это не можетъ замѣнить опубликованія проектовъ законовъ. О дѣятельности Высочайше учрежденной комисіи по пересмотру судебныхъ уставовъ общество пока знаетъ весьма мало, и только изъ рѣчей г. Министра Юстиціи и отдѣльныхъ обзоровъ хода работъ ея, появившихся

въ Правительственномъ Вѣстникѣ и другихъ газетахъ, мы имѣемъ отрывочныя свѣдѣнія о томъ, что судебные уставы 1864 года въ главныхъ своихъ основаніяхъ будутъ сохранены. Г. Министръ Юстиціи въ своей извѣстной рѣчи сказалъ, что если судебные уставы 1864 г. дали Россіи новый судъ, то теперь послѣ пересмотра судебныхъ уставовъ это будетъ судъ незамѣнимый. Дай Богъ! Но ни проектовъ измѣненій въ судебныхъ уставахъ, ни даже опредѣленныхъ указаній на сущность измѣненій мы по нынѣ не имѣемъ, хотя они были бы весьма келати при разсмотрѣніи проекта 5 книги гражданскаго уложенія. Коммисія та закрыта; работы ея заканчиваются въ Министерствѣ Юстиціи. Министерство обѣщаетъ опубликовать проектъ въ ближайшемъ будущемъ, и конечно, всѣ мы ждемъ съ нетерпѣніемъ возможность увидать его и провѣрить, насколько въ подробностяхъ его сохранены основы судебныхъ уставовъ 1864 года (отдѣленіе судебной власти отъ административной, порядокъ назначенія судей, ихъ самостоятельное и независимое положеніе и т. д.).

Высочайше учрежденная Редакціонная Коммисія, не дождавшись окончанія всѣхъ работъ, обращается къ публикѣ и знакомить ее съ содержаніемъ того, что сдѣлано“.

Продолжая далѣе свое сообщеніе, докладчикъ въ краткихъ чертахъ охарактеризовалъ 5 книгу проекта.

„Со стороны вышней проектъ поражаетъ той массой труда, которая была положена при его составленіи. Проектъ состоитъ изъ 1106 статей, не считая еще статей о векселяхъ. Въ пяти объемистыхъ томахъ объясненій (по 500—600 страницъ каждый) мы встрѣчаемъ подавляющее множество указаній на иностранныя законодательства, видимъ ссылки и выписки изъ специальныхъ сочиненій; по количеству собраннаго матеріала проектъ навсегда останется цѣннымъ вкладомъ въ юридическую литературу и будетъ имѣть значеніе важнаго справочнаго изданія и для науки, и для судебной практики“.

Переходя къ разсмотрѣнію внутренней стороны проекта, докладчикъ ознакомилъ присутствующихъ съ его общими положеніями, какъ они намѣчены Редакціонной Коммисіей во введеніи къ объяснительной записки.

А. А. Герке привѣтствуетъ стремленіе проекта объединить торговое право съ обще-гражданскимъ, распространить территориальную область примѣненія проекта на всю Имперію, исключая губерніи Царства Польскаго и Прибалтійскихъ, хотя выразилъ на-

дежду, что впоследствии и эти окраины Имперіи войдутъ съ ходатайствомъ о распространеніи на ихъ территорію дѣйствія будущаго гражданскаго уложенія хотя бы и съ измѣненіями. Нельзя не отнестись по мнѣнію докладчика, съ сочувствіемъ къ взглядамъ составителей проекта о взаимномъ отношеніи писаннаго и не писаннаго права, къ открытію обычаямъ болѣе широкаго доступа.

Излагая далѣе систему проекта, А. А. Герке обратилъ, между прочимъ, вниманіе на способъ закрѣпленія имѣнія за покупщикомъ по запродажнымъ записямъ, на IX главу II раздѣла проекта, трактующую о личномъ наймѣ, гдѣ наиболѣе ярко выразилось стремленіе проекта къ проведенію принципа справедливости и человеколюбія, положеннаго вообще въ основаніе работъ Редакціонной Комисіи и на интересную разработку проектированныхъ законоположеній о товариществахъ (въ числѣ ихъ объ акціонерныхъ компаніяхъ). Относительно предоставленія проектомъ возможно широкаго простора усмотрѣнію суда,—въ принципѣ желательнаго, докладчикъ замѣтилъ, что это однако могло бы быть допущено лишь пока однимъ условіемъ, чтобы, какъ выражается и „Вѣстникъ Европы“ въ вышедшей сего числа октябрьской книжки, „примѣненіе новаго гражданскаго уложенія было ввѣрено суду. соединяющему въ себѣ и по составу, и по организаціи, и по способу дѣйствій, всѣ истинныя гарантіи правосудія“. Въмѣстѣ съ „Вѣстникомъ Европы“ докладчикъ высказываетъ пожеланіе, чтобы ко времени введенія въ дѣйствіе гражданскаго уложенія было возстановлено разсмотрѣніе судебныхъ дѣлъ судебными учрежденіями и прекратилось „судейское усмотрѣніе“ администраціи.

Выразивъ глубокую благодарность Редакціонной Комисіи въ лицѣ ея Предсѣдателя, членовъ и сотрудниковъ, А. А. Герке въ заключеніе остановился на вопросѣ: въ какой формѣ было бы болѣе цѣлесообразно приступить къ обсужденію проекта? По мнѣнію докладчика, можно бы сдѣлать это рефератами, однако, наилучшій путь—избраніе комисіи, но какъ ее организовать?

„Я уже бесѣдовалъ, объ этомъ, сказалъ А. А. Герке, со многими членами юридическаго общества: нѣкоторые и самые дѣятельные не могутъ принять участія потому, что они работали надъ проектомъ 5 книги гражданскаго уложенія; другіе прямо отказались по субъективнымъ причинамъ—слишкомъ заняты, нѣтъ свободнаго времени, и по объективной причинѣ—проектъ слишкомъ великъ и сдѣлать работу оцѣнки его, хотя бы части его, трудно, а кое какую оцѣнку дѣлать не прилично, притомъ работать въ ком-

мисіи, коллегіально неудобно. Если бы остановиться на всѣхъ этихъ заявленіяхъ, то пришлось бы пройти молчаніемъ со стороны Юридическаго Общества появленіе проекта, чего конечно, допустить нельзя, хотя бы, на примѣръ, въ виду отношенія Юридическаго Общества къ проекту уголовного уложенія и др.

„Но я могу заявить собранію, что всетаки есть лица, готовые поработать въ составѣ комисіи. Слѣдовало бы пригласить въ комисію всѣхъ уже согласившихся поработать въ ней и, избравъ предсѣдателя комисіи, предоставить ему возможность приглашать отъ себя лицъ въ комисію, сверхъ этихъ лицъ, и другихъ, и право принимать для обсужденія и всякія письменныя заявленія и замѣчанія на проектъ.

„Юридическое Общество имѣетъ высокую честь считать въ числѣ своихъ членовъ С. В. Пахмана, К. П. Побѣдоносцева и другихъ высокопоставленныхъ цивилистовъ; но безпокоить ихъ, маститыхъ ветерановъ науки гражданского права и судебной практики, просьбою заняться сложной и срочной работой въ комисіи совѣстно. Всякому, и имъ самимъ даже понятно, что Юридическое Общество дорожило бы ихъ мнѣніямъ, взглядами и замѣчаніями и обрадовалось бы, если бы эти лица прислали свои хотя бы летучія замѣтки, а тѣмъ болѣе если бы участвовали хотя бы въ нѣкоторыхъ засѣданіяхъ комисіи.

„Чтобъ облегчить и ускорить выборы, я справлялся о согласіи участвовать въ работахъ комисіи у слѣдующихъ лицъ, которые много работали въ Юридическомъ Обществѣ, или въ которыхъ я предполагаю и живой интересъ къ дѣлу, и возможность пожертвовать ему время. Да простятъ меня тѣ, къ кому я еще не обращался—и некогда было, и, наконецъ, вѣдь это дѣло общее и они сами могутъ заявить. Мнѣ уже заявили свое согласіе потрудиться въ комисіи: А. Ф. Брандтъ, М. М. Винаверъ, І. В. Гессенъ, проф. Д. Д. Гриммъ, прив.-доц. А. И. Каминка, М. В. Капланъ, М. П. Кусаковъ, В. О. Люстихъ, М. И. Мышь, Ф. И. Осецкій, Л. І. Петражицкій, Н. А. Полетаевъ, И. М. Рабиновичъ, Г. Б. Сліозбергъ, В. Д. Спасовичъ, А. Н. Турчаниновъ, Р. В. Фрейманъ, Н. И. Цухановъ, В. П. Шейнъ, С. А. Муромцевъ.

Предложеніе А. А. Герке объ избраніи комисіи подверглось затѣмъ обсужденію собранія. Собраніе единогласно постановило:

1) Избрать комисію изъ членовъ Юридическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ для составленія замѣчаній на проектъ 5 книги гражданского уложенія;

2) Предсѣдателемъ комисіи избрать дѣйствительнаго члена Августа Антоновича Герке;

3) Пригласить членами комисіи лицъ, уже изъявившихъ согласіе вступить членами въ комисію, и тѣхъ, кто впредь заявитъ такое согласіе А. А. Герке, и

4) Предоставить предсѣдателю комисіи приглашать еще другихъ лицъ въ составъ комисіи и принимать къ обсужденію письменныя замѣчанія на проектъ.

А. А. Герке благодариль присутствующихъ за честь, оказанную ему избраніемъ.

Засѣданіе закрылось въ 10 час. веч.

(Адресъ предсѣдателя комисіи А. А. Герке: С.-Петербургъ, Владимірскій пр., 16; удобнѣе его застать дома въ 5—6 часовъ ежедневно, кромѣ праздниковъ).

Совѣтъ юридическаго общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, въ засѣданіи 7-го ноября 1899 г. слушалъ письмо почетнаго члена общества, Н. В. Муравьева, слѣдующаго содержанія:

Милостивый Государь,

Эдуардъ Яковлевичъ.

Принимая съ искреннею признательностью званіе почетнаго члена юридическаго общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, вмѣняю себѣ въ пріятный долгъ выразить Вашему Высокопревосходительству, какъ предсѣдателю сего общества, мою душевную благодарность за оказанное мнѣ лестное вниманіе.

Избраніе это является для меня тѣмъ болѣе цѣннымъ, что оно исходитъ изъ среды общества, въ занятіяхъ котораго въ прежніе годы я неоднократно принималъ непосредственное участіе и что однимъ изъ основаній къ избранію меня юридическимъ обществомъ въ свои почетные члены послужило повсемѣстное нынѣ введеніе въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ Императора Александра II-го; осуществленіе этой мѣры, направленной къ дарованію благъ праваго и скорого суда всѣмъ окраинамъ Россійской Имперіи, я всегда признавалъ одною изъ священныхъ обязанностей, Высочайше возложенныхъ на меня при врученіи мнѣ руководительства дѣятельностью судебныхъ установленій Имперіи.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ глубокомъ моемъ уваженіи и искренней преданности Н. Муравьевъ.

Постановили: изложенное принять къ свѣдѣнію.

Протоколъ засѣданія уголовного отдѣленія 18 января 1899 г.

Въ засѣданіи этомъ, которое открылось въ 8 ¹/₂ часовъ вечера подъ предсѣдательствомъ И. Я. Фойницкаго, гость Н. О. Куплевасскій доложилъ о проектѣ устава о служебныхъ провинностяхъ (докладъ напечатанъ въ журналѣ Министерства Юстиціи, декабрь 1898 г.), и поддерживалъ слѣдующія положенія:

1) Перечисленіе дисциплинарныхъ проступковъ въ законѣ не нужно и не возможно. Компетенція дисциплинарныхъ учрежденій должна быть опредѣлена общимъ принципомъ. Поэтому вся III глава проекта, съ ея подробной регламентаціей, представляется излишнею.

2) Предполагаемое проектомъ устройство органовъ дисциплинарнаго суда недостаточно обезпечиваетъ самостоятельность этого суда отъ вліянія начальства, въ вѣдомствѣ котораго служить обвиняемый.

3) Необходимо присутствіе на судѣ особаго, командироваемаго обвиняющимъ начальствомъ, представителя обвиненія.

4) Допущеніе при дисциплинарномъ производствѣ защиты и ограниченной публичности представляется желательнымъ.

5) На всѣ дисциплинарныя постановленія должно быть опредѣленно допущено обжалованіе въ Правительствующій Сенатъ, въ случаѣ нарушенія предметовъ вѣдомства и закона.

6) Вся глава объ особомъ порядкѣ дисциплинарнаго производства является не только излишней, но и прямо вредной, нарушающей существенные интересы правосудія и должностнаго порядка.

Въ обсужденіи доклада приняли участіе: В. Д. Набоковъ, Г. Б. Сліозбергъ, М. М. Боровитиновъ, А. Е. Назимовъ, Э. Я. Фуксъ,

бар. Э. Ю. Нольде, Л. И. Петражицкій, М. А. Лозина-Лозинскій и И. Я. Фойницкій. Пренія сосредоточились главнымъ образомъ на первомъ пунктѣ доклада.

Оставаясь при прежнихъ взглядахъ, уже высказанныхъ въ печати, В. Д. Набоковъ видитъ въ стремленіи проекта создать особья категоріи служебныхъ проступковъ значительный шагъ впередъ. Нѣтъ никакихъ основаній отказаться отъ того начала, которое нашло себѣ выраженіе въ уголовномъ кодексѣ—*nullum crimen sine lege*. Служебный интересъ, выдвигаемый докладчикомъ, понятіе слишкомъ широкое, лишь въ бѣглой формѣ имъ намѣченное. Докладчикъ дѣлаетъ проекту упрекъ за широкой допущенный имъ просторъ въ выборѣ наказаній. Но и при такомъ просторѣ остается гарантія противъ произвола, заключающаяся въ томъ, что можно быть наказаннымъ только за опредѣленное въ законѣ дѣяніе, а не по усмотрѣнію начальства. Такимъ образомъ, оппонентъ остается при мнѣніи, что сдѣланная проектомъ попытка установить перечневую систему, которая впоследствии подъ вліяніемъ критики будетъ совершенствоваться, представляетъ существенный шагъ впередъ.

Затѣмъ оппонентъ сдѣлалъ нѣсколько частныхъ замѣчаній, указавъ, между прочимъ, что небрежное исполненіе стрѣлочникомъ своихъ служебныхъ обязанностей, повлекшее остановку поѣзда, наказуемо и предусмотрѣно проектомъ уголовного уложенія. Правильны соображенія докладчика относительно непомерно широкаго примѣненія ареста въ видѣ дисциплинарнаго средства, но нельзя согласиться, чтобы отбытіе наказанія на мѣстѣ служенія было для виновнаго отягченіемъ. вмѣстѣ съ докладчикомъ, В. Д. Набоковъ выражаетъ недоумѣніе по поводу того, что прокуратура, призванная проектомъ къ участию въ высшей и низшей инстанціяхъ, въ средней отсутствуетъ. Тоже—относительно судебного элемента. Объяснительная записка не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ.

По мнѣнію Г. Б. Слюзберга, первая часть доклада, заключающая въ себѣ критику матеріальныхъ постановленій проекта, находится въ противорѣчьи со второй его частью, посвященной формальной сторонѣ проекта. Въ этой послѣдней части докладчикъ указываетъ желательный порядокъ производства, составъ суда, рекомендуетъ защиту, гласность, и все это съ цѣлью поставить дисциплинарную юрисдикцію въ тѣсныя рамки и оградить интересы должностнаго лица. Совсѣмъ другое говорится въ первой части.

Гарантія правъ служащихъ лежитъ не только въ процессуальныхъ нормахъ, но и въ нормахъ матеріальнаго порядка. Важно не только, какъ судять, но также—за что судять. Если-бы докладчикъ задался конструктивной задачей, онъ увидѣлъ бы, что только одна перечневая система возможна относительно дисциплинарныхъ проступковъ. Проектируемый уставъ называется уставомъ о служебныхъ провинностяхъ, т. е. говоритъ объ опредѣленныхъ дѣйствіяхъ, которыя поэтому слѣдуетъ детально описывать.

Общее же, черезъ чуръ широкое правило не приведетъ ни къ чему—и всякая попытка къ начертанію единообразной формулы обречена на погибель.

VI главу проекта (объ особомъ порядкѣ производства) оппонентъ находитъ по существу правильной и справедливой. Быть можетъ, она противорѣчитъ логической стройности, но обойтись безъ нея—невозможно. Въ служебныхъ отношеніяхъ, безспорно, есть частноправовой элементъ, и необходимо дать нѣкоторую возможность къ прекращенію этихъ отношеній, разъ начальникъ находитъ подчиненнаго неспособнымъ или нежелательнымъ для себя.

Справедливо полагаетъ докладчикъ, что мѣры взысканія поставлены проектомъ въ слишкомъ широкихъ предѣлахъ, конечно, усмотрѣніе судейское является необходимымъ, но невозможно раздвигать это усмотрѣніе безъ надобности во имя цѣльности принципа.

М. М. Боровитиновъ, присоединяясь къ сказанному В. Д. Набоковымъ и Г. Б. Слюзбергомъ о неудобствахъ системы, рекомендуемой докладчикомъ, обратилъ вниманіе на то, что при той неясной постановкѣ понятій служащаго и служебной обязанности, какая замѣчается въ проектѣ, даже редакція 41 статьи, опредѣляющей дисциплинарное взысканіе за всякое нарушеніе установленной закономъ служебной обязанности, едва ли не представляется нѣсколько опасной. Въ текстѣ проекта нѣтъ опредѣленія понятій служащаго и служебной обязанности. Изъ этого надлежало бы заключить, что понятія эти имѣютъ въ проектѣ тотъ же объемъ и характеръ, съ какимъ они встрѣчаются въ сводѣ законовъ; но въ объясненіяхъ къ проекту нельзя не признать попытки дать этимъ понятіямъ совершенно иное значеніе. Такъ, не подлежитъ сомнѣнію, что редакціонная комиссія имѣетъ въ виду привлечь къ отвѣтственности въ дисциплинарномъ порядкѣ, въ качествѣ служащихъ, вольнопрактикующихъ врачей, повивальныхъ бабокъ, управляющихъ аптеками, аптекарскихъ учениковъ и т. п. Изъ

объясненій къ 41 ст. видно, что петрезвая жизнь управляющихъ аптеками или содержателей оныхъ признается комиссіей нарушеніемъ ихъ служебной обязанности. Коль скоро служебная обязанность понимается проектомъ столь широко, то остается только желать, чтобы случаи нарушенія этихъ обязанностей, влекущіе за собою дисциплинарную отвѣтственность, были опредѣлены возможно точнѣе.

А. Е. Назимовъ согласенъ съ положеніями реферата. Личное задержаніе, какъ мѣру дисциплинарную, оппонентъ считаетъ средствомъ непригоднымъ. 1) Это—не дисциплинарная мѣра, такъ какъ касается общечеловѣческаго блага, 2) оно притупляетъ чувство личнаго достоинства и, наконецъ, 3) оно несовременно: на западѣ оно уже оставлено. Особенно вредной слѣдуетъ признать эту мѣру въ примѣненіи къ педагогамъ, для которыхъ чувство личнаго достоинства—*conditio sine qua поп.* Нельзя забыть и того, что мѣра эта будетъ примѣняться къ низшимъ, между тѣмъ воспитательная роль педагога обратно пропорціональна его іерархическому положенію (сельскій учитель и профессоръ).

Останавливаясь далѣе на оцѣнкѣ VI-й главы проекта, оппонентъ отмѣчаетъ, что 2 п. 98 ст. не обезпечиваетъ отъ произвола. Подъ этотъ пунктъ подведутъ и политическихъ неблагонадежныхъ, которые прежде удалялись со службы по 3 п., съ той разницей, что удаленіе по 3 п. не дискредитировало человѣка.

Э. Я. Фуксъ затѣтилъ, что 3-й п. предусматривалъ неправильные поступки по службѣ, но отнюдь не политическую неблагонадежность. Тѣ случаи, когда начальство давало 3-му пункту широкое толкованіе, представляютъ собою злоупотребленія.

Л. І. Петражицкій замѣтилъ, что стремленіе отказаться отъ попытки точно и опредѣленно отчеканить виды наказуемыхъ провинностей, замѣнивъ ихъ одной общей формулой, было бы регрессомъ. Утверждая, что единственно важное значеніе слѣдуетъ придать формальной организаціи дисциплинарной юстиціи, и находя, что можно вполне положиться на тактъ и юридическое сознаніе судей, докладчикъ забываетъ, что только потому судебная дѣятельность пользуется безусловнымъ авторитетомъ и уваженіемъ, что судья обязанъ судить по закону, по точнымъ указаніямъ закона, уклоняться отъ которыхъ, въ интересахъ цѣлесообразности, онъ не въ правѣ. Если же и въ судебную дѣятельность внести, въ качествѣ преобладающаго, элементъ цѣлесообразности, ослабивъ элементъ законности и законности, то совершенно про-

падетъ значеніе тѣхъ гарантій, которыя докладчикъ видитъ въ привлеченіи судебныхъ дѣятелей къ отправленію дисциплинарной юстиціи.

М. А. Лозина-Лозинскій, присоединяясь къ большинству оппонентовъ, доказывавшихъ необходимость постатейной редакціи дисциплинарнаго устава, полагаетъ, что и въ самомъ докладѣ можно найти указаніе на эту необходимость. Докладчикъ многократно подчеркивалъ, что дисциплинарныя учрежденія должны быть органами ни того или другого вѣдомства или начальства, но правительства вообще. Слѣдовательно, правительство вообще и должно установить свой взглядъ на служебныя провинности и мѣру ихъ наказуемости. У насъ, въ Россіи,—единственный способъ, которымъ высказываетъ свой взглядъ правительство вообще, есть изданіе закона, утвержденного верховною властью. Указаніе въ дисциплинарномъ уставѣ, какое наказаніе можетъ быть наложено за данную провинность, и будетъ способствовать тому, чтобы дисциплинарныя учрежденія руководствовались не собственнымъ пониманіемъ, а взглядами правительства вообще.

Переходя засимъ къ такъ называемому 3-му пункту, слѣдуетъ замѣтить, что въ немъ смѣшаны въ одно три совершенно разныя причины увольненія чиновниковъ со службы: неспособность къ службѣ, неблагонадежность и совершеніе вины, извѣстной начальству, но не могущей быть доказанною фактами. Проектъ дисциплинарнаго устава дѣлаетъ тотъ существенный шагъ впередъ, что устраняетъ эту третью причину, которая несомнѣнно составляетъ самую темную сторону дискреціонной власти начальства по увольненію чиновника. И неспособность, и неблагонадежность—это все таки факты, которые можно и должно констатировать, но что такое вина, извѣстная начальству и не могущая быть доказанною? Подъ это опредѣленіе подойдетъ всякая злобная выдумка, сказанная на ухо по секрету. И если только эту причину увольнения безъ всякаго разслѣдованія устранить новый уставъ о служебныхъ провинностяхъ, то его слѣдуетъ привѣтствовать.

И. Я. Фойницкій отмѣтилъ, что въ состоявшихся преніяхъ столкнулись двѣ точки зрѣнія: публициста и криминалиста. Докладчикъ видитъ въ дисциплинарномъ проступкѣ понятіе, генерически отличное отъ уголовной вины и гражданской неправды. Съ этимъ согласиться нельзя. Понятіе о дисциплинарной винѣ низшая ступень уголовной вины. Этого взгляда и придерживается редакціонная коммисія, и этимъ, быть можетъ, объясняется слиш-

комъ широкое примѣненіе ареста. Коммисіи предстояло или отнестись крупныя проступки къ уголовной винѣ и карать по уложенію или же, чтобы избѣжать неудобства такой системы, ввести указанныя проступки въ дисциплинарный уставъ, примѣнивъ въ качествѣ карательной мѣры арестъ. Стало быть, идея коммисіи похвальна. Какъ она осуществилась это вопросъ другой.

Н. О. Куплеваскій заявилъ, что онъ недостаточно убѣжденъ аргументаціей оппонентовъ, направленной противъ I тезиса доклада. Для дисциплинарныхъ проступковъ имѣется опредѣленный принципъ, нашедшій себѣ мѣсто въ западно-европейскихъ кодексахъ (германскій 31 марта 1873 г.). Ссылка на уложеніе не убѣдительна: было бы лучше, если бы дѣйствующіе уголовные законы приняли опредѣленное начало. Перечневая система не гарантируетъ и интересовъ обвиняемаго. Какъ ни тщательно она будетъ проведена, все же отдѣльныя проступки ускользнутъ и придется прибѣгнуть къ общимъ опредѣленіямъ, чего такъ опасаются оппоненты. Наибольшая гарантія лежитъ въ нравахъ и образованіи судей. Этому начала придерживается англійское право; ту же тенденцію мы видимъ въ проектѣ нашего уголовного уложенія.

При послѣдовавшемъ затѣмъ голосованіи отдѣленіе высказалось противъ предложенія докладчика.

Предсѣдательствующій выразилъ благодарность докладчику и закрылъ засѣданіе въ 12 ч. н.

Протоколъ засѣданія уголовного отдѣленія 6 февраля 1899 года.

По открытіи предсѣдательствующимъ *И. Я. Фойницкимъ* засѣданія въ 8^{1/2} ч., собраніе приступило къ выборамъ, причемъ оказались избранными: предсѣдательствующимъ—*И. Я. Фойницкій*, товарищемъ его—*А. К. Вульффертъ*; членами редакціоннаго комитета—*Д. А. Дриль*, *В. Д. Набоковъ* и *А. А. Жижиленко*.

Затѣмъ было предоставлено слово дѣйствительному члену общества *А. А. Левенстиму*, представившему докладъ о конокрадствѣ съ бытовой и юридической стороны (докладъ напечатанъ въ „Вѣстникѣ права“ за февраль 1899 г.). Докладчикъ поддерживалъ слѣдующія положенія:

1) Въ дѣйствующія карательныя постановленія о конокрадствѣ необходимо внести слѣдующую поправку: часть 2-ую статьи 931

улож. о наказ. перенести въ ст. 1654¹ того же уложенія въ видѣ второй ея части.

2) Усиленіе наказаній за конокрадство посредствомъ замѣны тюрьмы и арестантскихъ отдѣленій ссылкой въ Сибирь на поселеніе необходимо признать безусловно нежелательнымъ.

3) Борьба съ конокрадствомъ должна вестись: а) главнымъ образомъ путемъ принятія цѣлаго ряда мѣръ къ предупрежденію самаго преступленія и б) путемъ улучшенія розыска и слѣдствія по дѣламъ сего рода.

4) Для успѣшнаго подавленія конокрадства необходимо прежде всего всестороннее изученіе въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ причинъ его развитія и формъ его проявленія.

Выясняя общее значеніе выслушаннаго доклада, *И. Я. Фойницкій* замѣтилъ, что докладъ А. А. Левенстима затрогиваетъ самыя больныя стороны русской жизни. Быть можетъ, многіе не примкнуть къ выводамъ референта, но не считаться съ ними—нельзя. Въ прежнихъ своихъ работахъ референтъ бралъ темы болѣе широкія, но настоящій докладъ его по содержанию и разработкѣ едва ли не самый удачный. Цѣнны въ немъ общая характеристика вопроса, прозрачность изложенія, богатство фактическихъ данныхъ; 3-й тезисъ обоснованъ въ высшей степени доказательно—и при обсужденіи доклада слѣдовало бы, главнымъ образомъ, имѣть въ виду тѣ двѣ стороны предмета, которыя намѣчены этимъ тезисомъ.

Присутствовавшій въ засѣданіи гость *Н. А. Крыловъ* попросилъ дозволенія сказать по поводу доклада свое мнѣніе, объяснивъ, на вопросъ предсѣдательствующаго, что онъ былъ предсѣдателемъ мирового съѣзда въ Алатырѣ, Симбирской губ., и мнѣніе его вынесено изъ практической жизни, такъ какъ Алатырскій уѣздъ много страдалъ отъ конокрадовъ сосѣднихъ губ. и уѣздовъ. По предоставленіи ему слова, *Н. А. Крыловъ* указалъ, что докладъ можно пополнить указаніемъ на обще-государственный вредъ, приносимый конокрадствомъ. Казна много тратитъ денегъ на улучшеніе лошадей, какъ для хозяйства, такъ и для военноконской повинности. Но при существующемъ конокрадствѣ крестьяне во многихъ мѣстностяхъ боятся заводить хорошихъ лошадей, потому что воруютъ преимущественно хорошихъ.

По поводу выраженнаго докладчикомъ желанія отнять у крестьянскихъ обществъ право удаленія вредныхъ и порочныхъ членовъ, *Н. А. Крыловъ* замѣтилъ, что въ большинствѣ случаевъ

крестьяне удаляют только конокрадовъ и поджигателей, т. е. два неуловимыя для суда преступленія. Деревня знаетъ наперечетъ своихъ домашнихъ воровъ, они держатъ всѣхъ въ рукахъ, берутъ выкупъ за уведенныхъ лошадей и подпускаютъ ихъ или указываютъ гдѣ искать. Жалобъ на это не приносится, потому что крестьяне боятся мщенія со стороны конокрадовъ.

Юридическихъ доказательствъ не находится, конокрады продолжаютъ свою дѣятельность до тѣхъ поръ, пока ихъ не удалятъ крестьяне изъ своихъ обществъ. Но такъ какъ удаленіе сопряжено съ расходами на путь по этапу (отъ 30 до 50 р. на лицо), то крестьяне находятъ необходимымъ прибѣгать къ самосуду, за что страдаютъ сами. Многія земства и Алатырское въ томъ числѣ вносили въ бюджетъ о расходахъ по 200 и болѣе руб. въ помощь обществамъ крестьянъ на удаленіе конокрадовъ. Отнимать у крестьянъ это право, при ихъ тѣсномъ житиѣ въ деревняхъ и при круговой поруцѣ, не рационально.

Замѣнить это право можно было бы отнятіемъ всякой возможности у конокрадовъ мстить крестьянамъ, рѣшающимся приносить на нихъ жалобы. Но ни судъ, ни полиція не въ силахъ оградить каждаго отъ мщенія его односельцевъ.

Что же касается до самосуда надъ конокрадами, то это—вопросъ очень широкій, онъ затрагиваетъ нравственную сторону не однихъ крестьянъ.

Весьма нерѣдко убійство конокрадовъ, бросаніе ихъ въ воду, закапываніе ихъ въ землю, и потомъ засѣвъ и запахиваніе этой земли всѣмъ міромъ поощряются не только всѣми окрестными деревнями, но и полиціей и помѣщиками. Всякій о происшествіи знаетъ, всѣ открыто объ этомъ говорятъ и только высказываютъ желаніе, чтобы вынужденные къ самосуду не попали подъ судъ.

Если мы видимъ, говорить въ заключеніе Н. А. Крыловъ, что ни статьи XIV т., ни многократные циркуляры Министра Внутреннихъ Дѣлъ не въ силахъ заставить полицію смотрѣть за тѣмъ, чтобы не кочевали цыгане (коренные конокрады) таборами, то можно ли рассчитывать, что полиція оградитъ населеніе отъ конокрадовъ и ихъ мщенія обывателямъ? Можно урегулировать право крестьянъ на удаленіе конокрадовъ изъ обществъ; можно обставить такъ, чтобы не было несправедливыхъ случаевъ, но совершенно отнимать это право у общества не слѣдовало бы.

Предсѣдательствующій *И. Я. Фойницкій*, напомнилъ, что въ докладѣ особенно подчеркнута мысль о необходимости предупре-

дительныхъ мѣръ въ борьбѣ съ конокрадствомъ. Докладчикъ требуетъ всесторонняго изученія вопроса, чтобы и общество и полиція могли предохранить населеніе отъ конокрадовъ и въ этомъ пунктѣ онъ не расходится съ Н. А. Крыловымъ. Расходятся они лишь по вопросу о ссылкѣ. Но почему долженъ терять вора мужикъ Енисейской губ. зато, что въ Европейской Россіи селеніе страдаетъ отъ конокрада? Вопросъ о ссылкѣ по приговорамъ обществъ есть вопросъ весьма широкій, его нельзя рѣшить мимоходомъ, вскользь.

Э. Я. Фуксъ, высказался противъ административной ссылки, при чемъ указалъ въ опроверженіе словъ Н. А. Крылова, что Царство Польское обходится безъ ссылки.

М. В. Головинскій отмѣтилъ, что тѣ лица, которыя ссылаются обществомъ, не самыя опасныя; самыя значительные преступники ускользаютъ отъ преслѣдованія. Относительно административной ссылки можно выставить и такого рода возраженіе. Привлекается къ отвѣтственности конокрадъ; судъ его оправдываетъ, а вслѣдъ затѣмъ онъ подвергается по приговору общества ссылкѣ. Оправдательный приговоръ суда, слѣдовательно, не имѣетъ силы, а постановленіе общества явившееся быть можетъ, подъ вліяніемъ минуты, рѣшаетъ участь человѣка.

Въ Варшавскомъ судебномъ округѣ, какъ замѣчено было, административной ссылки нѣтъ, между тѣмъ конокрадство тамъ не развито сильнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, хотя вблизи и лежить граница.

Затѣмъ поддерживая докладчика, *М. В. Головинскій* выразилъ сомнѣніе въ полезности т. н. лошадиныхъ билетовъ, какъ предупредительной мѣры. Накладываніе печати проходитъ черезъ руки старосты, волостнаго писаря, что сопряжено съ злоупотребленіями. Возможны также случаи кражи, подлога печати—и такимъ образомъ распоряженіе правительства, недостаточно обоснованное, содѣлаетъ искусственно новыя преступленія.

Самая ужасная сторона конокрадства, по словамъ *М. В. Головинскаго*, это—то, что подъ вліяніемъ минутнаго настроенія надъ виновнымъ учиняется судъ линча. Въ прибалтійскомъ краѣ придуманъ особенно жестокой, утонченно жестокой способъ расправы съ конокрадомъ. Пойманнаго конокрада угощаютъ водкой, затѣмъ прикрѣпляютъ къ широкой доскѣ и съ высоты бросаютъ. Въ результатѣ—смерть отъ воспаленія спиннаго мозга, не сопровождаема никакими признаками насилія.

М. М. Боровитиновъ, соглашаясь съ докладчикомъ, что конокрадство имѣеть совершенно исключительное значеніе въ экономическомъ быту крестьянъ, оспаривалъ состоятельность мѣропріятій, рекомендуемыхъ докладчикомъ для успѣшной съ нимъ борьбы.

Указаніе на неправильное примѣненіе судами карательнаго правила о скупѣ и сбытѣ завѣдомо краденыхъ лошадей свидѣтельствуеъ, по мнѣнію оппонента, не о желательности перенесенія этого правила изъ ст. 931 въ ст. 1654¹, о по необходимости прінятія соотвѣствующихъ мѣръ къ примѣненію его судами согласно волѣ и смыслу закона. Покупка по ремеслу краденаго не является ни кражей, ни похищеніемъ чужого имущества, ни даже преступленіемъ противъ частной собственности; слѣдовательно, ст. 1654¹ предусматриваться не можетъ. По опредѣленію составителей проекта уложенія 1845 г., это—особаго рода опасный проступокъ, угрожающій не отдѣльнымъ лицамъ, но всему обществу, и потому на ряду съ составленіемъ шаекъ, долженствующій быть отнесеннымъ къ преступленіямъ противъ общественнаго спокойствія и порядка. Отдѣленіе, въ которомъ помѣщена 931 ст., говоритъ не только о шайкахъ, но и о „пристанодержательствѣ“, въ понятіе котораго входитъ покупка по ремеслу завѣдомо похищеннаго. Референтъ указываетъ далѣе на нежелательность примѣненія къ конокрадамъ ссылки на поселеніе въ Сибирь и на необходимость для успѣшнаго подавленія конокрадства изученія вызвавшихъ его мѣстныхъ условий. Къ какимъ плодотворнымъ результатамъ, въ смыслѣ борьбы съ преступностью, это можетъ привести, лучше всего доказываетъ приведенный докладчикомъ примѣръ, изъ коего видно, что наибольшее число кражъ даетъ участокъ, расположенный на границѣ трехъ уѣздовъ, покрытый лѣсомъ, имѣющій въ сосѣдствѣ поселки, извѣстные за конокрадскія гнѣзда. Съ границами уѣздовъ вести борьбу нельзя, истребить лѣсъ нежелательно, въ уничтоженіи же лицъ конокрадовъ и состоитъ вся задача. Полвѣка правительство осаждается непрестанными ходатайствами объ усиленіи репрессіи за конокрадство, объ избавленіи отъ конокрадовъ сельскаго населенія; приводимые докладчикомъ примѣры кровавой расправы съ конокрадами наглядно свидѣтельствуютъ, что въ борьбѣ съ этимъ преступленіемъ едва-ли возможно ограничиться пожеланіями объ улучшеніи по дѣламъ о конокрадствѣ слѣдствія и суда. Если нежелательна административная ссылка, то поселеніе по суду, пока эта мѣра еще уцѣлѣла въ нашемъ законодательствѣ, въ особенности желательна въ приложеніи къ конокрадамъ. Устанавливаемый

проектомъ исправительный домъ дѣлу не поможетъ, не избавить сельское населеніе отъ развѣдающей его язвы.

Г. Г. Евангуловъ возразилъ противъ 1-го тезиса, полагая, что и въ настоящее время, какъ то было разъяснено Правительствующимъ Сенатомъ въ 1883 г. по дѣлу Корева, лица, занимающіяся скупомъ или сбытомъ, въ видѣ промысла, завѣдомо краденыхъ лошадей, должны подлежать дѣйствию улож. о нак., а не устава о нак., хотя бы и шайки не было. Коснувшись далѣе бытовой стороны вопроса, Г. Г. Евангуловъ замѣтилъ, что частые случаи самосуда указываютъ на недовольство существующимъ порядкомъ, который поэтому подлежитъ преобразованію. Нынѣшняя распѣйка наказаній за конокрадство не соотвѣтствуетъ чувству народной справедливости. Если ссылку назначать неудобно, то увеличеніе наказанія является необходимымъ.

А. А. Левенстимъ поблагодарилъ оппонентовъ, освѣтившихъ всесторонне своими сужденіями затронутый вопросъ. Отстаивая свои положенія, А. А. Левенстимъ, въ частности, остановился на 1-мъ тезисѣ, доказывая неправильность мнѣнія г. Евангулова: тезисъ, приведенный у Н. С. Таганцева, по дѣлу Корева, неправиленъ—и рѣшеніе по этому дѣлу не можетъ имѣть примѣненія въ случаяхъ, указанныхъ въ докладѣ.

Засѣданіе закрылось въ 11¹/₂ ч. веч.

Протоколъ засѣданія уголовного отдѣленія 26 марта 1899 г.

Засѣданіе открылось словомъ предѣдательствующаго И. Я. Фойницкаго, посвященнымъ памяти скончавшагося члена общества присяжнаго повѣреннаго П. В. Макалинскаго. Собраніе почтило память покойнаго вставаніемъ.

Затѣмъ дѣйствительный членъ общества Л. В. Шалландъ представилъ докладъ „о выдачѣ собственныхъ подданныхъ“, въ которомъ поддерживалъ слѣдующія положенія:

I. Принципъ невыдачи своихъ подданныхъ былъ усвоенъ практикою и теоріею не ранѣе начала XIX-го вѣка. До этого времени, національность преступника играла, въ данномъ вопросѣ, подчиненную роль.

II. Въ настоящее время лишь немногія государства *принципально* отвергаютъ выдачу туземцевъ (Германія, Австрія, Греція,

Италія и нѣкоторыя другія); однако *на практикѣ* все цивилизованныя страны придерживаются правила: „свои подданные не выдаются“. Исключеніе представляютъ только Англія и Соединенные Штаты и, отчасти, Южно-Американскія республики.

III. Приводимые въ защиту такого порядка вещей доводы мало убѣдительны. На самомъ дѣлѣ, выдача туземца:

1) не подрываетъ достоинства государства-отечества;

2) не представляетъ опасности пристрастнаго разбирательства въ болѣе мѣрѣ, чѣмъ при всякомъ дѣлѣ объ иностранцѣ или о туземцѣ, совершившемъ преступленіе заграницею;

3) не противорѣчитъ праву подданнаго на пребываніе въ предѣлахъ отечественной территоріи (такъ назыв. *Wohnrecht*).

IV. Напротивъ того, выдача въ данномъ случаѣ:

1) является передачею преступника въ распоряженіе наиболѣе „естественныхъ“ судей (*juges naturels*);

2) можетъ почитаться истиннымъ и наиболѣе разумнымъ проявленіемъ покровительства со стороны государства-отечества, ибо на мѣстѣ совершенія преступленія могутъ быть лучше всего собраны доказательства въ пользу невинности лица;

3) вполне соотвѣтствуетъ задачамъ правосудія въ международномъ общеніи, такъ какъ *forum delicti commissi* лучше всего приспособлено для изслѣдованія, оцѣнки и квалификаціи преступнаго дѣянія, которое должно быть погашено въ мѣстѣ его совершенія.

V. Выдача туземца не должна имѣть мѣсто:

а) когда преступленіе вообще не наказуемо по законамъ отечества преступника;

б) когда на лицо имѣются обстоятельства очевидно и бесспорно устраняющія виновность;

в) когда дѣяніе направлено было противъ отечества преступника;

г) когда вообще допускается отказъ въ экстрадиціи (дуэль, религиозныя и политическія преступленія, истеченіе давности и т. п.).

По окончаніи доклада, слово было предоставлено *А. А. Пиленко*. Онъ находилъ историческую часть доклада не совсемъ точной. Едва ли можно согласиться, по мнѣнію оппонента, что уже въ XIV—XV в.в. имѣла мѣсто выдача собственныхъ подданныхъ. Въ это время не существовало еще ни выдачи (была только пересылка преступниковъ изъ одной части Римской имперіи въ другую), ни подданства: кто проживалъ странѣ годъ и день, становился подданнымъ.

Положенія догматической части доклада по идеѣ своей представляются А. А. Пиленко правильными. Но осуществить на дѣлѣ пожеланія докладчика нынѣ невозможно. По вопросу о выдачѣ нельзя установить общаго положенія. Нельзя не считаться съ различіемъ культуры отдѣльныхъ странъ: нѣкоторыя страны заслуживаютъ довѣрія и могутъ дать гарантіи правильнаго судопроизводства, другія—такимъ довѣріемъ не пользуются и подобныхъ гарантій не представляютъ. Безусловная выдача своихъ подданныхъ допустима только по отношенію къ первымъ государствамъ.

По мнѣнію *М. М. Боровитинова*, референтомъ вполне убѣдительно доказано, что государство, выдавая своего подданнаго, не нарушаетъ его правъ, что права, не быть выданнымъ подданный не имѣетъ. Съ другой стороны, референтъ совершенно правильно не признаетъ выдачи собственныхъ подданныхъ обязанностью государства; напротивъ, даже какъ осуществленіе права онъ желаетъ поставить ее въ болѣе тѣсныя предѣлы, чѣмъ тѣ, которые существуютъ для выдачи преступниковъ—иностранцевъ. Выставленные имъ въ V тезисѣ ограниченія исключительно по отношенію къ выдачѣ туземцевъ, по мнѣнію оппонента, едва ли имѣютъ тотъ специфическій характеръ, который докладчикъ желаетъ имъ придать. Допустима или недопустима выдача въ тѣхъ случаяхъ, когда требуемое лицо не подлежитъ наказанію по законамъ мѣста пребыванія, въ какомъ объемѣ допустима выдача при преступленіяхъ религіозныхъ и политическихъ,—все это вопросы общаго ученія о выдачѣ, требующіе одинаково разрѣшенія для иностранцевъ и туземцевъ. Оппонента интересуетъ совсѣмъ другой вопросъ—вопросъ, который, къ сожалѣнію, не получилъ надлежащаго освѣщенія въ докладѣ: если выдача собственныхъ подданныхъ—есть право государства, то почему государства до сихъ поръ этимъ не пользовались, что мѣшало имъ это право осуществлять, устранены ли препятствія къ его осуществленію въ настоящее время, или можно надѣяться, по крайней мѣрѣ, на устраненіе ихъ въ ближайшемъ будущемъ? Докладъ на эти вопросы не даетъ отвѣта. Но вѣдь нельзя же допустить, въ самомъ дѣлѣ, что государства не выдавали своихъ подданныхъ только потому, что проф. Бернеръ находитъ, что ихъ выдача не будетъ соответствовать достоинству государства—отечества! Оппонентъ ищетъ причинъ глубже и видитъ ихъ въ отсутствіи у государствъ интересовъ въ выдачѣ туземцевъ, въ цѣломъ рядѣ неудобствъ, которыя можетъ представить ихъ выдача для государственныхъ цѣлей.

Если бы въ примѣненіи наказанія государство преслѣдовало исключительно Гроціевъ принципъ и заботилось бы только о *malum possessionis*, то было бы совершенно безразлично *aut punire aut dedere*. Но Гроціевскій принципъ, правильно опредѣляющій существо наказанія, имѣетъ безусловное значеніе только *in abstracto*; въ дѣйствительной жизни государство никогда не преслѣдуетъ своихъ цѣлей изолированно. Наказывая преступника, оно не упускаетъ изъ виду и цѣлей предупрежденія преступленій; причиняя преступнику страданія, оно старается въ то же время его исправить, поставить въ невозможность продолжать преступный путь. Въ преслѣдованіи этихъ цѣлей, хотя и не принадлежащихъ къ существу наказанія, однако тѣсно связанныхъ съ мѣрами уголовной репрессіи, и надо искать различія между выдачей преступниковъ—иностранцевъ и туземцевъ. Предъявляется требованіе о выдачѣ преступника, совершившаго тяжкое преступленіе въ Германіи, за которое нашъ законъ угрожаетъ ссылкой въ каторжные работы. Если преступникъ — иностранецъ, то Россія, выдавая его, можетъ воспретить ему вѣздъ въ свои предѣлы и тѣмъ покончить съ нимъ всякіе расчеты, но отъ своего подданнаго такимъ путемъ избавиться оно не можетъ. Что обѣщаетъ ей его выдача? Преступникъ будетъ препровожденъ въ Германію, осужденъ, посаженъ въ цухтгаузъ, испорченъ тамъ до послѣдней степени и затѣмъ высланъ обратно въ Россію. Россія обязана его принять и, уважая принципъ „*ne bis in idem*“, оставить на свободѣ, открывъ ему поле дѣятельности для новыхъ преступленій; между тѣмъ, если бы его судили въ Россіи, ссылка въ Сибирь предупредила бы въ извѣстной степени возможность рецидива.

То же должно сказать и о дѣлѣ исправленія: имѣя въ виду выслать иностранца, государство въ исправленіи его имѣетъ очень малый интересъ; государство—отечество, наказывая туземца, очень большой. *Forum delicti commissi*, несомнѣнно, представляетъ большія выгоды, но всѣхъ этихъ неудобствъ оно искупить не въ силахъ, тѣмъ болѣе, что даже въ предѣлахъ одного государства за нимъ не признаютъ абсолютнаго значенія. Резюмируя сказанное, оппонентъ находитъ, что хотя государство и имѣетъ право выдачи собственныхъ подданныхъ, хотя къ осуществленію этого права принципиальныхъ препятствій нѣтъ, но неудобства пользования имъ, вытекающія изъ самаго существа подданическаго отношенія, настолько велики, что нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы выдача собственныхъ подданныхъ могла практико-

ваться государствомъ въ ближайшемъ будущемъ въ сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ.

И. Я. Фойницкій замѣтилъ, что постановка вопроса въ докладѣ—неясна. Неизвѣстно, какой точки зрѣнія придерживается докладчикъ, исходитъ-ли онъ изъ соображеній принципиальныхъ или удобства. Присоединяясь къ возраженіямъ предшествующихъ оппонентовъ, *И. Я. Фойницкій*, съ своей стороны, указываетъ, что положенія доклада не могутъ быть приняты во всемъ ихъ объемѣ въ виду данныхъ процессуальнаго свойства.

Конечно, судъ мѣста совершения преступленія представляетъ больше гарантій для правильной оцѣнки дѣянія. Но, кромѣ дѣянія, мы имѣемъ предъ собой въ каждомъ уголовномъ дѣлѣ—личность подсудимаго, въ интересахъ котораго не безразлично, гдѣ надъ нимъ будетъ происходить судъ. Важно, чтобы въ судѣ было по возможности отраженіе всѣхъ классовъ общества, къ которому принадлежитъ обвиняемый. Чѣмъ больше внутренней связи между судомъ и подсудимымъ по родству идей, взглядовъ, тѣмъ судъ будетъ лучше. Могутъ быть весьма глубокія различія въ области религіи и культуры между русскимъ преступникомъ и нѣмецкимъ присяжнымъ засѣдателемъ. Въ виду этого субъективнаго момента, имѣющаго столь крупное значеніе для криминалиста, необходимо государству, выдающему своего подданнаго, обезпечить послѣдняго, своей правовой помощью. Самая же выдача своихъ подданныхъ должна быть факультативна, а не обязательна для государства, возможна, а не необходима во что бы ни стало.

Г. Б. Слюозбергъ высказался въ пользу существующей системы невыдачи подданныхъ. Эта система, не нарушая интересовъ справедливости, представляется, вмѣстѣ съ тѣмъ, и вполне цѣлесообразной. Вопросъ вѣдь не лежитъ въ мѣрѣ наказанія. Вопросъ сводится къ тому, чтобы преступникъ не избѣжалъ наказанія, гдѣ бы преступленіе ни было совершено. Если принять предложеніе докладчика, то явится цѣлый рядъ затрудненій процессуальнаго свойства. Какъ установить моментъ, когда мы можемъ сказать, что преступникъ подлежитъ выдачѣ? Неизвѣстно, какъ отнесутся иностранные судьи къ русскому преступнику. Поддерживая уже высказанныя въ засѣданіи мнѣнія, оппонентъ находитъ болѣе цѣлесообразнымъ судить обвиняемаго въ отечествѣ, на основаніи матеріаловъ предварительнаго слѣдствія, произведеннаго за-границей. Это соотвѣтствовало бы какъ интересамъ подсудимаго, такъ и той связи, которая существуетъ между нимъ и отечествомъ.

Несостоятельность защищаемого въ докладѣ принципа видна изъ того, что при своемъ осуществленіи на практикѣ онъ долженъ во всякомъ случаѣ потерпѣть ограниченіе. Нельзя вѣдь допустить выдачу, когда потерпѣвшій той же національности, что и преступникъ.

Возражая оппонентамъ, Л. В. Шалландъ не отрицалъ, что выставилъ въ своемъ докладѣ нѣсколько рѣзкія положенія. Объясняется это тѣмъ, что ему хотѣлось выслушать какія причины мѣшаютъ выдачѣ подданныхъ. Въ литературѣ вопросъ о неудобствахъ и принципиальныхъ преградахъ къ выдачѣ мало разработанъ. Подробной исторіи предмета докладчикъ не собирался изслѣдовать. Единственная его цѣль—доказать, что нѣтъ основаній возставать противъ выдачи своихъ подданныхъ. Л. В. Шалландъ соглашается съ оппонентами, что выдача не можетъ быть защищаемая въ видѣ общаго требованія, но есть случаи, когда она справедлива и цѣлесообразна.

Положенія, защищаемыя докладчикомъ, были приняты собраніемъ, съ тѣмъ ограниченіемъ, что выдача подданныхъ должна носить характеръ факультативный, при этомъ государство обязано обезпечить подданнаго своею правовой помощью.

Засѣданіе закрылось въ 11 ч. вечера.

Протоколъ засѣданія административнаго отдѣленія 16 января 1899 года.

Засѣданіе открылось въ 8¹/₂ час. веч. подъ предсѣдательствомъ И. А. Иванова.

Дѣйствительный членъ общества Н. М. Коркуновъ доложилъ докладъ на тему „наше законодательство о почетномъ гражданствѣ въ его отношеніи къ развитію образованности въ сельскихъ, волостныхъ и мѣщанскихъ обществахъ“.

Положенія:

1. Главнымъ побужденіемъ къ образованію въ 1832 году новаго сословія почетнаго гражданства служила *забота объ ограниченіи перехода всѣхъ маломальски образованныхъ городскихъ обывателей въ чиновники и объ удержаніи ихъ въ городскомъ состояніи.*

2. Дѣйствующее законодательство, устанавливая, какъ необходимое послѣдствіе пріобрѣтенія крестьяниномъ или мѣщаниномъ званія почетнаго гражданина, устранило отъ всякаго участія въ

сельскомъ, волостномъ и мѣщанскомъ общественномъ управленіи, тѣмъ самымъ дѣлаетъ невозможнымъ появленіе въ составѣ сельскихъ, волостныхъ и мѣщанскихъ обществахъ сколько-нибудь образованныхъ людей.

3. Подобное обреченіе самимъ закономъ сельскихъ, волостныхъ и мѣщанскихъ обществъ на полное невѣжество представляется явленіемъ совершенно ненормальнымъ.

4. Чтобы устранить его слѣдуетъ, не признавая болѣе обязательнымъ выходъ всѣхъ крестьянъ и мѣщанъ, получившихъ званіе почетнаго гражданина изъ соответствующаго общества, предоставить имъ право, по ихъ желанію, оставаться въ своихъ обществахъ, сохраняя въ нихъ права участія въ сходахъ, въ избраніи и въ избираемости на всѣ общественные должности, замѣщаемыя по выбору сельскихъ, волостныхъ и мѣщанскихъ обществъ.

5. Слѣдуетъ также отмѣтить статью 547 свода законовъ о состояніяхъ, устанавливающую прекращеніе преимуществъ почетнаго гражданства на время нахождения 1) въ такомъ цехѣ, съ коимъ не сопряжена по закону запись въ гильдіи и 2) наемникомъ для домашнихъ работъ.

Въ обсужденіи доклада приняли участіе: М. В. Головинскій, Ѡ. С. Фустовъ, В. Ю. Скалонъ, Н. О. Куплеваскій и Г. С. Вольткѣ.

Оппоненты въ принципѣ согласились съ положеніями докладчика, но практическую примѣнимость ихъ на дѣлѣ находили мало-возможной. Указывалось, что для поступленія въ учебное заведеніе требуется представленіе увольнительнаго свидѣтельства. Слѣдовательно, лица, окончившія положимъ, университетскій курсъ, не могутъ оставаться въ составѣ общества, изъ котораго онъ выбылъ. Замѣчено было далѣе, что при нынѣшнемъ положеніи вещей, когда земскимъ начальникамъ предоставлена широкая дискреціонная власть надъ подвѣдомственными лицами, врядъ-ли выборныя должности явятся привлекательными для людей мало-мальски развитыхъ. Конечно, съ измѣненіемъ власти учреждений по крестьянскимъ дѣламъ, возможно было бы приблизиться къ осуществленію пожеланій докладчика, но это уже новый вопросъ, который стоитъ въ дальней связи съ законодательствомъ о почетныхъ гражданахъ и не можетъ быть исчерпанъ улучшеніемъ этого законодательства.

Возражая оппонентамъ, Н. М. Коркуновъ объяснилъ, что своимъ докладомъ онъ имѣлъ въ виду обратить вниманіе на извѣстную частичную аномалію нашего законодательства, которая какъ бы высасываетъ лучшіе образовательные элементы изъ состава

крестьянскихъ и мѣщанскихъ обществъ. Требованіе увольнительнаго свидѣтельства не соотвѣтствуетъ закону и является простымъ недоразумѣніемъ.

Поблагодаривъ докладчика за представленный имъ рефератъ, затрагивающій живую, своевременную тему, И. А. Ивановскій закрылъ въ 10^{1/2} ч. веч. засѣданіе.

Протоколъ административнаго отдѣленія 27 февраля 1899 г.

По открытіи засѣданія въ 8 ч. веч. подъ предѣдательствомъ И. А. Ивановскаго, произведены выборы редакціоннаго комитета отдѣленія. Предѣдательствующій доложилъ собранію заявленія г. предѣдателя отдѣленія Н. М. Капустина и члена комитета В. О. Дерюжинскаго, что они лишены возможности долѣе исполнять свои обязанности по отдѣленію и потому просятъ ихъ баллотировкѣ не подвергать. Съ своей стороны, за неимѣніемъ свободнаго времени, отказался и И. А. Ивановскій отъ занятія должности по отдѣленію. При послѣдовавшемъ затѣмъ голосованіи избранъ былъ въ предѣдательствующіе И. А. Ивановскій; товарищемъ предѣдательствующаго А. К. фонъ-Резонъ; членами редакціоннаго комитета В. М. Гессенъ, М. А. Лозина-Лозинскій и М. И. Свѣшниковъ. Въ виду того, что И. А. Ивановскій вновь повторилъ свой отказъ, произведена была вторичная баллотировка. Избранъ былъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ К. К. Арсеньевъ, который и занялъ предѣдательское кресло. Затѣмъ выслушанъ былъ докладъ Н. П. Ретвиха „Приходъ, какъ единица самоуправленія“.

Программа доклада.

1) Русскій церковный приходъ и приходъ гражданскій; церковный приходъ не можетъ быть органомъ самоуправленія; благоприятные результаты удовлетворенія потребностей населенія зависятъ отъ децентрализаціи самоуправленія; что слѣдуетъ понимать подъ приходомъ, какъ земской единицей?

2) Исторія англійскаго прихода: организація и функціи; налогъ церковный (church rate); налогъ въ пользу бѣдныхъ (poor rate); церковный приходъ реорганизуется въ гражданскій; приходское собраніе и приходскій совѣтъ; англійскій приходъ между прочимъ вѣдаетъ вопросы о народномъ здравіи, начальномъ обученіи и путяхъ сообщенія.

3) Приходъ, какъ единица самоуправленія, долженъ вѣдать вопросы: а) охраненія народнаго здравія, б) общественнаго призрѣнія, в) народнаго продовольствія и т. д.

4) Современная организація указанныхъ отраслей самоуправленія не удовлетворительна; малоуспѣшность развитія дѣла охраненія народнаго здравія, общественнаго призрѣнія и народнаго продовольствія объясняется недостаточной децентрализацией учреждений, вѣдающихъ эти вопросы.

5) Введеніе гражданскаго прихода въ систему самоуправленія повлечетъ за собою децентрализацию земскихъ учреждений и дастъ этимъ возможность развиться указаннымъ отраслямъ самоуправления.

Докладчикъ предлагаетъ реформу самоуправления производить по частямъ Имперіи, какъ то сдѣлано при введеніи земскаго устройства, новаго судопроизводства, а за послѣднее время въ отношеніи винной монополіи.

Защищая всесословную организацію прихода въ смыслѣ уравненія обязанностей, которыя будутъ лежать на его членахъ, докладчикъ говоритъ, что нѣтъ подобнаго равенства къ невыгодѣ крестьянскаго населенія: крестьянская надѣльная земля облагается земскимъ сборомъ въ среднемъ выше, чѣмъ земля другихъ владѣльцевъ.

По выслушаніи доклада, слово было предоставлено М. И. Свѣшникову, который находитъ терминологию, усвоенную докладчикомъ, не слишкомъ ясной. Тема доклада— „приходъ не можетъ быть органомъ самоуправления“. Но что разумѣетъ докладчикъ подъ приходомъ? Въ литературѣ приходъ опредѣляется, какъ извѣстное соединеніе, связанное съ церковью. Изъ общей конструкціи доклада не вытекаетъ, чтобы тѣ три задачи, которыя намѣчены 3-мъ тезисомъ не могли быть осуществлены церковнымъ приходомъ.

Коренная ошибка докладчика состоитъ въ томъ, что онъ, разсматривая вопросъ съ точки зрѣнія мелкой земской единицы, говоритъ о децентрализациі, понятіи, отличномъ отъ самоуправления. Послѣднее понятіе совсѣмъ оставлено безъ вниманія докладчикомъ.

Самоуправленіе не есть только терминъ административный, но и политическій. Подъ нимъ разумѣется административная дѣятельность населенія, подчиненная только закону, а не административному распоряженію.

М. В. Головинскій находилъ, что докладчикъ, смѣшавъ понятіе прихода и мелкой земской единицы, впалъ въ ту же ошибку,

какую допустила пресса въ минувшемъ году, когда впервые былъ поставленъ вопросъ. Представители печати были обрадованы распространившимися слухами, что предполагается ввести у насъ мелкую единицу—и вотъ былъ пущенъ въ употребленіе такой невозбуждающій подозрѣній терминъ, какъ терминъ приходъ. Подъ его флагомъ возможно было высказаться. Говоря далѣе о желательной организаціи волости, г. Головинскій отдаетъ преимущество волости всесословной. Не нормаленъ нынѣшній порядокъ, когда некрестьянскія сословія, ничего не платя, пользуются благами волостного управленія. Даже съ точки зрѣнія охранительныхъ началъ должно привѣтствовать всесословную единицу: можетъ и въ ней явиться тотъ же перевѣсъ дворянства, какой мы видимъ въ земствѣ.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ отмѣтилъ, что весь 4-й тезисъ—прямое обвиненіе земства. Въ докладѣ цитируется фраза, что земству дѣлать нечего. Но въ дѣйствительности, утверждаетъ оппонентъ, этого нигдѣ и никогда не говорилось. Земство создало начальную школу, медицину, вызвало къ жизни цѣлый рядъ другихъ дѣлъ. Нельзя, конечно, сказать, чтобы земское дѣло стояло превосходно, но въ тѣхъ отрасляхъ дѣятельности, которыя отмежеваны земству, положеніе не такъ плохо, какъ полагаетъ авторъ.

Говорилось, далѣе, въ докладѣ, что нѣтъ средствъ, и предложено было для устраненія задолженности земства уничтожить аптечную монополію. Но раньше внесенія подобныхъ предложеній слѣдовало-бы изслѣдовать причины задолженности, вникнуть въ порядокъ взиманія земскихъ сборовъ. Сборы взимаются разные, но менѣе всего поступаетъ ихъ въ земскую кассу. Недоимки по уѣздамъ, даже богатымъ, достигаютъ размѣра двойного государственнаго оклада. Вотъ почему земства и прибѣгаютъ къ займамъ.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ далѣе оспариваетъ мнѣніе докладчика, что будто крестьянская земля обложена выше земли другихъ владѣльцевъ. Въ Тверской губ. замѣчается обратное явленіе.

Оппонентъ—не сторонникъ мелкой земской единицы. Тѣ примѣры, которые приводятся въ 3-мъ тезисѣ, доказываютъ противное тому, что отстаиваетъ авторъ.

Охраненіе народнаго здравія, требующее принятія мѣръ санитарныхъ, не можетъ принадлежать низшей единицѣ.

Какъ можетъ быть предоставлено приходу леченіе? Въ Тверской губ. около 500 приходовъ. Тоже можно сказать объ обезне-

чении народнаго продовольствія; оно должно исходить въ нормальныя годы отъ органа, стоящаго далеко отъ населенія. Но нѣкоторыя мѣры, полагаетъ В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, могутъ быть осуществлены въ приходѣ.

Ф. И. Родичевъ, съ своей стороны, заявляетъ, что земство, по крайней мѣрѣ, въ Тверской губ., не знаетъ обложенія по сословіямъ. Изъ доклада вытекаютъ, по словамъ оппонента, три вопроса: 1) нужна-ли болѣе мелкая земская единица, 2) должна-ли она быть всесословной и 3) можетъ-ли быть такой мелкой единицей—приходъ.

По первому пункту *Ф. И. Родичевъ* соглашается съ докладчикомъ: нѣтъ той отрасли земской дѣятельности, относительно которой не чувствовалось-бы потребности въ мелкой земской единицѣ.

Никакія санитарныя мѣры не могутъ быть приведены въ жизнь, если будутъ исходить отъ органа, далеко стоящаго отъ населенія. Тоже въ вопросахъ общественнаго призрѣнія. Но приходъ не можетъ играть той роли, которая ему отведена въ рефератѣ. Приходъ—слишкомъ мелкая единица и затѣмъ неудобенъ для мѣстностей съ населеніемъ иновѣрнымъ. Напримѣръ, Тверская губ. не можетъ принять прихода. Среди православнаго населенія вкраплены раскольничьи поселки. Необходимымъ послѣдствіемъ введенія прихода явится религіозный антагонизмъ.

По мнѣнію *Ө. С. Фустова*, тѣ отрасли управленія, которыя намѣчены докладчикомъ въ 3-мъ положеніи доклада, далеко не всегда нуждаются въ децентрализаціи. Такъ, съ развитіемъ дѣла врачебной помощи, несомнѣнно должны появиться больницы съ дорого стоящими приспособленіями, а потому содержаніе ихъ было-бы непосильнымъ бременемъ для мелкихъ земскихъ единицъ. Но, съ другой стороны, нельзя согласиться съ мнѣніемъ одного изъ предшествовавшихъ оппонентовъ, что не существуетъ никакой потребности въ децентрализаціи самоуправленія. Такая потребность несомнѣнно существуетъ, на что и указано въ происшедшихъ преніяхъ.

Перехода, затѣмъ, въ частности къ тѣмъ доводамъ, которые выставлены докладчикомъ въ пользу гражданскаго прихода, оппонентъ находилъ ихъ мало убѣдительными. Докладчикъ, повидимому, беретъ за образецъ приходскую организацію Англій, но тамъ она выработалась вѣками и ее пришлось лишь преобразовать, а не вводить. Съ другой стороны въ Англій доходъ отъ налога для

бѣдныхъ (poor rate) составляетъ 20.000000 фунтовъ и половина этой суммы идетъ на общественное призрѣнiе, а при такихъ огромныхъ средствахъ легко допустить, что успѣшность общественнаго призрѣнiя и другихъ отраслей зависитъ вовсе не отъ той или иной ихъ организаци. Равнымъ образомъ, и ссылка на примѣръ древней Россiи не можетъ имѣть значенiя. Историческiе примѣры умѣстны тамъ, гдѣ мы ищемъ въ нихъ объясненiя настоящаго, а не тамъ, гдѣ они представляютъ изъ себя уже пережитую нашимъ временемъ ступень развитiя и не соответвуютъ болѣе современнымъ понятiямъ. Если церковь и церковные округа въ древности вѣдали народное образованiе, общественное призрѣнiе и пр., то это потому, что государство, по необходимости, всецѣло сосредоточиваясь на военной защитѣ, игнорировало свои культурныя задачи, въ современномъ „культурномъ“ государствѣ рѣшительно выступающiя на первый планъ. Помимо того, что трудно найти основанiя въ пользу введенiя гражданскаго прихода, нужно указать на доводы, въ силу коихъ подобное нововведенiе представляется прямо нежелательнымъ. Приходъ, хотя бы и гражданскiй, будетъ содѣйствовать смѣшенiю задачъ государственныхъ и церковныхъ и откроетъ дверь клерикальнымъ влiянiямъ.

А. В. Васильевъ—заявилъ себя сторонникомъ земской единицы, приуроченной къ приходу.

Въ полемикѣ, завязавшейся по поводу статей „Моск. Вѣд.“, можно найти доводы, опровергающiе первое положенiе доклада.

Едва-ли основательно опасенiе противниковъ прихода предъ возможнымъ въ приходѣ усиленiемъ клерикализма. Участiе духовенства, какъ лицъ образованныхъ, не повредило-бы дѣлу самоуправленiя. Религiознаго антагонизма не будетъ. Напротивъ, когда люди разныхъ исповѣданiй сходятся на почвѣ общественныхъ дѣлъ, рознь между ними слабѣетъ и они взаимно сближаются. Возникаетъ между прихожанами, вмѣсто административной связи, связь нравственная. Иновѣрцы не будутъ привлекаться къ участiю въ церковныхъ дѣлахъ и могутъ тянуть къ своей церкви.

Въ пользу прихода говорить и то соображенiе, что земство не можетъ нести всей возложенной на него работы. Невѣрно положенiе, что будто церковный приходъ—учрежденiе отставшее отъ современныхъ сложныхъ условiй жизни. Историческiй примѣръ Англiи говоритъ противное. У насъ приходъ представляется народу доселѣ единицей административно-гражданской и порывать съ нею связь нѣтъ никакихъ основанiй.

Послѣ возраженій, сдѣланныхъ докладчикомъ, К. К. Арсеньевъ въ своемъ резюме отмѣтилъ, что тема, затронутая докладчикомъ, требуетъ дальнѣйшей обработки. Вопросъ о всеобщей волости—вопросъ живучій и ставится на очередь всякій разъ, когда общественное бѣдствіе постигнетъ страну. Для всесторонняго изслѣдованія необходимо воспользоваться всѣми имѣющимися на лицо матеріалами, выяснитъ, что говорится въ земствѣ. Петербургское земство дало солидную работу (г. Дениъ). Слѣдуетъ заняться изслѣдованіемъ вопроса, о совмѣстимости волости съ современными административными учрежденіями.—

Послѣ этого засѣданіе было закрыто въ 11 часовъ вечера.

Протоколъ административнаго отдѣленія 25 сентября 1899 года.

Засѣданіе открылось въ 8¹/₂ час. вечера подъ предсѣдательствомъ М. И. Свѣшникова.

Предсѣдательствующій, отъ имени редакціоннаго комитета, обратился къ присутствующимъ съ краткою рѣчью по поводу исполнившагося пятидесятилѣтія научно-общественной дѣятельности Михаила Николаевича Капустина.

Предсѣдательствующій отмѣтилъ, что Михаилъ Николаевичъ, какъ профессоръ и государственный дѣятель, всегда оставался вѣрнымъ идеѣ права и никогда ей не измѣнялъ. Административное отдѣленіе, во главѣ котораго стоялъ Михаилъ Николаевичъ, должно принять участіе въ чествованіи высокоуважаемаго юбиляра. Не найдетъ ли оно поэтому возможнымъ поздравить юбиляра съ его плодотворной научно-общественной дѣятельностью, возложивъ исполненіе этого труда на редакціонный комитетъ.

Предложеніе предсѣдательствующаго было собраніемъ единогласно принято. Затѣмъ слово было предоставлено дѣйствительному члену общества В. Д. Кузьмину-Караваеву, прочитавшему докладъ о земской адвокатурѣ (докладъ напечатанъ въ „Правѣ“, №№ 39 и 40, 1899 г.).

Въ обсужденіи доклада приняли участіе:

М. А. Лозина-Лозинскій, Г. Б. Слюзбергъ, В. Д. Спасовичъ, Г. С. Вольтке, М. В. Гессенъ, А. Н. Турчаниновъ, М. И. Мышь,

Г. В. Гессенъ, К. К. Ватсонъ, М. М. Винаверъ и М. И. Свѣшниковъ.

М. А. Лозина-Лозинскій сказалъ: Весьма интересный докладъ Владиміра Дмитриевича производитъ симпатичное впечатлѣніе свѣжаго, деревенскаго воздуха. Онъ проникнуть атмосферою земскаго собранія. Земству, которое видитъ юридическую безпомощность крестьянъ, видитъ свое безсиліе при существующихъ условіяхъ помочь крестьянамъ въ этомъ отношеніи, ничего не остается, какъ ходатайствовать о дозволеніи ему организовать сельскую адвокатуру. Но въ Петербургѣ подобное ходатайство попадаетъ въ иную атмосферу; столица должна рѣшать дѣло, исходя изъ болѣе широкихъ, общегосударственныхъ соображеній, а съ этой точки зрѣнія встаетъ весьма много возраженій противъ проекта земской адвокатуры даже въ томъ видѣ, какъ онъ поставленъ въ докладѣ.

Если, какъ отмѣтилъ самъ почтенный докладчикъ, законы не даютъ отвѣта на многіе существенные, коренные вопросы крестьянскаго права, то и при содѣйствіи юридически образованныхъ адвокатовъ, при непропускѣ сроковъ, при доведеніи сельскихъ тяжбъ и споровъ до высшихъ инстанцій, будетъ ли достигнута необходимая опредѣленность права, безъ которой невозможно справедливое рѣшеніе дѣлъ.

Далѣе, аналогія между юридической и врачебной помощью, которую отстаиваетъ г. докладчикъ, не можетъ быть выдержана, если обратить вниманіе на то, что интересы людей, обращающихся за помощью къ врачу, не расходятся между собой, тогда какъ, въ случаѣ гражданскаго спора, интересы тяжущихся противоположны, и одинъ адвокатъ не можетъ помогать обѣимъ сторонамъ. Возникаетъ вопросъ: кому же изъ нихъ адвокатъ долженъ подать свою помощь? Тому, кто первый придетъ. Но вѣдь первый можетъ придти къ нему не пострадавшій, не обиженный, а обидчикъ, или кляузникъ. Если адвокатъ долженъ помогать обижаемому, правому, то предварительно онъ долженъ ознакомиться съ дѣломъ и, если не рѣшить, то въ извѣстной степени предрѣшить его исходъ. Это уже не адвокатъ, а судья.

Разрушается указанная аналогія и тѣмъ, что трудъ земскаго адвоката долженъ оплачиваться кліентомъ, между тѣмъ какъ основной принципъ земской медицины—безвозмездность. Предлагаемое въ докладѣ установленіе таксы маскируетъ, но не измѣняетъ сущности дѣла, такъ какъ иногда правый кліентъ не въ состояніи

уплатить даже и по таксѣ, тогда какъ неправый можетъ предложить вознагражденіе и свыше таксы.

Существенное возраженіе противъ доклада должно быть направлено въ его основаніе. Неудовлетворительность, неясность, запутанность, сбивчивость существующихъ законовъ, только для земства явленіе неустранимое. Передъ законодательнымъ учрежденіемъ такими мотивами нельзя обосновать необходимость особой земской адвокатуры, такъ какъ естественно явится вопросъ, не слѣдуетъ ли улучшить и упростить прежде всего самое законодательство. Въ этомъ отношеніи, дѣйствительно, земскія ходатайства могутъ имѣть важное значеніе. Быть можетъ, ихъ рассмотрѣніе выяснитъ, во что обходится правовая неурядица деревни, и какъ необходимо, какъ выгодно будетъ поднятіе деревенской культуры, которая низка не только вслѣдствіе матеріальной необезпеченности населенія, но и вслѣдствіе необезпеченности за нимъ правоваго порядка, отсутствія знаній и свѣта. При некультурности всего строя деревни, при которомъ на всякую жалобу смотреть, не какъ на осуществленіе человѣкомъ своего права, а какъ на вредное сутяжничество и злонамѣренное обремененіе начальства, искусственное привлеченіе въ деревню нѣсколькихъ адвокатовъ не измѣнитъ сущности положенія. Поэтому оппонентъ присоединяется къ выраженному въ докладѣ В. Д. Кузьмина-Караваева пожеланію, чтобы существующіе деревенскіе адвокаты не подвергались преслѣдованію, какъ вредные люди. Они готовятъ почву для будущей дипломированной адвокатуры въ нашей деревнѣ.

Г. Б. Сліозбергъ въ принципѣ примыкаетъ къ реферату, находитъ идею доклада симпатичной, но осуществленіе ея на практикѣ невозможнымъ. Въ самыхъ культурныхъ странахъ Европы, замѣтилъ Г. Б. Сліозбергъ, мы не встрѣчаемся съ учрежденіемъ, аналогичнымъ проектируемому, по той, вѣроятно, причинѣ, что тамъ, въ подобномъ учрежденіи нѣтъ надобности, что законы тамъ хорошіе.

Въ земской адвокатурѣ, по словамъ оппонента, является таже идея попечительства, которая вызвала къ жизни земскихъ начальниковъ. Въ земскомъ адвокатѣ, крестьянинъ будетъ видѣть человѣка, обязаннаго давать совѣты. Противъ практичности предложенія можно далѣе сказать, что важнѣйшей задачей земской адвокатуры явится ограждать населеніе отъ административнаго произвола; она призвана будетъ давать средства къ достиженію административной правды. На этой почвѣ неизбѣжны столкновенія съ

властями, адвокаты будут завалены жалобами и, если они пожелают действительно быть полезными, то не удержатся на мѣстѣ даже въ теченіе нѣсколькихъ дней. Болѣе цѣлесообразно было бы издавать сочиненія, которыя на простомъ, общедоступномъ языкѣ знакомятъ бы населеніе съ его правами и обязанностями. Если говорить о юридической безпомощности населенія, то надо имѣть въ виду не одну деревню, но и городъ. У насъ люди, даже въ высшихъ классахъ, не прибѣгаютъ къ законной защитѣ своихъ правъ.

Правительствующій Сенатъ по 1-му департаменту разрѣшаетъ всего за годъ 12—15 тыс. дѣлъ—цифра весьма ничтожная, если принять съ одной стороны во вниманіе обширную компетенцію высшаго органа административной юстиціи и съ другой—размѣры практикуемаго административнаго произвола.

Чувство законности у насъ мало развито; даже въ самыхъ интеллигентныхъ классахъ не прибѣгаютъ къ законной защитѣ.

В. Д. Спасовичъ сочувствуетъ идеѣ и цѣли доклада, но сомнѣвается въ фактической возможности ея осуществленія. Едва-ли проектированная адвокатура будетъ комплектоваться изъ среды присяжныхъ повѣренныхъ; трудно думать, чтобы люди, посвятившіе значительную часть своей жизни на подготовку къ своей профессіи, ограничились мало привлекательной жизнью въ деревнѣ. Издержки производства вѣдь соразмѣряются съ результатами труда. Необходимо даже имѣть въ виду, что отъ земскаго адвоката требуется тщательная подготовка, ему нужны спеціальныя знанія. О корпоративномъ устройствѣ земской адвокатуры, ея независимости врядъ-ли можно говорить: адвокаты будутъ жить въ уѣздѣ разбросанными единицами.

В. Д. Спасовичъ заявляетъ, что, минувшимъ лѣтомъ, ему пришлось ознакомиться съ веденіемъ дѣлъ на мѣстѣ и на опытѣ убѣдиться, какъ велики трудности, ожидающія сельскаго адвоката. Для новаго дѣла потребуется особая подготовка, особая школы. Придется обратиться къ помощи литературы.

Г. С. Вольтке видитъ въ будущихъ адвокатахъ, приводимыхъ правосознаніе въ народной средѣ, людей, которые будутъ прерывать своимъ просвѣтительнымъ содѣйствіемъ неосновательные тяжбы и споры.

М. В. Гессенъ соглашается съ докладчикомъ и находитъ представленныя возраженія неубѣдительными. Онъ полагаетъ, что нельзя отказаться отъ института, настоятельная необходимость

котораго признана. Нельзя откладывать рѣшеніе данного вопроса до рѣшенія вопроса болѣе общаго. М. В. Гессенъ не раздѣляетъ опасеній относительно того, что новое учрежденіе сдѣлается зависимымъ, что нѣтъ знающихъ людей. Зависимость отъ земства и зависимость отъ правительства—понятія различныя. Подготовка—дѣло опыта. Профессиональный юристъ обладаетъ знаніемъ, облегчающимъ ему возможность приспособиться къ новому дѣлу.

Оппонентъ далѣе говоритъ, что опека представляла собою нѣчто страшное въ прежнее время. Если современное государство не отказывается опекать народное здравіе, то почему же оно не можетъ опекать и правопорядокъ? Необходимость борьбы съ субъективнымъ усмотрѣніемъ властей, служить въ пользу земской адвокатуры, путемъ иска она возстановитъ нарушенныя права.

По мнѣнію *А. Н. Турчанинова*, юридическое общество не можетъ относиться съ недоверіемъ къ идеѣ доклада: 85% земствъ, запрошенныхъ Александровской управой, высказались въ пользу земской адвокатуры,—и эту цифру нельзя игнорировать. Вреда не будетъ, если въ средѣ земской адвокатуры окажутся лица, специально знающія свое дѣло.

Едва-ли правильно возраженіе, сдѣланное противъ сравненія съ медицинской помощью. Аналогія правильна. Если говорятъ, что законы плохи, то мы можемъ тоже сказать относительно медицинскаго вопроса. Развѣ земство отказалось отъ приглашенія врачей на томъ основаніи, что леченіе болѣзней можетъ идти успѣшно лишь при улучшеніи санитарныхъ условій?

Земство вынуждено бороться съ дурными законами и, если оно желаетъ подать руку помощи, то можетъ вызвать лишь сочувствіе.

Достигнетъ-ли своей цѣли земство—это вопросъ другой, но попытка должна быть сдѣлана. Москва произвела подобный опытъ. Московскіе помощники присяжныхъ повѣренныхъ выѣзжаютъ въ извѣстные дни въ уѣздные города и подаютъ совѣты. Опыты, правда, оказались не вполне удачными, но отсюда не слѣдуетъ, что нужно отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ въ томъ же направленіи.

М. И. Мышь отмѣтилъ, что необходимымъ условіемъ для созданія самостоятельнаго института земскихъ адвокатовъ, является отмѣна новаго закона, представляющаго уѣздному съѣзду воспрепятствовать присяжному повѣренному хожденіе по дѣламъ въ съѣздѣ. Какъ членъ Петербургской консультаціи присяжныхъ повѣренныхъ, *М. И. Мышь* видѣлъ на опытѣ, какъ страдаютъ крестьяне

по незнанію законовъ. На каждое дежурство консультаціи они приходятъ даже издалека.

Г. В. Гессенъ желалъ бы видѣть въ проектируемомъ учрежденіи земскихъ юрисконсультовъ, призванныхъ преимущественно давать юридическіе совѣты, а не вести дѣла.

К. К. Ватсонъ приводитъ статистическія цифры, изъ брошюры г. Зубова, иллюстрирующія вопросъ со стороны экономической, съ точки зрѣнія вреда, наносимаго странѣ отсутствіемъ въ деревнѣ организованной правовой помощи.

М. М. Винаверъ высказалъ слѣдующее: первый оппонентъ находитъ земскую адвокатуру излишнею потому, что отъ наличности адвокатовъ законъ не станетъ яснѣе, судъ не станетъ справедливѣе. Въ этомъ заявленіи сказывается недовѣріе въ адвокатурѣ вообще, недовѣріе, объясняющее отчасти отрицательное отношеніе правительственныхъ сферъ и къ проекту земской адвокатуры. Недовѣріе къ адвокатурѣ питается ложнымъ представленіемъ о томъ, что судебное рѣшеніе, истолкованіе сложнаго и неяснаго закона вовсе не нуждается въ предварительномъ углубленіи и выясненіи вопроса съ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія,— что рѣшеніе появляется въ головѣ судьи само собою, по непосредственному чутью. Доказывать ложность этой точки зрѣнія едва-ли приходится. И напрасно указывалось въ преніяхъ, что по дѣламъ гражданскимъ адвокатура не такъ нужна, какъ по дѣламъ административнымъ, въ виду того, что наличность двухъ сторонъ въ гражданскомъ процессѣ сама уже гарантируетъ безпристрастіе судьи. Не въ безпристрастіи тутъ дѣло. Адвокатъ содѣйствуетъ разьясненію вопроса,—будь то вопросъ факта или вопросъ закона—разьясненію, которое лучше всего достигается въ борьбѣ противоположныхъ интересовъ. И очевидно, что чѣмъ менѣе ясенъ законъ, тѣмъ болѣе необходимъ адвокатъ тяжущимся и судья. По разсужденію оппонента оказывается, что адвокаты не нужны въ деревнѣ, потому что законы тамъ не ясны, еще менѣе они, казалось бы, нужны въ такомъ случаѣ въ культурныхъ центрахъ, гдѣ законы яснѣе.

Второе существенное возраженіе референту состояло въ томъ, что учрежденіе земской адвокатуры практически неосуществимо, такъ какъ оно идетъ въ разрѣзъ съ принципомъ независимости адвокатуры. Но это соображеніе доктринерскаго характера. Адвокатуру необходимо дѣлать независимою отъ государственной власти, и эта независимость остается нетронутою при проектируемой орга-

низации земской адвокатуры. Та, весьма незначительная, доля зависимости, которая вытекает из принятія на себя земством гарантіи извѣстнаго размѣра заработка, совершенно ничтожна по сравненію съ благомъ, даруемымъ населенію учрежденіемъ земской адвокатуры. Едва замѣтная, и весьма впрочемъ гадательная, брешь въ принципѣ слишкомъ достаточно окупается приобретаемою выгодою.

Нельзя серьезно считаться и съ тѣмъ указаніемъ, что проектируемый видъ организации адвокатуры нигдѣ на Западѣ не испытанъ. Разъ онъ представляется полезнымъ, осуществимымъ и не нарушающимъ основныхъ принциповъ адвокатуры,—нельзя отказаться отъ попытки, хотя бы впервые провести его въ жизнь.

Земскихъ адвокатовъ—говорятъ далѣе—нельзя будетъ подчинить корпоративному надзору. Но это, очевидно, плодъ недоразумѣнія. Подчиненіе земскихъ адвокатовъ корпоративному суду совѣтовъ не представляетъ рѣшительно никакихъ затрудненій: доказательствомъ тому служить то, что и нынѣ адвокаты разсѣяны по уѣздамъ и остаются всетаки въ подчиненности ближайшимъ совѣтамъ.

Наконецъ, плодомъ недоразумѣнія является, повидимому, и указаніе на то, что земскіе адвокаты, будучи адвокатами недобровольными, не вправѣ будутъ отказываться отъ веденія дѣлъ и, такимъ образомъ, будутъ поставлены въ необходимость сегодня защищать одно положеніе, завтра—прямо противоположное. Понудительная адвокатура существуетъ у насъ и нынѣ—въ видѣ веденія дѣлъ лицъ, пользующихся правомъ бѣдности, по назначенію отъ совѣтовъ. Однако эта понудительность никогда не ведетъ къ насилію надъ совѣстью адвоката. Адвокатъ вправѣ отказаться отъ веденія дѣла, если оно противно его убѣжденіямъ. Для устраненія слишкомъ широкаго и недобросовѣстнаго пользованія этимъ правомъ со стороны повѣренныхъ, на нихъ возлагается обязанность сообщать совѣту о своихъ сомнѣніяхъ и, только съ разрѣшенія совѣта, дѣло можетъ быть отклонено. Та же гарантія, и притомъ въ значительно упрощенной формѣ, могла бы быть съ удобствомъ примѣнена и къ земской адвокатурѣ.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ заявилъ, что онъ будетъ кратокъ въ своихъ возраженіяхъ, такъ какъ послѣдніе оппоненты, возражая первымъ, облегчили его задачу. Докладчикъ считаетъ себя лишь случайнымъ земскимъ дѣятелемъ и потому ему тѣмъ легче сказать слово въ защиту работъ земства. Земскія работы отличаются обык-

новенно такой полнотой такой всесторонностью изучения вопроса не только съ мѣстной, но и съ общей государственной точки зрѣнія, что признаніе доклада отражающимъ доклады земскіе, для него не упрекъ, а похвала. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ не отрицаетъ, что важнѣе всего создать болѣе совершенные матеріальные законы. Но разъ послѣдняго нѣтъ и законы продолжаютъ быть неясными, темными, то нельзя отвергать учрежденіе, настоятельная необходимость котораго всѣми признана. Никакое печатное руководство не поможетъ положенію дѣла юридической помощи для крестьянъ. Докладчикъ настаиваетъ на правильности сравненія юридической помощи съ медицинской. Развѣ земскій врачъ совершенно готовъ, когда идетъ въ деревню? Онъ изучалъ специально, быть можетъ, горловыя болѣзни, а въ деревнѣ ему приходится производить самыя трудныя хирургическія и акушерскія операціи и притомъ въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ. И земскій адвокатъ будетъ дѣлать ошибки, но все же это лучше, чѣмъ полное отсутствіе адвокатовъ въ деревнѣ. Если нельзя сразу организовать идеальный институтъ, то отсюда не вытекаетъ, что нужно отказаться отъ дѣла совсѣмъ. По поводу возраженій о зависимости будущей адвокатуры В. Д. Кузьминъ-Караваевъ указалъ, что абсолютной независимостью не пользуются адвокаты и въ городѣ, — напр. юрисконсульты въ правленіяхъ желѣзныхъ дорогъ. А говоритъ имъ развѣ кто-либо, что они нарушаютъ свое призваніе? Не нарушитъ его и тотъ присяжный повѣренный, который, сохраняя связь съ корпораціей, пойдетъ въ земскую адвокатуру.

Трудъ адвоката долженъ быть возмезднымъ: адвокатская дѣятельность создаетъ матеріальныя блага, доставляя выгоду или отклоняя невыгоды.

Заканчивая свое возраженіе, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ принесъ отдѣленію глубокую благодарность за то вниманіе, съ которымъ оно отнеслось къ вопросу.

М. И. Свѣшниковъ въ своей заключительной рѣчи сказалъ: возраженія въ существѣ не рознились съ докладомъ, онѣ отгѣнили лишь тяжелыя условія дѣятельности будущихъ адвокатовъ.

Въ докладѣ заключаются два вопроса: 1) нужна ли сельская адвокатура и 2) слѣдуетъ ли предоставить ей организацію земству.

Относительно перваго вопроса слѣдуетъ замѣтить, что возраженія о тяжелыхъ условіяхъ не подрываютъ основныя положенія доклада. Сельскій адвокатъ долженъ быть юрисконсультомъ, напоминая собою, если можно такъ выразиться, древняго, римскаго

юрисконсульта, который въ судѣ не выступалъ, а давалъ лишь совѣты.

Что касается до втораго вопроса, то здѣсь могутъ быть принципиальныя разногласія. Можно сказать, что земству не свойственна новая дѣятельность судебного свойства. Теоретически здѣсь большая область для спора. Практически придется обратиться къ земству. Земство—живой органъ; отъ него всего скорѣе можно ожидать сочувствія новому дѣлу.

Можно далѣе сказать, что дѣятельность земства поставлена нынѣ въ тяжелыя условія. Но и это возраженіе предусмотрено въ докладѣ. Связь земской адвокатуры съ корпораціей присяжныхъ повѣренныхъ, подчиненіе земской адвокатуры совѣтамъ присяжныхъ повѣренныхъ важная мѣра въ смыслѣ надлежащаго направленія дѣятельности земской адвокатуры. Приятно, что вопросъ встрѣтилъ въ собраніи живой откликъ и обмѣнъ мыслей.

Выразивъ далѣе благодарность докладчику, предсѣдательствующій объявилъ въ 11¹/₂ час. засѣданіе закрытымъ.

Протоколъ засѣданія Общаго Собранія Юридическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 20 ноября 1899 г.

Предсѣдательствовалъ Э. Я. Фуксъ.

По открытіи засѣданія Собранію было сообщено слѣдующее постановленіе Совѣта Общества:

„Совѣтъ Юридическаго Общества, принимая во вниманіе:

1) что Анатолій Ѳедоровичъ Кони является замѣчательнымъ судебнымъ и общественнымъ дѣятелемъ, всегда служившимъ всею силою своего блестящаго таланта, проникнутаго искренностью и теплотою, идеямъ справедливости, законности, человѣчности, и что Анатолій Ѳедоровичъ принимаетъ съ давнихъ поръ самое близкое участіе въ трудахъ и въ развитіи дѣятельности Юридическаго Общества;

2) что Семень Викентьевичъ Пахманъ, тоже много потрудившійся на пользу Общества и состоявшій, въ теченіе многихъ лѣтъ, помощникомъ предсѣдателя Общества, воспиталь цѣлыя поколѣнія русскихъ юристовъ и своими учеными трудами приобрѣлъ значеніе одного изъ крупнѣйшихъ отечественныхъ цивилистовъ;

3) что Николай Степановичъ Таганцевъ, давній и еще въ ранніе годы существованія Юридическаго Общества дѣятельный его членъ, пользуется прочной и широкой извѣстностью выдающагося ученаго криминалиста, сослужившаго крупную службу русской наукѣ и судебному дѣлу, и въ области теоріи, и въ области практики,

и 4) что Александръ Александровичъ Книримъ и Владиміръ Даниловичъ Спасовичъ, маститые дѣятели Юридическаго Общества, въ которомъ они работали съ самаго его основанія, принадлежатъ къ числу лицъ, принявшихъ близкое и непосредственное участіе въ составленіи Судебныхъ Уставовъ, 35-тилѣтіе коихъ будетъ чествоваться въ Общемъ Собраніи, назначенномъ на 20 ноября, что, такимъ образомъ, съ великой судебной реформой, осуществленію коей служили Александръ Александровичъ Книримъ и Владиміръ Даниловичъ Спасовичъ, неразрывно связаны ихъ имена,—

постановилъ: предложить, на основаніи § 13 устава, ближайшему Общему Собранію избрать А. Θ. Кони, С. В. Пахмана, Н. С. Таганцева, А. А. Книрима и В. Д. Спасовича въ почетные члены Юридическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ“.

Выслушавъ изложенное, Общее Собраніе приступило къ баллотировкѣ предложеній и единогласно избрало А. Θ. Кони, С. В. Пахмана, Н. С. Таганцева, А. А. Книрима и В. Д. Спасовича почетными членами Общества.

Результатъ баллотировки былъ встрѣченъ рукоплесканіями присутствовавшихъ членовъ.

Затѣмъ Общее Собраніе приступило къ баллотировкѣ кандидатовъ, предлагаемыхъ Совѣтомъ въ дѣйствительные члены Общества, причемъ избраны:

- 1) Маркъ Львовичъ Песисъ,
- 2) Мануилъ Сергѣевичъ Маргулисъ,
- 3) Давидъ Абрамовичъ Левинъ,
- 4) Павелъ Маврикіевичъ Клечковскій,
- 5) Евгенийъ Алексѣевичъ Пушкинъ,
- 6) Наполеонъ Антоновичъ Зачинскій,
- 7) Веніаминъ Семеновичъ Мандель,
- 8) Владиміръ Александровичъ Павлиновъ,
- 9) Евгенийъ Юльевичъ Штоллъ,
- 10) Владиміръ Эдуардовичъ Фуксъ,
- 11) Евгенийъ Ивановичъ Кедринъ,
- 12) Дмитрій Дмитріевичъ Безсоновъ и
- 13) Сергѣй Семеновичъ Абрамовичъ-Барановскій.

Послѣ сего были произнесены рѣчи по случаю исполнившагося 35-тилѣтія изданія Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г. слѣдующими лицами:

В. Д. Спасовичемъ „Прошедшее и будущее Судебныхъ Уставовъ“.

К. К. Арсеньевымъ „Воспоминанія о времени введенія въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ“.

И. Я. Фойницкимъ „Идея личности по Судебнымъ Устамъ и кодификаціонное ихъ значеніе“.

М. И. Свѣшниковымъ „Государственное значеніе Судебныхъ Уставовъ“. При этомъ М. И. Свѣшниковымъ было сообщено заявленіе, подписанное многими членами Общества, съ предложеніемъ

объ избраніи въ почетные члены Общества К. К. Арсеньева. Сообщение о кандидатурѣ К. К. Арсеньева—вызвало сочувственные аплодисменты собранія.

Въ объясненіе по поводу заявленія М. И. Свѣшникова председателю, Э. Я. Фуксъ, сообщилъ что Совѣтъ—имѣлъ въ виду предложить къ избранію К. К. Арсеньева въ почетные члены Общества и что не сдѣлано это лишь въ виду категорическаго отказа К. К. Арсеньева отъ постановки его кандидатуры.

Перечисленныя рѣчи сопровождались аплодисментами всѣхъ присутствовавшихъ въ собраніи.

На посланныя г.г. А. Θ. Кони, С. В. Пахману и Н. С. Таганцеву извѣщенія о состоявшемся въ Общемъ Собраніи Юридическаго Общества 20 ноября 1899 г. избраніи ихъ въ почетные члены Общества, получены Предсѣдателемъ Общества нижеслѣдующіе отвѣты:

1) Отъ А. Θ. Кони:

Милостивый Государь,

Эдуардъ Яковлевичъ.

Вслѣдствіе письма Вашего Высокопревосходительства съ извѣщеніемъ объ избраніи меня Юридическимъ Обществомъ при С.-Петербургскомъ Университетѣ въ свои почетные члены, считаю своимъ долгомъ принести Вамъ и, въ лицѣ Вашемъ, Юридическому Обществу мою глубокую благодарность за оказанную мнѣ честь, какъ симъ избраніемъ, такъ и лестною для меня оцѣнкою сильной дѣятельности моей въ разработкѣ началъ, служенію которымъ посвящена дѣятельность Юридическаго Общества. Въ этой оцѣнкѣ вижу я одну изъ лучшихъ наградъ за многолѣтнюю работу мою въ нѣдрахъ Общества, въ учрежденіи коего я участвовалъ и процвѣтанія коего горячо желаю.

Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи и преданности А. Кони.

1899. Ноябрь 29. СПб.

2) Отъ С. В. Пахмана:

Милостивый Государь,
Эдуардъ Яковлевичъ.

Приношу Юридическому Обществу глубокую признательность за высокую честь, оказанную мнѣ избраніемъ въ его почетные члены. Этотъ фактъ для меня тѣмъ ограднѣе, что онъ совпалъ съ чествованіемъ 35 лѣтней годовщины судебной реформы. Принципы права и свободы, провозглашенные этой реформой, всегда были мнѣ дороги не менѣе, чѣмъ и Юридическому Обществу, котораго многополезная дѣятельность неизмѣнно была проникнута тѣми же великими принципами.

Примите увѣреніе въ искренней моей преданности С. Пахманъ.

25 ноября 1899 г.

3) Отъ Н. С. Таганцева:

Милостивый Государь!
Эдуардъ Яковлевичъ.

Позвольте мнѣ чрезъ Ваше посредство выразить глубокую признательность Юридическому Обществу за благосклонную оцѣнку моей дѣятельности по разработкѣ русскаго уголовного права и моего посильнаго участія въ трудахъ Общества въ прежніе годы.

Усиленные занятія въ законодательныхъ комиссіяхъ и работы по Уголовному Кассационному Департаменту лишили меня за послѣднее время возможности сколько нибудь трудиться для Общества и даже участвовать въ его засѣданіяхъ, но не прервали моей внутренней связи съ нимъ, не лишили меня возможности внимательно слѣдить за его трудами и радоваться его постоянно возрастающимъ заслугамъ въ многостороннемъ изслѣдованіи наиболѣе важныхъ вопросовъ нашей государственной и правовой жизни.

Не могу не прибавить, что мнѣ было особенно дорого, что день избранія меня въ почетные члены совпалъ съ днемъ празднованія тридцатипятилѣтія судебныхъ уставовъ, ибо я, и большинство нашихъ юристовъ моего возраста, считаю себя ихъ вскормленникомъ.

Въ прекрасныхъ рѣчахъ, произнесенныхъ въ засѣданіи 20 ноября, было выяснено благотворное вліяніе уставовъ на отправленіе у насъ правосудія, на развитіе, благодаря имъ, уваженія къ суду, поднятіе чувства законности, сознание охраны права; но къ этимъ неувыдаемымъ лаврамъ нельзя не прибавить еще одну, и полагаю, одну изъ самыхъ крупныхъ заслугъ уставовъ,—ихъ вліяніе на развитіе юридической науки въ Россіи, на подъемъ суммы юридическихъ знаній въ нашихъ судахъ и среди нашихъ юристовъ.

Бѣглый взглядъ на исторію русской литературы права за послѣднее столѣтіе усматриваетъ два событія, являющіяся какъ бы этапами этого развитія—изданіе свода законовъ въ 1832 году и судебныхъ уставовъ въ 1864 году. Съ эпохи свода началась не оскудѣвающая и понынѣ разработка исторіи нашего права; со времени уставовъ—критико-догматическое изученіе его началъ, его современной структуры и при томъ не только въ области процесса, но и въ области матеріальнаго права—гражданскаго, уголовнаго, даже государственнаго. Систематическіе курсы дѣйствующаго права, ученые изслѣдованія его институтовъ и разработка вопросовъ текущей юридической жизни, появились только съ шестидесятихъ годовъ. Накопленіе юридическаго опыта, научныя работы не только специальныхъ ученыхъ профессоровъ, но и юристовъ практиковъ, бесѣды въ распространенныхъ по всей Россіи юридическихъ обществахъ—выработали не только технику веденія дѣлъ, но и технику постановки и разработки юридическихъ положеній, даже технику законодательной регламентаціи правовыхъ понятій. Судебные уставы не только двинули юридическую жизнь Россіи, приобщили ее къ юридической жизни Западной Европы, но и дали возможность нашей наукѣ и литературѣ занять если не первое, то во всякомъ случаѣ и не послѣднее мѣсто въ общей Европейской семьѣ.

Выясненіе этого великаго значенія судебныхъ уставовъ, думается мнѣ, даетъ возможность и болѣе вѣрнаго пониманія пережитой уставами исторіи и жизнепригодную оцѣнку ихъ будущаго, задуманнаго и проводимаго нынѣ въ жизнь, ихъ пересмотра.

Печально было бы думать, что великія начала правды и справедливости, положенныя въ основу уставовъ, порастутъ быльемъ забвенія; что все болѣе и болѣе входящая въ правосознаніе народа идея закономѣрности, какъ основного устоя общественной и государственной жизни, снова будетъ поколеблена; но, съ другой стороны, едва ли не столь же печально и не цѣлесообразно было бы думать, что прожитое тридцатипятилѣтіе прошло безслѣдно, что всякая попытка проявить разившееся юридическое знаніе въ измѣненіи созданныхъ уставами процессуальныхъ порядковъ, всякое посягательство на ихъ неприкосновенность не только въ основахъ, но и въ частностяхъ, не можетъ быть оправдано. Я сильно сомнѣваюсь, чтобы проповѣдь такого отношенія къ уставамъ сослужила бы имъ дѣйствительную службу: вѣра въ ихъ жизнеспособность, въ возможность ихъ развитія есть высшая дань любви и уваженія къ нимъ.

Кто же не знаетъ, что между уставами, нынѣ объявленными всю Россію, и уставами 1864 года есть значительное различіе; уставы ограничивались, расширялись, видоизмѣнялись. Даже и съ внѣшней стороны, въ уставахъ выросло не мало статей со знаками однимъ, двумя и т. д. иногда и въ нѣсколько десятковъ, появились цѣлыя дополнительные отдѣлы; едва ли эти механически вставленныя дополненія и измѣненія служатъ къ украшенію фасада уставовъ и къ удобству пользующихся ими.

Притомъ же, далеко не всѣ эти наросты и измѣненія объясняются торжествомъ направленій, враждебныхъ для русскаго праворазвитія; нельзя вполнѣ объяснить ихъ и тѣмъ, что составители имѣли въ виду только сердцевину Россіи, и что затѣмъ, при поступательномъ движеніи уставовъ къ окраинамъ, пришлось допустить рядъ приспособленій, такъ какъ мы знаемъ, что эти наросты содержатся не въ однихъ послѣднихъ посвященныхъ окраинамъ отдѣлахъ уставовъ гражданскаго и уголовного процесса. Мы не можемъ не признать, что много измѣненій было вызвано ихъ практическою необходимостью, неполнотою, а частью и недостатками уставовъ. Эпоха великаго подъема народнаго духа, вызвавшая

ихъ къ жизни, дала возможность положить твердые, прочные устои правосудія, выработать не только ясный, опредѣленный планъ зданія, но и стройно очертить его главнѣйшія части; но вмѣстѣ съ тѣмъ, эта работа по нераспаханной нови, безъ прошлаго опыта, не могла не отозваться на недостаточной разработкѣ нѣкоторыхъ весьма важныхъ житейскихъ деталей, подробностей, даже отдѣловъ.

Всѣ мы знаемъ, что верховному кассационному суду приходилось не только выяснять, но творить, создавать цѣлые процессуальные институты, обращаться изъ судьи въ законодателя.

Все, что выходитъ изъ рукъ человѣческихъ, тѣнно и вовремя произведенный ремонтъ есть единственное средство сохраненія созданнаго для будущаго; требованія жизни могутъ заставить при ремонтѣ измѣнить расположеніе помѣщеній, обстановку и даже нумерацію комнатъ. Конечно, не слѣдуетъ этого дѣлать безъ нужды, по прихоти, но разъ это необходимо—это должно быть сдѣлано для сохраненія существа созданнаго, если того требуетъ необходимость—должно жертвовать его формою. Разумѣется, для всякаго изъ насъ, практиковъ, измѣненіе системы, даже простая перемѣна нумераціи статей, создаетъ извѣстныя неудобства и затрудненія; съ извѣстною цифрою въ нашей памяти неразрывно связано представленіе объ извѣстномъ институтѣ, знакомые номера статей облегчаютъ намъ оперированіе надъ трудными построеніями права; но всѣ эти затрудненія не могутъ считаться особенно важными.

На смѣну намъ придутъ новые дѣятели, для которыхъ эти измѣненія никакого значенія имѣть не будутъ, да и для насъ какого нибудь года достаточно, чтобы переложить въ памяти старыя цифры на новыя и эта работа, мнѣ кажется, даже менѣе трудна, чѣмъ усвоеніе всѣхъ этихъ примъ, секундъ и т. д. Можетъ возникнуть опасеніе, что съ измѣненіемъ системы расположенія частей, съ перемѣною нумерацій—потеряютъ значеніе цѣнные толкованія уставовъ, въ особенности, многолѣтняя практика Кассационныхъ Департаментовъ Сената, но я позволяю себѣ думать, что, по от-

ношенію именно къ этой практикѣ, такое измѣненіе окажетъ не вредъ, а скорѣе услугу. Въ теченіи тридцатитрехлѣтней практики Сената, естественно, въ ней накопилось много колебаній, отступленій, перемѣнъ; не разъ являлась даже мысль о переизданіи кассационныхъ рѣшеній въ видахъ исключенія тѣхъ изъ нихъ, которыя давно утратили значеніе и только путаютъ практику, вызываютъ неосновательныя жалобы, и это желаемое устраненіе противорѣчій безъ особенныхъ усилій можетъ быть осуществлено даже этими внѣшними перемѣнами; безъ особенныхъ трудовъ Сенатъ можетъ повторить по поводу статьи подъ новымъ номеромъ, тѣ изъ прежнихъ разъясненій, которымъ онъ придастъ цѣну.

Поэтому-то, предпринятый нѣсколько лѣтъ тому назадъ пересмотръ судебныхъ уставовъ представляется для меня и для лицъ, его задумавшихъ, съ одной стороны—естественнымъ ихъ послѣдствіемъ, неизбѣжнымъ вліяніемъ ихъ на право-развитіе Россіи, а съ другой—данью уваженія и любви къ безсмертному памятнику, данью, приносимою ему его истинными друзьями, проникнутыми желаніемъ сохранить на долго для Россіи этотъ залогъ правосудія.

Я горжусь тѣмъ, что мнѣ пришлось принять посильное участіе въ этомъ пересмотрѣ, сердечно желаю скорѣйшаго осуществленія его въ практикѣ и, повторяю, счастливъ тѣмъ, что выборъ меня въ почетные сочлены того учрежденія, на работахъ котораго особенно сильно отразилось вліяніе уставовъ на развитіе русской юридической мысли, совпалъ съ празднованіемъ ихъ тридцатипятилѣтія.

Предѣлы письма позволили мнѣ только въ самыхъ общихъ чертахъ коснуться этой стороны прошедшаго и будущаго нашихъ уставовъ, но я позволяю себѣ надѣяться, что всѣ работавшіе съ ними и ихъ изучающіе легко восполнятъ подробностями эти соображенія.

Пользуюсь случаемъ, чтобы просить Васъ принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ къ Вамъ уваженіи и преданности. Н. Таганцевъ.

4) Отъ А. А. Книрима:

Милостивый Государь,

Эдуардъ Яковлевичъ.

Позвольте принести Вашему Высокопревосходительству мою глубокую благодарность за извѣщеніе объ избраніи меня почетнымъ членомъ Юридическаго Общества при С.-Петербургскомъ Университетѣ. Высокая честь, оказанная мнѣ Обществомъ, имѣетъ для меня тѣмъ большую цѣну, что Обществу благоугодно было связать мое избраніе съ чествованіемъ 35 лѣтія Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II, которые имѣли столь благотворное вліяніе на юридическую жизнь нашего отечества и въ составленіи которыхъ я имѣлъ счастье участвовать.

Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы засвидѣтельствовать Вашему Высокопревосходительству мое глубокое уваженіе и искреннюю преданность. А. Книримъ.

5) Отъ В. Д. Спасовича:

Милостивый Государь

Эдуардъ Яковлевичъ.

Прибѣгаю къ Вашему благосклонному посредству съ просьбою выразить Юридическому Обществу при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ мою живѣйшую признательность за оказанную мнѣ высокую почесть избранія меня въ свои почетные члены. Это избраніе, превосходящее мѣру моихъ скромныхъ заслугъ, тѣмъ для меня дороже, что оно послѣдовало въ памятный для всѣхъ русскихъ юристовъ день исполнившагося 35 лѣтія великаго дѣла—судебной реформы въ Россіи. Лучшіе годы моей жизни были посвящены этому дѣлу, ему желаю я посвятить и остатокъ моей дѣятельности на поприщѣ общественномъ.

Прошу принять увѣреніе въ чувствахъ глубочайшаго уваженія и искренней преданности, съ которыми остаюсь Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою, В. Спасовичъ.

Протоколъ общаго собранія юридическаго общества 9 октября 1899.

Засѣданіе открылось въ 8^{1/2} ч. веч. подъ предсѣдательствомъ Э. Я. Фукса.

Послѣ избранія новыхъ членовъ общества (см. протоколъ настоящаго общаго собранія въ „Вѣстникѣ Права“, октябрь) состоялось продолженіе бесѣды объ адвокатурѣ (по поводу замѣчаній комисіи юридическаго общества на проектъ о повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ и рѣчи „объ адвокатурѣ“, произнесенной дѣйств. членомъ общества М. М. Винаверомъ въ общемъ собраніи 1 мая 1899 г.). Предсѣдатель напомнилъ, что при первомъ обсужденіи проекта въ общемъ собраніи были затронуты два вопроса—предположенія проекта о дисциплинарной отвѣтственности членовъ совѣта (ст. 54—58 проекта) и о правѣ прокурорской власти представлять протесты на постановленія совѣта о принятіи въ сословіе (ст. 45 проекта). По первому вопросу большинство склонилось въ пользу проекта; второй же вопросъ, разрѣшенный комиссіей юридическаго общества отрицательно, не былъ въ томъ засѣданіи исчерпанъ.

Въ виду этого предсѣдатель предложилъ собранію приступить къ обсужденію 45 ст. проекта.

А. Н. Турчиановъ, поддерживая высказанное имъ ранѣе положеніе, находитъ, что постановленія совѣта о принятіи въ сословіе могутъ подлежать переоцѣнкѣ со стороны прокурорскаго надзора лишь по формальнымъ соображеніямъ, но отнюдь не по существу.

С. С. Соколовъ также возражаетъ противъ предложенія проекта. Какъ можно допустить протестъ, когда у прокурора нѣтъ матеріаловъ для провѣрки основательности убѣжденій совѣта, которыя зачастую слагаются на основаніи свѣдѣній конфиденціального свойства, не заносимыхъ въ протоколъ: въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти свѣдѣнія сообщаются подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы они не оглашались.

Г. В. Слюзбергъ указалъ, что прокурорская власть можетъ свое- временно представить свои возраженія противъ извѣстнаго лица, зачисляющагося въ сословіе, если таковыя имѣются.

М. В. Капланъ находитъ предположеніе проекта крайне вред- нымъ съ точки зрѣнія достоинства и независимости сословія при- сяжнаго повѣреннаго. Комиссія Министерства Юстиціи, какъ видно изъ объяснительной записки, допустила протестъ на постановленія совѣта о приѣмѣ, въ видахъ предупрежденія столкновения поста- новленій совѣта съ общегосударственными интересами. Но Комис- сія не поясняетъ, какимъ образомъ постановленія совѣта о приѣмѣ въ присяжные повѣренные лицъ, удовлетворяющихъ установлен- нымъ закономъ формальнымъ условіямъ и признанныхъ достой- ными этого званія по своимъ нравственнымъ качествамъ, какимъ образомъ эти постановленія, которыя, по сознанію самой комис- сіи, представляютъ достаточное обезпеченіе въ томъ, что ими не нарушаются интересы сословія, могутъ быть несогласны съ интересами общегосударственными. Неужели можно серьезно утверждать, что совѣты являются компетентными и надежными цѣнителями нравственныхъ достоинствъ кандидатовъ въ при- сяжные повѣренные, только въ отрицательномъ направленіи, но отнюдь не въ положительномъ, т. е. что совѣты могутъ окон- чательно и дискреціонно признать, что лицо недостойно званія присяжнаго повѣреннаго, но имъ нельзя предоставить безконтроль- наго рѣшенія того, что проситель достоинъ этого званія. Въ дѣй- ствительности, комиссія не рѣшилась высказать, что право про- курорскаго протеста необходимо для огражденія сословія отъ того, чтобъ по снисходительности или неразборчивости совѣтовъ, въ члены сословія не попадали лица, по своимъ нравственнымъ каче- ствамъ неподходящія. Комиссія не могла не сознавать, что никогда ни прокуратура, ни суды не въ состояніи были держать сословіе на томъ нравственномъ уровнѣ, котораго оно достигло подъ управ- леніемъ совѣтовъ. Комиссія выставляетъ какіе-то, къ сожалѣнію, неопредѣленные ею ближе, общегосударственные интересы. Не ясно-ли, что Комиссія руководилась видами совершенно другого порядка, а именно, что она задалась цѣлью обезпечить за судеб- ною администраціею средства воздѣйствія на личный составъ присяжной адвокатуры съ точки зрѣнія благонамѣренности и благонадежности. Въ самомъ дѣлѣ, протестъ прокурора на поста- новленія совѣта о принятіи присяжнаго повѣреннаго, законныя съ формальной стороны и не могущія по самой природѣ вещей под-

лежать контролю съ точки зрѣнія нравственныхъ свойствъ кандидата, можетъ быть направленъ только противъ лицъ, которыя, имѣя всѣ права на поступленіе въ присяжные повѣренные, заслужили неудовольствіе администраціи, представителемъ которой является прокуроръ.

То обстоятельство, что протестъ прокурора будетъ подлежать разсмотрѣнію судебной палаты (по общему собранію или особому присутствію) не можетъ считаться гарантіею справедливаго рѣшенія, такъ какъ извѣстные щекотливые вопросы, разъ они подняты, представляютъ большія трудности для ихъ разрѣшенія, требуя отъ судей проявленія высокой степени мужества, независимости и безпристрастія. Если даже предположить, что случаи подобныхъ протестовъ будутъ крайне рѣдки и что судебная палата при ихъ разрѣшеніи окажется на высотѣ задачи, то всетаки слѣдуетъ признать, что одно существованіе такого закона принижаетъ званіе присяжнаго повѣреннаго, побуждая кандидатовъ искать расположенія прокурора, вооруженнаго тайнственнымъ средствомъ воздѣйствія на судьбу лицъ, ищущихъ званія присяжнаго повѣреннаго.

Предсѣдатель въ своемъ резюме указываетъ, что заключенія комиссіи юридическаго общества встрѣтили общее сочувствіе. Затѣмъ общее собраніе перешло къ обсужденію темъ, намѣченныхъ повѣсткой настоящаго собранія. Прежде всего—къ вопросу о допущеніи въ адвокатуру лицъ административныхъ вѣдомствъ и профессоровъ (ст. 2 проекта). По предложенію Предсѣдателя, Членъ Комиссіи *М. М. Винаверъ* указалъ вкратцѣ тѣ соображенія, коими руководилась комиссія юридическаго общества въ своихъ замѣчаніяхъ на 2 ст. проекта. Исходя изъ того принципа, что адвокатура должна быть учрежденіемъ независимымъ, комиссія рѣшительно отвергла предложеніе проекта о допущеніи въ адвокатуру лицъ административнаго вѣдомства. По мнѣнію комиссіи, такое совмѣстительство не только подрываетъ принципъ независимости адвокатуры, но и является опаснымъ съ точки зрѣнія интересовъ государственныхъ. Единственное исключеніе, допущенное комиссіей, касается профессоровъ. Хотя они формально состоятъ на государственной службѣ, но связь ихъ съ нею весьма слабая. Между тѣмъ, внѣдреніе въ адвокатуру научнаго элемента принесетъ ей большія выгоды; онъ явится такимъ плюсомъ, который съ избыткомъ покроетъ незначительное нарушеніе принципа.

Въ 1864 г., при составленіи судебныхъ уставовъ, раздавались голоса въ пользу привлеченія профессоровъ въ адвокатуру, но мысль эта встрѣтила сопротивленіе и не нашла себѣ мѣста въ суд. уставахъ.

Протекшій съ того времени опытъ доказалъ неосновательность тѣхъ возраженій, которыя исходили отъ противниковъ мѣры, нынѣ вновь предложенной.

А. Н. Турчаниновъ заявилъ, что онъ въ комисіи высказывался противъ допущенія профессоровъ въ адвокатуру. Это же мнѣніе онъ раздѣляетъ и теперь и, можетъ быть, если бы вопросъ обсуждался въ комисіи въ настоящее время, къ нему применили бы и другіе члены. Нельзя дѣлать исключенія. Разъ ставится отсутствіе отношеній къ государственной службѣ необходимымъ условіемъ адвокатской дѣятельности, то нѣтъ различія между лицами, исполняющими обязанности повѣренныхъ казны по судебнымъ дѣламъ, и профессорами. Въ обоихъ случаяхъ предполагается возможнымъ, что лицо, прежде чѣмъ взять на себя извѣстное дѣло, будетъ поставлено въ необходимость подумать, насколько это совмѣстимо съ интересами его службы. Такія колебанія и сомнѣнія подрываютъ достоинство адвоката, какъ лица независимаго въ своей профессиональной дѣятельности. Нельзя забыть и того, что на адвокатѣ лежитъ веденіе обязательныхъ дѣлъ: защитѣ по назначенію, веденіе гражданскихъ дѣлъ по праву бѣдности.

Обязанность это подчасъ бываетъ тяжела; приходится выступать противъ членовъ высшей администраціи. Насколько положеніе здѣсь бываетъ щекотливо, показываетъ практика. Конечно, и теперь бываютъ случаи, когда адвокатъ самъ себя ставитъ въ зависимое положеніе и отказывается вести дѣло противъ того вѣдомства, которому онъ служить. Но законъ такого зависимаго положенія не долженъ создавать; онъ не долженъ создавать такихъ условій, при которыхъ адвокатомъ могли бы руководить при выборѣ дѣла постороннія соображенія.

Нельзя далѣе, по словамъ *А. Н. Турчанинова*, упускать изъ виду и другую сторону дѣла. Появленіе въ судѣ адвокатовъ, облаченныхъ въ мундиръ съ орденами и звѣздами, нежелательно и вредно въ практическомъ отношеніи. Этотъ внѣшній десогнш нарушаетъ равенство сторонъ въ судѣ и дѣйствуетъ импонирующимъ образомъ на простыхъ людей.

Возражая отъ имени большинства комисіи *І. И. Карницкій* замѣтилъ, что въ принципѣ онъ соглашается съ тѣмъ что вы-

слушанными доводами, но въ вопросѣ о допущеніи профессоровъ врядь ли они являются убѣдительными. По мнѣнію Г. И. Карницкаго, оба аргумента Александра Николаевича не колеблуть защищаемаго комиссіей положенія.

Указывалось, что адвокатъ можетъ стать въ коллизію съ интересами государственной службы. Но вѣдь профессоръ - адвокатъ можетъ отказаться отъ веденія дѣла, сталкивающегося съ интересами вѣдомствъ Министерства Н. П., подобно тому, какъ отказывается отъ веденія извѣстныхъ дѣлъ адвокатъ, состоящій на службѣ у жел. дор. общества.

Другой аргументъ А. Н. Турчанинова, что будто профессоръ получаетъ чины и ордена и этимъ въ качествѣ адвоката дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ на судѣ. На это можно возразить, что и теперь въ адвокатуру поступаютъ лица, достигшія на государственной службѣ высокихъ степеней. Если придерживаться точки зрѣнія Александра Николаевича, слѣдовало бы этихъ лицъ исключить.

Подавляющаго вліянія чиновниковъ въ крупныхъ городахъ не можетъ быть. Всѣ второстепенныя неудобства вполне покрываются тѣмъ серьезнымъ соображеніемъ, что приливъ профессоровъ можетъ благотворно повліять на умственный подъемъ адвокатуры.

Взвѣсивая удобства и неудобства, слѣдуетъ признать, что комиссія не нарушила принципа независимости адвокатуры.

Г. Б. Смізбергъ заявилъ, что комиссія юридическаго общества руководилась и тѣмъ соображеніемъ, что открытіе для профессоровъ доступа въ адвокатуру, быть можетъ, принесетъ взаимную выгоду—какъ адвокатурѣ, такъ и профессорамъ. Не бесполезно имѣть въ виду, что и теоретическое образованіе выиграетъ, если въ рядахъ адвокатовъ окажутся лица, которыя практически знакомы съ правомъ.

Опытъ другихъ странъ подтверждаетъ это. Непослѣдовательно, по мнѣнію оппонента, закрывать доступъ въ адвокатуру профессорамъ, если лица, читающія лекціи въ качествѣ приватъ-доцентовъ, принимаются къ нее безпрепятственно. Развѣ можетъ измѣнить положеніе дѣла то чисто случайное обстоятельство, что приватъ-доцентъ получилъ званіе экстраординарнаго профессора? Идеаль профессоромъ и адвокатомъ одинъ—независимость убѣжденій.

По мнѣнію *гг.* П. А. Капниста, адвокатура по существу не совмѣстима съ профессурой, несомѣстима по характеру своихъ обязанностей. Адвокатурѣ нежелательны такіе люди, которые будутъ цѣликомъ связаны своей профессиональной дѣятельностью, могутъ

ускользать отъ вліянія сословія. Съ другой стороны, нежелательно, чтобы профессора, какъ служители науки, находились въ зависимости отъ матеріальныхъ интересовъ, которыми проникнута дѣятельность адвоката. Университетъ охотно открываетъ свои двери приватъ-доцентурѣ. Но въ качествѣ приватъ-доцента адвокатъ только желанный гость, онъ ничѣмъ не связанъ, имѣетъ право и не читать лекцій.

А. А. Герке, выражая сочувствіе предложенію проекта, находить, что вопросъ о мундирахъ и звѣздахъ устранится, если совѣтъ издастъ распоряженіе, чтобы адвокаты въ судѣ выступали въ обычной формѣ. Помимо этого нельзя предположить, чтобы провинціальныя судьи могли поддаваться такому внѣшнему воздействию, какъ мундиры и звѣзды.

Останавливаясь далѣе на существѣ дѣла—на вопросѣ о несовмѣстимости обязанностей, *А. А. Герке* замѣтилъ:

Дѣйствительно, двумъ богамъ служить трудно. Но, если кто въ силахъ выполнить работу, почему не взяться ему за нее? Вѣдь нельзя считать несовмѣстимыми обязанности адвоката съ обязанностями врача, литератора. Далѣе, развѣ профессоръ не можетъ быть судьей?

Лица, только что занявшія кафедру, не пойдутъ въ адвокатуру. Но затѣмъ, когда освоятся со своей работой, они будутъ располагать достаточнымъ количествомъ времени и на занятія адвокатурой. Все это вопросы, не подлежащіе общему разрѣшенію.

Далѣе неправильно, будто профессоръ, становясь адвокатомъ, подчиняется реальнымъ интересамъ. Это мнѣніе фактически не вѣрно. Всякій, кто вель судебныя дѣла, можетъ смѣло сказать, что матеріальные интересы не стоятъ у адвоката на первомъ планѣ. Въ этомъ отношеніи нѣтъ разногласія между профессурой и адвокатурой.

С. С. Соколовъ сомнѣвается въ томъ, чтобы профессора могли внести научный элементъ въ адвокатуру. Вѣдь послѣдняя не университетъ, не школа, гдѣ занимаются преподаваніемъ. Совмѣстительство обязанностей представляетъ большое зло. Съ этимъ вопросомъ нужно считаться. Правительство нынѣ всячески стремится поставить предѣлы совмѣщенію должностей.

Г. Б. Слюзбергъ, не соглашаясь съ только что сказаннымъ, выражаетъ увѣренность, что профессора окажутся просвѣтительнымъ элементомъ въ адвокатурѣ. Люди, вооруженные богатыми теоретическими знаніями, имѣютъ благотворное вліяніе на адвокатовъ—практиковъ.

Э. Я. Фуксъ указаль, что онъ на опытѣ убѣдился, насколько можетъ быть опасно вліяніе на судъ профессора-защитника. Вліяніе это обуславливается не силой эрудиціи адвоката, а тѣмъ, что послѣдній, выступая предъ присяжными засѣдателями, является своего рода героемъ. Предсѣдательствуя въ судебныхъ засѣданіяхъ, Э. Я. Фуксъ ни разу не вынесъ впечатлѣнія, чтобы профессоръ оказываль своимъ участіемъ въ дѣлѣ ту огромную пользу, которой отъ него ждеть комиссія. Сама комиссія юридическаго общества какъ будто относилась недовѣрчиво къ подготовкѣ профессора и допускаеть испытанія для провѣрки степени его подготовки къ занятіямъ адвокатурой.

Каждое исключеніе—вредно, такъ какъ оно открываетъ дверь другимъ исключеніямъ. По тѣмъ же доводамъ, которые приводятся въ пользу допущенія въ адвокатуру профессоровъ, можно обосновать допущеніе лицъ другихъ профессій.

Упускается при этомъ и другая сторона дѣла. Всѣ такъ желаютъ сохраненія сословности; между тѣмъ, оспариваемое нововведеніе разрушаетъ весь сословный строй адвокатуры.

Объясняя уже высказанную мысль о вредномъ вліяніи профессоровъ—адвокатовъ, А. Н. Турчаниновъ говорить, что онъ имѣль въ виду лишь публику необразованную, которую ослѣпляютъ блестящія отличія.

Вопросъ о сословности—важный вопросъ. Если вспомнить, что адвокатъ подсуденъ совѣту не только, какъ таковой, не только за дѣйствія, имѣющія непосредственное отношеніе къ его профессіи, но и за дѣйствія, которыя влекутъ за собой нарушеніе общественнаго довѣрія къ адвокатамъ, то ясно станеть, что можетъ произойти нежелательный конфликтъ въ воззрѣніяхъ начальства и совѣта при оцѣнкѣ нравственныхъ качествъ извѣстнаго лица. Подобныя разногласія имѣли мѣсто въ практикѣ петербургскаго совѣта, когда одному лицу, занимавшему кафедру, было отказано въ зачисленіи въ сословіе, а другой, не дождавшись исключенія, самъ выбылъ изъ сословія.

В. Н. Герардъ заявилъ, что онъ всецѣло и горячо вотируетъ въ пользу предположенія комиссіи. Доводы противниковъ врядъ ли убѣдительны. Совѣту принадлежитъ право надзора за всѣми безъ исключенія членами сословія. Поэтому, если профессоръ оказалъ виновнымъ въ недобросовѣстномъ поступкѣ, то ничто не мѣшаетъ совѣту исключить его изъ сословія. Боятся вліянія на присяжныхъ засѣдателей едва ли возможно. Импионируетъ лишь

человѣкъ, заслуживающій довѣрія. Къ тому же предъ присяжнымъ можетъ всякій выступить. Предъ судомъ короннымъ адвокатъ поддерживаеъ свое мнѣніе извѣстными мотивами:—и здѣсь участіе профессора принесетъ существенную пользу.

М. М. Винаверъ отмѣчаетъ единодушіе, съ которымъ собраніе встрѣтило принципъ независимости адвокатуры. Голоса, которые раздавались противъ предложеннаго комиссіей исключенія, еще рѣзче подчеркиваютъ правильность основного ея принципа. Изъ числа доводовъ противъ допущенія профессоромъ выдвигалось особенно сильно указаніе на то, что у одного и того же лица не будетъ времени заниматься обоими дѣлами. Но эту заботу государство могло бы, казалось бы, оставить частному лицу. Ни одинъ законъ міра не устанавливалъ еще *количества* труда, которое можетъ быть невозбранно исполнено адвокатомъ въ области адвокатскихъ дѣлъ. Почему же заботиться о количествѣ труда, выполняемаго имъ внѣ адвокатскихъ обязанностей.

Вліяніе профессоромъ можетъ оказаться въ различныхъ формахъ. Совмѣстное веденіе дѣлъ, совмѣстное пребываніе въ залѣ суда во время продолжительныхъ судебныхъ засѣданій, наконецъ, связывающія адвокатовъ, при корпоративномъ ихъ устройствѣ, общія сословныя дѣла—все это создаетъ наиболѣе благоприятную атмосферу для проникновенія теоретическихъ элементовъ въ адвокатуру—элементовъ, въ которыхъ она особенно нуждается.

Предложеніе комисіи не подрываетъ и начала сословности. Нынѣшняя корпорация—не средневѣковый цехъ, который всецѣло поглощалъ личность своихъ членовъ. Нынѣшнія корпорации представляютъ собою соединеніе людей, примыкающихъ другъ къ другу только извѣстнаго рода дѣятельностью. Поэтому возможно въ предѣлахъ данной корпорации соединеніе людей различныхъ сословій.

Наилучшимъ образомъ отмѣчена необходимость и цѣлесообразность обсуждаемаго нововведенія въ трудахъ комисіи 1861 года, выразившейся по вопросу о привлеченіи научнаго элемента въ адвокатуру слѣдующими словами: „этотъ элементъ (профессура) нуженъ для сословія, чтобы навсегда оживить его и облагородить связью съ наукою и ея представителями; чтобы новый процессъ не принялъ рутиннаго механическаго направленія, но былъ постоянно освѣщаемъ свѣтомъ науки; чтобы теорія и практика шли и развивались рука объ руку; чтобы ни въ той, ни въ другой не было ни одностороннихъ заблужденій, ни фальшивыхъ увлеченій;

чтобы создалась, наконецъ, дѣйствительно правильная юридическая жизнь, достойная великаго государства“.

Н. И. Стояновскій заявилъ, что главной задачей составителей судебныхъ уставовъ при организации адвокатуры было создать единство и равенство въ новомъ для Россіи учрежденіи. Возникло опасеніе, что допущеніемъ профессоровъ въ адвокатуру внесена будетъ разнь въ сословіе. Но при той постановкѣ, которую даютъ вопросу сами адвокаты изъ комисіи юридическаго общества, такіа опасенія могутъ отпасть.

Резюмируя пренія, предсѣдатель, *Э. Я. Фуксъ*, сказалъ, что, хотя предложеніе комисіи встрѣтило серьезныя возраженія, но изъ борьбы оно вышло побѣдоноснымъ.

Затѣмъ собраніе занялось обсужденіемъ вопроса о такъ назыв. *délits d'audience*.

М. М. Винаверъ указавъ на историческое возникновеніе вопроса о *délits d'audience*, напомнилъ, что большинство комисіи министерства юстиціи не одобрило введенія особой подсудности для лицъ адвокатскаго сословія, совершившихъ нарушеніе благопристойности въ судебныхъ засѣданіяхъ; меньшинство, ссылаясь на французскую практику, полагало, что и у насъ слѣдовало бы ввести для подобныхъ проступковъ особое присутствіе судебной палаты. Комисіи юридическаго общества, съ своей стороны, не усматривала какихъ либо серьезныхъ основаній къ тому, чтобы ограждать достоинство суда специальными постановленіями. Вопросъ о *délits d'audience* появился во Франціи въ самыя тяжелья для адвокатуры времена, когда она лишилась довѣрія государственной власти. Примѣръ Франціи поэтому неубѣдителенъ. Указаніе на то, что въ столкновеніяхъ адвоката съ судомъ оказываются часто подсудимыми не одни адвокаты, а чины судебныхъ установленій, на которыхъ компетенція совѣтовъ не распространяется,—неубѣдительно, во 1-хъ, потому, что совѣтъ и не производитъ суда надъ чинами судебныхъ мѣстъ, во 2-хъ, потому, что во всякомъ случаѣ на рѣшеніе совѣта допускается протестъ прокурора и окончательно дѣло рѣшается судебною палатою, компетенція которой никѣмъ уже не отрицается.

Н. И. Цухановъ высказывается противъ взгляда комисіи. По мнѣнію оппонента, созданіе особыхъ правилъ, которыя ограждали бы судъ отъ столкновеній магистратуры съ адвокатурой, вредныхъ для дѣла, весьма желательно. Столкновенія эти происходятъ почти исключительно съ немногими лицами, обыкновенно, съ людъ-

ми молодыми, адвокатами, только начинающими свою дѣятельность. Магистратура часто не доводитъ о случившемся до свѣдѣнія совѣта, зная, что правильнаго разрѣшенія дѣла нельзя ожидать: не говоря о томъ, что судять сами присяжные повѣренные, разборъ дѣла страдаетъ многими пробѣлами: совѣтъ не вызываетъ жалобщика, резолюцію постановляетъ на основаніи протокола и допроса одной стороны — обвиняемаго.

Передача этого рода дѣлъ особенной инстанціи тѣмъ болѣе желательна, что вина можетъ быть на сторонѣ магистратуры, дѣйствія которой не подлежатъ оцѣнкѣ совѣта.

В. Н. Герардъ находитъ предлагаемое нововведеніе крайне вреднымъ: оно можетъ повести къ нравственному паденію сословія. Изъ всѣхъ нововведеній, которыя предлагаются при обсужденіи вопроса объ организаціи адвокатуры, эта мѣра заслуживаетъ особаго вниманія. Опровергая доводы, высказанные предшествующимъ оппонентомъ, *В. Н. Герардъ* замѣчаетъ, что въ столкновеніяхъ, имѣющихъ мѣсто на судѣ между магистратурой и адвокатурой, виновной едва ли не слѣдуетъ считать болѣе сильную сторону, вооруженную по закону значительной дисциплинарной властью.

Если правъ *Н. И. Цухановъ*, говоря, что въ столкновеніяхъ участвуютъ лишь извѣстные лица адвокатскаго сословія, то несомнѣнно также и то, что столкновенія были лишь съ небольшимъ числомъ предсѣдателей. Пристрастія совѣта нельзя опасаться. Напротивъ того, никакой судъ не относится такъ строго, какъ совѣтъ къ товарищамъ. Вопреки заявленію *Н. И. Цуханова*, слѣдуетъ сказать, что совѣтъ при вызовѣ свидѣтелей не руководится указаніями обвиняемаго, но самъ вызываетъ ихъ. Памятны дѣла, когда для дачи объясненій являлись въ совѣтъ предсѣдатели окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ. Ссылка на Францію мало говоритъ. Прежде всего во Франціи магистратура иная; затѣмъ обсуждаемая мѣра во Франціи на практикѣ не примѣняется; она существуетъ лишь на бумагѣ.

Заинтересовавшись вопросомъ, въ виду его первостепенной важности, оппонентъ просилъ б. парижскаго батонье *Плуайе* высказаться по этому поводу. *Г. Плуайе* не отказалъ въ своей любезности и прислалъ письмо слѣдующаго содержанія:

„Французскіе законы, дѣйствительно, предоставляютъ судамъ право налагать дисциплинарныя наказанія на адвокатовъ за проступки, совершенные во время засѣданія. Но нельзя не признать

что суды никогда не злоупотребляли своимъ правомъ даже и подъ влияніемъ политическихъ соображеній. . . . Съ того времени, какъ я вступилъ въ ряды адвокатовъ, такого примѣра не бывало.

„Возникающія между президентами судовъ и адвокатами недоразумѣнія разрѣшаются тутъ же въ засѣданіи путемъ обмѣна объясненій. Не только сами суды не возбуждаютъ обвиненія, но они даже не обращаются съ жалобой къ батонье, и, если этотъ послѣдній возбуждаетъ преслѣдованіе, то обыкновенно на основаніи дошедшихъ до него слуховъ....

„На вашемъ мѣстѣ я поступилъ бы точно также, возражалъ бы противъ нововведенія, которымъ вамъ угрожаютъ, но вы ошиблись бы, если бы въ подтвержденіе своихъ требованій ссылались на злоупотребленія, совершающіяся во Франціи“.

А. А. Герке подтверждаетъ, что сословіе присяжныхъ повѣренныхъ относилось всегда строго къ своимъ собратамъ, придавая особое значеніе тому, чтобы адвокаты соблюдали должное уваженіе къ суду. Предлагаемое нововведеніе, по мнѣнію *А. А. Герке*, подрываетъ принципъ равноправности. Если оказывается виновнымъ прокуроръ, то жалоба на него передается начальству. Почему же для адвоката-защитника желаютъ учредить особый судъ?

А. Н. Турчаниновъ возражаетъ противъ замѣчанія *Н. И. Цуханова*, что совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ будто высказываетъ пристрастіе къ обвиняемому, не выслушивая въ то же время другую сторону. При возбужденіи дѣла о присяжномъ повѣренномъ совѣтъ всегда обращается къ чинамъ магистратуры съ просьбой сообщить свѣдѣнія о дѣлѣ, выслушиваетъ свидѣтелей, если они пожелаютъ явиться для дачи показаній. Въ своихъ приговорахъ совѣтъ всегда старался соблюсти тактъ и не входилъ въ оцѣнку поведения предсѣдательствующихъ. Постановленія совѣта могутъ быть опротестованы, и судебная палата всегда имѣетъ возможность подвергнуть переоцѣнкѣ состоявшееся рѣшеніе. Въ видѣ примѣра, иллюстрирующаго дѣятельность совѣта, *А. Н. Турчаниновъ* привелъ случай, когда министерствомъ юстиціи отобрано было свидѣтельство на веденіе дѣлъ у одного помощника присяжнаго повѣреннаго. Послѣдній просилъ совѣтъ разсмотрѣть его дѣло.... Совѣтъ по тщательномъ разслѣдованіи дѣла нашелъ просителя виновнымъ лишь въ двухъ маловажныхъ проступкахъ и въ результатѣ министерство возвратило свидѣтельство помощнику присяжнаго повѣреннаго.

Н. И. Дужановъ замѣтилъ, что ему извѣстны случаи осужденія совѣтомъ предсѣдательствующихъ.

И. А. Корсаковъ возразилъ, что былъ въ практикѣ совѣта случай принесенія протеста на такой приговоръ, но судебная палата оставила протестъ безъ разсмотрѣнія.

Предсѣдатель въ своемъ резюме присоединился къ мнѣніямъ большинства комисіи.

Засѣданіе было закрыто въ 12 час. веч.

Протоколъ засѣданія уголовного отдѣленія 6 апрѣля 1899 года.

Въ засѣданіи, открытомъ въ 8¹/₂ час. веч. подъ предсѣдательствомъ И. Я. Фойницкаго, гость проф. харьковскаго университета И. Г. Оршанскій представилъ докладъ на тему „преступники и преступленіе предъ судомъ науки“.

Сущность доклада сводится къ слѣдующему. Объемъ понятія о преступленіи съ теченіемъ времени измѣняется. Нынѣ отпали преступленія, связанныя съ религіей, нѣтъ мѣста уголовнымъ преслѣдованіямъ за колдовство и др. Съ другой стороны находились новыя преступленія, которыя въ прежнее время считались дѣйствіями безразличными съ точки зрѣнія уголовного права. Преступленіе перестаетъ быть грубо матеріалистическимъ явленіемъ; прежнія догматическія понятія о преступленіи постепенно замѣняются, благодаря успѣхамъ естествознанія, болѣе реальными и въ то же время болѣе стойкими представленіями. Это научное движеніе школъ обязано прежде всего уголовно-антропологической школѣ. Остановливаясь на характеристикѣ теоріи Ломброзо, докладчикъ указалъ, что теорія эта, не смотря на все свое научное значеніе, страдаетъ односторонностью, игнорируя социальныя стороны явленія. Если бы теорія Ломброзо имѣла успѣхъ, то исчезло бы преступленіе, и остались бы одни лишь дѣянія чело-вѣка.

Наиболѣе важные результаты, добытыя естествознаніемъ, быть можетъ, проявляются въ капитальнѣйшемъ вопросѣ уголовного права—въ ученіи о вмѣняемости. Прежнее философское и юридическое ученіе о вмѣняемости и свободѣ воли сводится, теперь, подъ вліяніемъ естественно-научнаго способа мышленія къ во-

просу о законахъ, урвляющихъ чловѣческими поступками. Связь между дѣйствіями чловѣка съ одной стороны, его организаціей и средой—съ другой—вотъ основа и содержаніе практическаго ученія о волѣ. Въ постановкѣ вопроса о вмѣняемости признана крупная переменна: въ прежнее время подвергались изученію обстоятельства, устраняющія вмѣняемость. Нынѣ занимаются вопросомъ о томъ, каковы должны быть условія, чтобы вмѣняемость имѣла мѣсто. Рѣшающую роль въ этомъ дѣлѣ приобрѣтаютъ естественныя науки—фізіологія, психологія и антропологія. Вопросы о вмѣняемости и отвѣтственности практически сводятся къ установленію понятій о душевномъ здоровьѣ и душевной болѣзни.

Душевное здоровье обладаетъ тѣми же отличительными чертами, что и физическое здоровье. Физически же здоровъ тотъ, кто: 1) способенъ приспособляться къ окружающей физической средѣ, 2) обладаетъ извѣстнымъ запасомъ фізіологической энергіи (эта черта, наиболѣе характерная) и 3) въ коемъ *общая* физическая организація не нарушена.

Если одного изъ этихъ условій нѣтъ въ наличности, мы не можемъ называть чловѣка физически здоровымъ. Эта же мѣрка должна быть примѣнена и въ области психики для опредѣленія понятія душевной болѣзни: психически боленъ тотъ, кто не въ состояніи приспособляться къ окружаемымъ физическимъ и социальнымъ условіямъ и не обладаетъ извѣстнымъ запасомъ психической энергіи. Ближайшій масштабъ душевнаго здоровья—воля. Важно при этомъ отличать спеціальное душевное растройство отъ общаго подобно тому, какъ физически здоровый чловѣкъ представляется въ разныхъ типахъ (на тундрѣ и на экваторѣ), такъ и въ области психическаго здоровья имѣются разные типы. Между душевнымъ здоровьемъ и душевною болѣзнью лежитъ обширная переходная область. Это т. н. аномалія развитія на уклоненіе отъ правильнаго развитія. Отсюда слѣдуетъ, что и между вмѣняемостью и невмѣняемостью должна существовать видоизмѣненная вмѣняемость.

Подобно физической, душевная личность предполагаетъ взаимодействие всѣхъ частей организма-физическаго или духовнаго. Но тогда какъ физическая личность существуетъ непрерывно, духовная личность—прерывна: подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ импульсовъ она можетъ какъ бы прекратить свое существованіе.

Поэтому необходимо въ каждомъ данномъ дѣлѣ выяснить, участвовала-ли психическая личность субъекта въ этомъ дѣлѣ или нѣтъ. Переходя далѣе къ 5 тезису своего доклада, И. Г. Оршанскій указалъ, что движеніе человѣческихъ поступковъ слѣдуетъ извѣстнымъ законамъ (ученіе о механизмѣ поступковъ), что существуютъ два основныхъ типа поступковъ—активныхъ и пассивныхъ; отсюда—два основныхъ класса преступленій.

Степень активности и пассивности поступка могла бы явиться идеальной мѣрой степени влѣбности и отвѣтственности.

Далѣе докладчикъ остановился на выясненіи значенія коллективности въ вопросѣ объ отвѣтственности. Тогда какъ прежнее догматическое ученіе брало за основу личность, какъ вполне самостоятельную единицу, анализъ фактовъ открываетъ еще существованіе скрытаго могущественнаго фактора — коллективности. Это—область расширенной личности. Подъ вліяніемъ коллективности функціи личности измѣняются. Чувство сопротивленія дѣлится пропорціонально числу лицъ, составляющихъ массу, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ, энергія и импульсивность, прямо пропорціональны размѣрамъ коллективности толпы (звѣрскіе поступки толпы).

Такимъ образомъ, многія преступленія, съ виду индивидуальныя, суть на самомъ дѣлѣ продуктъ коллективной реакціи. Въ массовыхъ дѣйствіяхъ совершенно измѣняется, даже нерѣдко извращается физиологическій или обычный характеръ реакціи единичной личности. Отвѣтственность индивидуума должна въ этихъ случаяхъ быть ослаблена.

Анализируя далѣе реакцію, вызываемую въ душѣ преступника самымъ свойствомъ и фактомъ преступленія и наказанія, докладчикъ доказываетъ въ 7 тезисѣ, что имѣется два вида реакціи—съ одной стороны положительное—цинизмъ, рецидивизмъ, съ другой стороны отрицательное отношеніе къ факту преступленія и къ своему участию—запирательство, отреченія отъ своего имени. Эта реакція, какъ и бродяжество, не указываетъ-ли въ нѣкоторыхъ случаяхъ на существующее въ душѣ бывшаго преступника, особенно случайнаго, стремленія къ перемѣнѣ своей личности, или вѣрнѣе, къ ея нравственному возстановленію? Практически эта тенденція къ перемѣнѣ личности могла бы быть положена въ основу особаго способа исправленія нѣкоторыхъ преступниковъ. Въ заключеніе докладчикъ, составивъ старый и новый методъ изслѣдованія понятія о преступленіи, далъ краткую характеристику того, что

естествознаніе внесло въ уголовное право и уголовную политику, и отмѣтили необходимость единообразной системы собиранія матеріаловъ и общаго плана ихъ обработки.

Не возражая по существу доклада, *Б. В. Томашевскій* остановился лишь на 7-мъ тезисѣ, касающемся, между прочимъ, бродягъ. По мнѣнію *Б. В. Томашевского*, классъ бродягъ—весьма разнообразенъ по своему составу. Въ немъ встрѣчается не мало больныхъ: заперательство въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ—результатъ слабоумія. Бродяжничество, какъ преступленіе, создано социальными условіями русской жизни.

А. К. Вульфбертъ замѣтилъ, что выслушанный рефератъ—очень сложный, но осталось невыясненнымъ, что составляетъ его центръ тяжести: желаетъ ли авторъ заняться, главнымъ образомъ, изученіемъ вопроса о преступности вообще или его привлекла прежде всего классификація преступниковъ, имѣющая столь важное практическое значеніе. Авторъ, какъ видно изъ 5 и 7 тезисовъ, представилъ двѣ классификаціи, говоря съ одной стороны объ активныхъ и пассивныхъ преступникахъ, и съ другой—о двухъ видахъ реакціи, вызываемой преступленіемъ въ соотвѣтствующихъ классахъ преступниковъ. Но соотношеніе этихъ двухъ классификацій страдаетъ неясностью, и законодателю трудно воспользоваться для своихъ практическихъ цѣлей предложенной группировкой.

Характеристика пассивныхъ и активныхъ преступниковъ не можетъ быть названа ясной: докладчикъ останавливается на чрезвычайно краткихъ указаніяхъ, намѣчая свои классификаціонные типы, вслѣдствіе чего въ обѣ рубрики можно подвести массу разнообразныхъ лицъ.

Что касается до второй классификаціи, то она вызываетъ противъ себя возраженія вслѣдствіе того, что въ ней есть субъекты, которымъ мѣсто и въ первой классификаціи. Слѣдовало бы точнѣе указать сходство и различіе между обѣими классификаціями, иначе отпадаетъ ихъ практическое значеніе.

По вопросу о рецидивѣ, *А. К. Вульфбертъ* находилъ, что вопросъ этотъ затронуть докладчикомъ односторонне. Повтореніе преступленія объясняется цинизмомъ, но нѣтъ рѣчи о вліяніи социальныхъ условій, о дурной организаціи тюремъ.

Вряд ли можно согласиться, что рецидивъ проистекаетъ исключительно изъ цинизма; правильнѣе искать источникъ его въ слабости воли; подъ рецидивистами скрывается масса лицъ, разнообразныхъ по своему психическому строю.

Докладчикъ выдвигаетъ классъ людей, на который возлагаются имъ большія надежды на основаніи признака отреченія отъ своего имени. Но этотъ признакъ можетъ имѣть и неблагоприятное значеніе.

И. Г. Орианскій объяснилъ, что въ своей работѣ онъ пытался естественными науками въ дѣлѣ изученія преступности, изобразить какія видоизмѣненія внесло естествознаніе, какіе факты, перспективы оно можетъ дать въ будущемъ. Докладчикъ случайно остановился на области вопросовъ, которымъ посвящена его работа — и потому деталей отъ него нельзя требовать.

Многимъ онъ пренебрегъ, умышленно не коснулся классификаціи.

По поводу замѣчаній Б. В. Томашевского докладчикъ указалъ, что онъ имѣлъ въ виду лишь здоровыхъ людей. Среди бродягъ есть группа людей, которые охотно отказываются отъ своего имени безъ всякой въ томъ для себя пользы — и эта наклонность характеризуетъ собою извѣстное психическое явленіе.

В. Д. Шидловскій вполне присоединяется къ мнѣнію докладчика о необходимости принять естественно научный методъ при изученіи преступленія.

Воспользовавшись съ возможной полнотой конечными, болѣе или менѣе спорными выводами экспериментальной психологіи, антропологіи и соціологіи, криминалисты достигнуть значительныхъ успѣховъ въ обоснованіи общихъ началъ уголовного права.

Докладчикъ сообщилъ богатый матеріалъ, уясняющій путь, по которому должно слѣдовать изученіе преступника и его преступныхъ дѣяній. Онъ убѣдительно опредѣлилъ значеніе элементовъ преступности, указавъ на взаимодѣйствіе душевныхъ силъ личности и внѣшнихъ условій среды. По мысли референта, криминалисты, изучивъ законы природы человѣка вообще, значительно приблизятся къ установленію положеній, имѣющихъ строго научное достоинство.

Намѣчена возможность открыть общіе естественные законы чело­вѣческихъ поступковъ вообще и въ частности поступковъ пре­ступныхъ.

Одобряя вполне предлагаемыя средства изслѣдованія преступ­ленія и ожидая отъ нихъ въ будущемъ успѣшныхъ результатовъ не только для теоріи уголовного права, но даже и для уголов­наго законодательства, опонентъ, однако, не можетъ согласиться со столь рѣшительнымъ приглашеніемъ автора реферата уже нынѣ примѣнять на практикѣ нѣкоторыя приводимыя имъ положенія посредствомъ соответствующихъ измѣненій въ системѣ дѣйствующихъ уголовныхъ нормъ. Опредѣленіе самосознанія личности, условія ея состоянія, измѣняемости, условія внѣшняго проявленія ея дѣйствій и инья приводимыя положенія опытной психологіи находятся еще въ стадіи общихъ гипотезъ, требующихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій и тщательной провѣрки. Гипотезы эти представляютъ собой богатый матеріаль для теоретическихъ об­сужденій въ области ученія о преступленіи, но едва ли своевре­менно и цѣлесообразно полагать ихъ въ основу столь поспѣшнаго измѣненія дѣйствующаго на практикѣ уголовного законодательства.

И. Я. Фойницкій въ своей заключительной рѣчи высказаль, что со многими выводами докладчика едва ли возможно согла­ситься. Едва ли можно, напр., признать правильнымъ то положе­ніе, что законодатель долженъ помочь субъекту забыть свою лич­ность. Напротивъ, всѣ усилія законодателя направлены на то, чтобы возстановить виновнаго въ его первоначальномъ положеніи. Вызываютъ возраженія и другія мысли докладчика (уменьшеніе отвѣтственности при соучастіи, понятіе измѣненной вмѣняемости). Но суть реферата—не въ выводахъ. Самъ докладчикъ какъ будто говоритъ, что его заключенія носятъ скорѣе характеръ догадокъ, предположеній.

Докладчикъ пришелъ къ намъ изложить занимающія его юри­дическія мысли.

Главнѣйшее достоинство реферата—его интересный матеріаль и освѣщеніе. Послѣдній тезисъ—необходимость созданія такихъ единообразныхъ условій, при которыхъ возможно было бы изуче­ніе преступника—долженъ быть принятъ безъ сомнѣнія и коле­банія. Множество отдѣльныхъ вѣдомствъ собираютъ у насъ ста­тистическій матеріаль о преступности, но дать отвѣтъ на элемен-

тарнѣйшій вопросъ о числѣ преступленій, преступниковъ мы не можемъ, такъ какъ трудно свести къ одному знаменателю труды всѣхъ этихъ вѣдомствъ.

Въ заключеніе предсѣдательствующій принесъ И. Г. Оршанскому благодарность за интересный рефератъ и выразилъ пожеланіе увидѣть въ скоромъ времени болѣе детальную разработку вопроса.

Засѣданіе было закрыто въ 11 час. вечера.

Протоколь засѣданія административнаго отдѣленія 27 марта 1899 года.

Засѣданіе открылось въ 8^{1/2} ч. вечер. подъ предсѣдательствомъ А. К. Фонъ-Резова.

Дѣйствительный членъ общества М. И. Свѣшниковъ прочелъ докладъ на тему „Отношеніе Земства къ народному образованію“.

По словамъ докладчика, развитіе начальной народной школы тѣсно связано съ исторіей земскихъ учрежденій. Понятія „земство“ и „народное образованіе“ переплетаются часто въ общественномъ сознаніи. Заслуги земства въ области народнаго образованія велики. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно, хотя въ бѣглыхъ чертахъ, ознакомиться съ исторіей вопроса.

Начальная народная школа до введенія у насъ земскимъ учрежденій фактически не существовала.

Въ основѣ дореформеннаго законодательства, нормировавшаго народное образованіе, лежалъ законъ 1828 объ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ.

Законъ этотъ имѣлъ странное вліяніе на народное образованіе. Съ его изданіемъ многіе помѣщики стали закрывать школы. Предполагалось укоренить сословныя различія: въ уѣздныя училища принимались лица всѣхъ сословій, задачей же приходскихъ училищъ было провозглашено распространеніе свѣдѣній среди людей низшихъ состояній. Дѣйствуя на этихъ основаніяхъ, народное образованіе мало преуспѣвало. Въ 1881 году появился новый законъ, ограничивающій открытіе школъ въ столицахъ. Въ 1834 г. повелѣно было закрыть приходскія училища въ юго-западныхъ губерніяхъ. Новыя училища разрѣшено было заводить при православныхъ церквахъ

Народное образованіе подѣ влияніемъ полицейскихъ соображеній тормозилось. Непросвѣщенная дѣятельность гр. Киселева не могла не отразиться на школахъ (въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ). Въ 1856 г. всѣхъ начальныхъ народныхъ училищъ на 64 мил. душъ населенія было 8227 съ 450 тыс. учащихся.

Все дѣло народнаго образованія надо было создавать вновь. 28 іюля 1861 г. образована особая коммисія по народному образованію. Въ этой коммисіи возникъ вопросъ, кому должно принадлежать завѣдываніе начальной школой. Въ январѣ 1862 года отданы въ вѣдѣніе Св. Синода школы духовенства.

Анализируя положеніе о зем. учр. 1864 года, референтъ находитъ, что терминологія въ ст. 2 п. 7 „участіе въ попеченіи о народномъ образованіи“—неопредѣленная.

Изъ редакціи положенія мы не можемъ выяснитъ отношеніе земства къ народному образованію, какова степень власти земства надъ своей земской школой. Чтобы выяснитъ характеръ тѣхъ юридическихъ отношеній, въ которыхъ находится земство по вопросу о народномъ образованіи, надо обратиться къ законамъ. Вникая въ оба положенія 1864 и 1890 г., мы должны заключить, что земская школа, какъ терминъ, является учебнымъ заведеніемъ, находящимся въ вѣдѣніи М. Н. П., но содержимомъ на средства земства.

Земская школа находится въ вѣдѣніи М. Н. П., особенность ея заключается въ томъ, что она состоитъ въ связи съ органами самоуправленія.

Между положеніемъ 1864 и положеніемъ о начальныхъ училищахъ 1874 г.—существенное отличіе. Въ этотъ промежутокъ времени вышелъ Высочайшій рескриптъ, данный на имя гр. Толстого. Онъ былъ отвѣтомъ по поводу спора, въ чьемъ вѣдѣніи находится начальная школа. Въ рескриптѣ дворянство призывается къ большому участію въ дѣлахъ народнаго образованія.

Въ положеніи 1864 года была одна сторона вопроса, которая затѣмъ была сознательно выкинута. Согласно положенія 64 г., училищные совѣты кромѣ лицъ, спеціально назначенныхъ, могли пополняться другими лицами.

Положеніе 1874 г. стремится до минимума общественные элементы. Дальнѣйшій анализъ юридическихъ отношеній земства къ правительственнымъ и инымъ установленіямъ въ дѣлѣ народнаго образованія раскрываетъ, по словамъ референта, кар-

тину, весьма ограниченного участка земства въ завѣдываніи т. н. „земской школой“.

Правительство хотѣло свести дѣятельность земства къ финансовой сторонѣ. Финансовый вопросъ—спасительный клапанъ, которымъ земство можетъ расширить свою дѣятельность. Земства старались всячески къ нему прицѣпиться.

Въ 1881 г. присоединилось новое теченіе, которое должно косвенно отразиться на земской школѣ.

Первоначальныя ассигновки на открытіе церковно-приходскихъ школъ, предоставленныя Св. Синоду, возрастаютъ, и новое дѣло развивается постепенно на грандіозныхъ основаніяхъ. Привлеченіе земскихъ начальниковъ въ епархіальные училищные совѣты разсчитано на то, чтобы связать крестьянство съ вновь образовавшейся школой. Земской школѣ грозитъ серьезная опасность, грозитъ полное исчезновеніе.

Между тѣмъ земство, не смотря на поставленныя ему закономъ крайне узкія рамки дѣятельности, явилось у насъ мощнымъ двигателемъ народнаго образованія. Расходъ земства на народное образованіе все возрасталъ: за пятилѣтіе 1871—75 гг. израсходовано было 9% всего земскаго бюджета, 1876—80—13%, 86—90—15, 99. Заслуги земства подтверждены и въ всеподданнѣйшемъ отчетѣ г. министра финансовъ.

Въ послѣдовавшихъ затѣмъ преніяхъ приняли участіе: К. К. Арсеньевъ, М. А. Лозина-Лозинскій, А. О. Бобянский, Н. И. Лазаревскій, Г. А. Фальборкъ, В. Ю. Скалонъ, Ф. И. Родачевъ, М. М. Боровитиновъ и В. И. Чарполусскій.

К. К. Арсеньевъ, присоединяясь всецѣло къ докладу, коснулся тѣхъ теченій, которыя идутъ съ разныхъ сторонъ противъ земскихъ школъ.

Одно изъ нихъ восходитъ къ первоначальной исторіи земства. Указываютъ, между прочимъ, что въ первоначальномъ проектѣ пол. о зем. учр., внесенномъ въ Государственный Совѣтъ, не говорилось объ участіи земства въ народномъ образованіи. Изъ этого безспорнаго факта выводится заключеніе, что земство будто присвоило не принадлежащее ему по закону право, и узурпированіе права произошло потому, что мѣстные органы Министерства Народнаго Просвѣщенія поставлены несовершенно. Но доводы эти, почерпнутые изъ исторіи, не соответствуютъ дѣйствительности.

Нужно припомнить, что въ томъ же проектѣ не говорится о двухъ столь существенныхъ компетенціяхъ, какъ охрана народ-

наго здравія и предупрежденіе эпизоотій. Затѣмъ стоитъ просмотрѣть мотивы Государственнаго Совѣта къ положенію, чтобы убѣдиться въ несостоятельности оспариваемаго мнѣнія. Отсутствіе указаній объ участіи земства въ заботахъ о народномъ образованіи было безсознательное: Государственный Совѣтъ отнюдь не имѣлъ въ виду ограничить участіе земства лишь денежными расходами. Не находитъ подтвержденія въ исторіи и ссылка на недостатокъ мѣстныхъ органовъ. Органы Министерства Народнаго Просвѣщенія существовали давно, существуютъ и нынѣ; число ихъ увеличивается, но никакая правительственная организація, какъ бы она ни была совершенна, не приведетъ къ осуществленію тѣхъ задачъ, которыя преслѣдуетъ начальная школа.

У противниковъ земства есть другой способъ аргументаціи, основанный на соображеніяхъ финансоваго свойства. Говорятъ, что права на существованіе имѣютъ лишь тѣ школы, которыя содержатся на средства общегосударственныя (школы Министерства Нар. Просв. и Св. Синода церковно-приходскія). Земская школа будто подрываетъ единство источниковъ, служащихъ для содержанія школъ. Какъ-бы правительство ни облегчало земскій бюджетъ, положеніе плательщиковъ не измѣнится — свободныя суммы уйдутъ на дѣло народнаго образованія.

К. К. Арсеньевъ замѣчаетъ, что разница въ источникахъ, конечно, есть. Но вѣдь не говорятъ объ уничтоженіи всѣхъ мѣстныхъ расходовъ, такъ какъ иначе было бы упразднено самоуправленіе.

Двойственность кассы — фактъ повсемѣстный, и никакихъ послѣдствій онъ не влечетъ. Наконецъ тѣ, которые отстаиваютъ единство источниковъ, забываютъ, что крестьянство участвуетъ и въ содержаніи церковно-приходскихъ школъ.

К. К. Арсеньевъ задается вопросомъ: почему охраненіе земской школы, вытекающее изъ юридическихъ основаній, намъ такъ дорого? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ послужить краткая характеристика земской школы сравнительно со школой дореформенной.

Прежде учителя набирались случайно, что происходило отъ скудости средствъ или вслѣдствіе отсутствія яснаго взгляда на предметъ. Ту же неустойчивость мы наблюдаемъ нынѣ, въ школахъ грамоты, гдѣ зачастую въ роли учителя выступаетъ пастиухъ, отставной солдатъ. Когда земство приступило къ организаціи школьнаго дѣла, прежняя система, хотя и привлекательная по

своей дешевизнѣ, была оставлена. Земство вступило на новый путь, рѣшивъ открывать поменьше школъ, но на основахъ рациональныхъ. Земству принадлежитъ заслуга въ учрежденіи специальныхъ учительскихъ институтовъ.

Далѣе измѣнился характеръ обученія. Какъ ни толковать положеніе, но первоначальный выборъ учащихся принадлежитъ земству, и, слѣдовательно, оно даетъ тонъ преподаванію.

Наконецъ, нельзя не указать на измѣненія, послѣдовавшія въ школьной дисциплинѣ, проникнутой нынѣ большимъ уваженіемъ къ учащемуся.

Таковы въ немногихъ словахъ заслуги земской школы, жизнеспособна она и теперь, и дальнѣйшее ея сохраненіе тѣмъ болѣе желательно, что теперь на очереди поставленъ вопросъ о всеобщемъ начальномъ обученіи.

М. А. Лозина-Лозинскій указываетъ, что въ періодъ составленія полож. о земскихъ учрежд. не было вполне выяснено понятіе „самоуправленія“. Редакціонная коммисія, опредѣляя компетенцію земства, исходила изъ противоположенія дѣлъ мѣстныхъ и государственныхъ, что нынѣ отвергнуто. Каждое государственное мѣропріятіе имѣетъ и мѣстное значеніе, каждый мѣстный вопросъ имѣетъ значеніе государственное. Не сущностью дѣлъ или отраслей управленія опредѣляется компетенція самоуправленія, а тѣмъ, какія дѣла могутъ быть довѣрены самостоятельному завѣдыванію земства, какъ представителю взглядовъ и интересовъ мѣстнаго населенія, другими словами, въ какихъ дѣлахъ взгляды и интересы мѣстнаго населенія сходятся съ государственными. Съ этой точки зрѣнія, если относительно народной школы на окраинахъ имперіи могутъ возникнуть сомнѣнія и колебанія, то центру, ядру страны, создавшему русское государство, нельзя отказать въ довѣрїи: не бюрократія, а само мѣстное населеніе, союзъ родителей, долженъ быть призванъ завѣдывать воспитаніемъ будущихъ поколѣній.

А. О. Бобянкскій указалъ на вредъ для дѣла народнаго образованія навязыванія школъ какихъ-либо политическихъ идей. Поэтому и окраины не должны быть лишены благодѣтельнаго вліянія земской школы, исключительно преслѣдующей образовательныя цѣли.

Н. И. Лазаревскій замѣтилъ, что заслуги земства въ дѣлѣ народнаго образованія могутъ быть лучше всего выяснены путемъ сопоставленія современнаго состоянія школьнаго дѣла въ земскихъ

губерніяхъ не столько съ состояніемъ школъ въ тѣхъ губерніяхъ до введенія земства, сколько съ современнымъ состояніемъ школъ въ губерніяхъ не земскихъ.

Г. А. Фальборкъ замѣтилъ: Не смотря на недостаточность юридическихъ правъ земства въ области народнаго образованія, земскія и вообще общественныя наши учрежденія имѣли громадное вліяніе на организацію этой важной отрасли общественнаго хозяйства. Усилія администраціи, были постоянно направлены къ ослабленію и даже полному уничтоженію этого вліянія. Тѣмъ не менѣ жизнь брала свое, и оно продолжало развиваться и крѣпнуть. Крупную поддержку своей работѣ земство находило въ Правительствующемъ Сенатѣ, практика котораго представляетъ цѣлый рядъ рѣшеній, охраняющихъ законныя права общественныхъ учреждений въ дѣлѣ завѣдыванія народной школой. Среди общества также все болѣе и болѣе укрѣплялось сознаніе громадной важности предоставленія общественнымъ учрежденіямъ широкихъ правъ въ этомъ отношеніи. И если въ 60 гг., пожалуй, еще можно было колебаться въ томъ, кому должна принадлежать главная роль въ дѣлѣ завѣдыванія народнымъ образованіемъ—государству или общественнымъ учрежденіямъ, то въ настоящее время такимъ колебаніямъ уже нѣтъ мѣста. Во всѣхъ передовыхъ странахъ міра развитіе народной школы идетъ именно въ сторону усиленія вліянія на нее общественныхъ элементовъ. Это замѣчается даже въ такой классической странѣ централизаціи, какъ Франція. Примѣръ нашего отечества также представляетъ собою доказательство вѣрности этого міроваго теченія, такъ какъ у насъ и общественнымъ учрежденіямъ принадлежитъ главная роль какъ въ выработкѣ типа пореформенной народной школы, такъ и въ доставленіи средствъ на ея содержаніе. Попытки умалить значеніе общественныхъ учреждений въ системѣ народнаго образованія страны и усилить вліяніе правительственно-бюрократическихъ элементовъ въ результатѣ могутъ привести только къ вреду для дѣла народной школы.

В. Ю. Скалонъ, выразивъ согласіе съ положеніями докладчика обратился къ финансовой сторонѣ дѣла, составляющей очередной вопросъ настоящаго времени. Матеріальное положеніе нашей народной школы представляется совершенно необезпеченнымъ, такъ какъ у насъ нѣтъ учрежденія, которое было бы обязано содержать ее. Заботы о ней предоставлены земству, городскимъ и сельскимъ обществамъ, но эта забота является лишь правомъ ихъ, а не обязанностью, они имѣютъ право учреждать и содержать школы, но

имѣютъ право и не дѣлать этого, и судьба школьнаго дѣла находится въ зависимости отъ случайности и отъ измѣнчивыхъ взглядовъ земскаго собранія, думы или крестьянскаго схода. До сихъ поръ, правда, школьное дѣло у насъ постоянно развивалось, и въ этомъ отношеніи земству принадлежитъ громадная заслуга, но нельзя не признать, что заслуга эта принадлежитъ земству вообще, разсматриваемому, какъ одно цѣлое; если же разсматривать положеніе дѣла въ отдѣльныхъ губерніяхъ и уѣздахъ, то окажется, что земская дѣятельность крайне неоднородна и неравномѣрна: въ то время, какъ въ однѣхъ мѣстностяхъ паличными школами болѣе или менѣе полно удовлетворяется потребность въ начальномъ обученіи, въ другихъ число школъ крайне недостаточно, и дѣло находится въ зачаточномъ состояніи. Не менѣе разнообразно поставлена и финансовая сторона дѣла: одни уѣзды содержатъ школы всецѣло на земскій счетъ, т. е. привлекаютъ къ участію въ расходахъ на этотъ предметъ всѣ источники обложенія, въ другихъ—наибольшая доля тягости ложится на сельскія общества, которыя, такимъ образомъ, несутъ двойное обложеніе на школу—въ видѣ земскаго и міроваго сборовъ. Настало время измѣнить этотъ ненормальный порядокъ вещей и точно опредѣлить, на кого должна падать повинность содержанія начальной школы.

На это, по слухамъ, обратило вниманіе Министерство Финансовъ. Оно, говорятъ, признало возможнымъ въ виду удовлетворительнаго состоянія государственнаго казначейства, удѣлить болѣе значительную часть государственныхъ средствъ на культурныя потребности и прежде всего на народное образованіе, и возбудило вопросъ о принятіи послѣдняго на счетъ казны. Такому предположенію, если оно дѣйствительно существуетъ, можно только горячо сочувствовать. Коль скоро признана необходимость широкаго, всеобщаго, какъ выражаются теперь, распространенія образованія, эту задачу можетъ взять на себя только государство, ибо только такимъ путемъ можно достигнуть полнаго и повсемѣстнаго удовлетворенія потребности съ одной стороны и равномѣрнаго, а слѣдовательно, и болѣе справедливаго распредѣленія повинности—съ другой. Оба эти требованія не могутъ быть удовлетворены, если школьная повинность будетъ возложена на мѣстный союзъ, даже такія группы, какъ губерніи.

Мы знаемъ, что матеріальныя средства отдѣльныхъ губерній неодинаковы, и что степень состоятельности каждой не находится въ соотвѣтствіи съ ея населенностью и особенно пространствомъ.

Поэтому въ одной губерніи, гдѣ населеніе густо, развита производительность, созданіе школьной сѣти, которая давала бы всѣмъ дѣтямъ доступъ къ образованію, не представляетъ серьезныхъ затрудненій, тогда какъ въ другой, находящейся въ противоположныхъ условіяхъ, не удастся этого достигнуть даже при крайнемъ напряженіи платежныхъ силъ населенія. Возьмемъ для примѣра хотя бы Московскую и Олонецкую губерніи.

Возникаетъ вопросъ, въ чьемъ же вѣдѣніи должна находиться школа, если расходъ на нее приметъ на себя государство. Существуетъ мнѣніе, что административный вопросъ находится въ тѣсной связи съ финансовымъ и разрѣшается сообразно тому, какъ будетъ рѣшенъ послѣдній; такъ напр. учрежденному въ 1896 г. особому совѣщанію по вопросу о принятіи на счетъ казны нѣкоторыхъ расходовъ, лежащихъ на земствѣ, въ томъ числѣ и расходовъ по народному образованію, поручено войти также въ обсужденіе вопроса о порядкѣ завѣдыванія предметами, исчисленными при введеніи земскихъ учреждений. Но вопросы о средствахъ для удовлетворенія извѣстной потребности и о способахъ ея удовлетворенія,—вопросы разные. Первый—вопросъ преимущественно справедливости, второй—вопросъ практическаго удобства. Если раскладка школьной повинности на все государство представляется единственно справедливымъ рѣшеніемъ финансоваго вопроса, то это еще не значитъ, что и завѣдывать школами должны непосредственные органы правительства; необходимо обсудить, какія учрежденія болѣе способны и пригодны къ тому, чтобы наиболѣе полно и цѣлесообразно удовлетворить потребность въ образованіи, потребность, имѣющую значеніе и государственное, и мѣстное. На этотъ вопросъ едва ли можетъ быть два отвѣта. Школьное дѣло такъ сложно: оно обнимаетъ часть педагогическую, учебную и воспитательную, съ одной стороны, и хозяйственную съ другой. Поэтому нельзя поручить этого дѣла съ пользою и увѣренностью въ успѣхѣ исключительно бюрократическимъ органамъ. Да въ этомъ, какъ показываетъ опытъ, нѣтъ и надобности. Наше земское самоуправленіе создало народную школу; оно выработало и планъ таковой организаціи (ему принадлежитъ инициатива выработки „школьной сѣти“ и самое ея осуществленіе), и систему школьнаго хозяйства, и типы школьныхъ зданій, оно, наконецъ, хотя и устранено отъ завѣдыванія собственно учебной частью, оказало несомнѣнное вліяніе и на ея постановку, и, если наконецъ, мы дождались надлежащаго школьнаго закона, онъ въ значительной сте-

пени будетъ основанъ на земскомъ опытѣ. Отнять школу у земства и передать ее бюрократіи или духовенству значило бы убить живое дѣло и на мѣсто содержанія поставить пустую форму.

Такимъ образомъ, для правильной постановки начальнаго образованія нужно, чтобы расходы по содержанію народныхъ школъ были приняты на счетъ государства, а завѣдываніе ими возложено на органы мѣстнаго самоуправления. Только при этомъ условіи возможно введеніе у насъ дѣйствительно всеобщаго и, что необходимо, обязательнаго образованія.

Ф. И. Родичевъ отмѣтилъ новую сторону вопроса, не затронутую въ докладѣ.

Земство сослужило незабвенную службу дѣлу народнаго образованія не только своими денежными затратами, но еще болѣе тѣмъ, что въ лицѣ своихъ лучшихъ дѣятелей положило много дароваго, напряженнаго труда, насаждая школы въ странѣ. Исторія русскаго земства подтверждаетъ лишній разъ, что начальная школа процвѣтаетъ только тамъ, гдѣ къ дѣлу обученія привлекаются общественныя силы; тамъ, гдѣ общество не имѣетъ вліянія на школу, она хирѣетъ. До тѣхъ поръ, пока населеніе стояло особнякомъ отъ школы, распространеніе грамотности шло туго. Картина мѣняется съ призваніемъ мѣстныхъ людей къ заботамъ о народномъ образованіи.

Пропаганда начальнаго обученія велась у насъ людьми, беззавѣтно отдавшимися своему дѣлу. По истинѣ, трудъ сельскихъ учителей—трудъ подвижническій. Все это исчезнетъ, когда на мѣсто новыхъ предприимчивыхъ дѣятелей явится бюрократія, лишенная инициативы и энергіи. Земство далѣе—и это слѣдуетъ ему поставить въ заслугу—выяснило возможность введенія всеобщаго начальнаго обученія. Начальная школа дѣлается всесословной. Помѣщики посылаютъ въ нее своихъ дѣтей; по высокой постановкѣ преподаванія она сдѣлалась привлекательной и для духовенства.

Самой правильной системой финансоваго правительства на школу Ф. И. Родичевъ считаетъ систему приплаты.

М. М. Боровитиновъ, замѣтилъ, что, признавая желательнымъ сосредоточеніе дѣла народнаго образованія въ рукахъ земства, едва ли возможно довольствоваться сохраненіемъ въ будущемъ настоящаго крайне несовершеннаго съ юридической точки зрѣнія порядка вещей. Поручая земству такое важное государственное дѣло, необходимо внести въ него извѣстную регламентацію, и

прежде всего необходимо обеспечить, чтобы призванные къ непосредственному и ближайшему участию въ немъ земскіе органы заключили въ себѣ всѣ условія, обеспечивающія дѣлу правильную постановку; этому требованію могли-бы удовлетворить только спеціальныя органы. Неудовлетворительное положеніе, въ которомъ находится въ настоящее время вопросъ объ управленіи земской школой, имѣетъ своимъ послѣдствіемъ существованіе главныхъ примитивныхъ мѣръ борьбы съ нежелательнымъ направлениемъ въ школѣ, какъ „упраздненіе училищъ, признанныхъ вредными“; лица, завѣдующія школой и отвѣтственные за направленіе ея, закону неизвѣстны; онъ знаетъ только лицъ, ее инспектирующихъ.

В. И. Чернолускій сказалъ: исторія и современная дѣятельность на каждомъ шагѣ представляетъ намъ яркіе примѣры, характеризующіе тенденціи современнаго государства въ области народнаго образованія. Такъ, положеніемъ о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, общественнымъ учрежденіямъ также предоставлено ихъ открывать. Это давало земству широкій просторъ для проявленія своей инициативы, но принадлежащее ему по закону право стѣснено административною практикою. То же самое мы видѣли на окраинахъ. Поэтому и нежелательно усиленіе внимательства государства въ дѣло завѣдыванія народной школой.

Что же касается до финансовой стороны дѣла, то разъ, дѣйствительно, имѣются въ виду интересы народнаго образованія, у государства есть превосходныя средства придти ему на помощь: пусть оно усилитъ источники земскаго бюджета вообще, тѣмъ самымъ оно дастъ новыя средства и народной школѣ. При настоящихъ нашихъ общественныхъ условіяхъ едва ли можно признавать желательнымъ какую либо другую форму увеличенія государственнаго участія въ расходахъ по содержанію народныхъ школъ.

Въ виду того, что оппоненты въ общемъ согласились съ положеніями доклада, М. И. Свѣшниковъ, ограничившійся лишь немногими замѣчаніями, заявилъ, что онъ всецѣло присоединяется къ мысли о безусловной необходимости предоставленія народнаго образованія органамъ самоуправленія.

Засѣданіе было закрыто въ 12 часовъ вечера.

Протоколъ административнаго отдѣленія юридическаго общества 9-го апрѣля 1899 г.

По открытіи засѣданія въ 8^{1/2} час. веч. предѣдательствующимъ К. К. Арсеньевымъ, дѣйствительный членъ общества Л. П. Дымша представилъ собранію докладъ на тему „Казенная продажа питей и ея значеніе въ борьбѣ съ пьянствомъ“.

Сущность доклада сводится къ слѣдующему.

Дореформенные способы взиманія питейнаго налога—откупная и акцизная система оказались несостоятельными съ точки зрѣнія огражденія народной нравственности и народнаго здравія. Особенный вредъ причинила акцизная система, вызвавшая протестъ печати еще въ 80 гг. Качество вина при акцизѣ ухудшилось и продавалось оно со значительнымъ % содержаниемъ сивушнаго масла. Трактирное заведеніе сдѣлалось мѣстомъ безпощадной эксплоатаціи, мѣстомъ спаиванія населенія.

Переходя затѣмъ къ подробной оцѣнкѣ питейной реформы, выразившейся въ законѣ 6 іюня 1894 г. и послѣдовавшихъ къ нему дополненіяхъ, докладчикъ отмѣтилъ двойственный характеръ тѣхъ грандіозныхъ мѣропріятій, которыя были осуществлены Министерствомъ Финансовъ.

Задавшись гуманными предположеніями при введеніи казенной продажи питей, стремленіемъ поднять народную нравственность, улучшить качество вина и упорядочить его потребленіе, Министерство Финансовъ въ то же время вынуждено было считаться съ тѣмъ, что государство въ интересахъ бюджета и при необходимости сохраненія цѣлости дохода не можетъ дѣйствовать свободно, что всѣ блага мѣры и предположенія закона не могутъ клониться къ уменьшенію потребленія вина ниже извѣстной нормы. Но въ общемъ слѣдуетъ сказать, что винной монополіей многое

достигнуто, реформа—несомнѣнный шагъ впередъ и привела къ положительнымъ результатамъ въ смыслѣ оздоровленія населенія и сокращенія пьянства.

Улучшилось качество вина. Согласно 28 ст. закона 6 июня, все вино, поступающее въ продажу, должно быть приготовлено исключительно изъ очищенного путемъ перегонки спирта (ректификованнаго) и быть опредѣленной крѣпости. Далѣе установлены ограниченія относительно мѣста и времени торговли. Хотя всѣ эти правила не имѣютъ безусловнаго характера, но все же они возымѣли свое дѣйствіе. Одна замѣна въ деревняхъ кабака винной лавкой, сидѣлецъ которой не заинтересованъ въ спаиваніи народа и не отпускаетъ вина въ кредитъ, повліяла существеннымъ образомъ на ограниченіе пьянства и пагубныхъ его послѣдствій въ деревняхъ и въ селахъ. Докладчикъ лично видѣлъ, какъ повысилась трезвость народа въ деревнѣ послѣ введенія реформы.

Иначе дѣло обстоитъ въ городахъ; о нихъ реформа какъ будто забыла.

Вспомогательныя къ реформѣ учрежденія, созданныя закономъ 20 декабря 1894 г. для огражденія населенія отъ злоупотребленія крѣпкими напитками, именно попечительства о народной трезвости, пока оказались малодѣтельными, и объясняется это тѣмъ, что находятся новые органы въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ, отъ народа въ виду преобладанія бюрократическаго элемента отстоятъ далеко. Но по идеѣ своей попечительства являются жизнеспособными учрежденіями. Съ устраненіемъ недостатковъ въ ихъ организаціи, съ установленіемъ взаимодѣйствія между ними и обществами трезвости попечительства сослужать великую службу въ борьбѣ съ пьянствомъ.

При обсужденіи доклада Ф. И. Родичевъ не согласился съ тѣмъ, что акцизная система, смѣнившая откупъ, оказалась вредной для народнаго здравія и нравственности. По мнѣнію оппонента, спаиваніе населенія при акцизѣ не усилилось. Напротивъ того, акцизъ не только повліялъ на оздоровленіе администраціи, но, благодаря конкуренціи, улучшилъ также качество вина, которое во время господства откупа подмѣшивалось разными вредно дѣйствующими средствами. Спаиваніе населенія, вмѣняемое въ вину акцизной системѣ,—легенда.

У насъ не было и нѣтъ пьянства, какъ бытового явленія. Правильнѣе видѣть въ немъ особаго рода патологическое состояніе, болѣзненное влеченіе къ вину. И съ этой точки зрѣнія уменьше-

ніе винныхъ лавокъ не поможетъ злу. Даже болѣе того: недостатокъ кабаковъ увеличиваетъ вредъ пьянства, примѣромъ чему можетъ служить Сибирь.

Побороть пьянство можно лишь мѣрами, направленными къ подъему нравственного и умственного уровня населенія; поэтому не правы тѣ, которые возлагаютъ свои надежды на такія правительственныя мѣропріятія, какъ монополія.

Переходя далѣе къ ближайшей оцѣнкѣ новой реформы, Ф. И. Родичевъ находитъ, что она оказалась неудовлетворительной какъ со стороны фискальной, такъ и со стороны экономической. Сообщенія объ интересахъ фиска заняли въ реформѣ преобладающее мѣсто. Когда при покойномъ министрѣ Вышнеградскомъ появились первые проекты винной монополіи, то во всеуслышаніе заявлялось, что питейный доходъ обогатитъ казну. Но въ дѣйствительности съ введеніемъ монополіи ожиданія эти не сбылись, въ чемъ можно убѣдиться изъ отчетовъ главнаго управленія казенной продажи питей. За первое полугодіе 1895 г. въ южныхъ губерніяхъ потребление вина уменьшилось на 19,2% противъ средствъ полугодоваго количества за послѣднія 10 лѣтъ. Отчетъ объясняетъ, это тѣмъ, что годъ былъ неурожайный, что евреи не ведутъ торговли виномъ. Но, несомнѣнно, что и повышеніе цѣнъ на вино имѣло немалое вліяніе. Въ первое полугодіе 1895 г. населеніе заплатило за вино на 639 тыс. р. болѣе, нежели платило раньше. Если бы населеніе выпило при акцизной системѣ то количество вина, которое вышло при монополіи, то заплатило бы за него менѣе на 7 мил. р. Доходъ же казны остался неизмѣннымъ. Въ восточныхъ губерніяхъ мы видимъ иную картину. Потребленіе вина увеличилось; доходъ казны возросъ на 5 милл. руб. Финансовый успѣхъ съ перваго взгляда какъ будто несомнѣнный. Но, если произвести подсчетъ издержкамъ взиманія, то окажется, что онѣ достигаютъ 253% чистаго дохода.

Одинаковая стоимость вина въ большой и малой посудѣ повела за собою то, что въ городахъ, гдѣ вино покупается въ малой посудѣ, оно почти не измѣнилось въ своей цѣнѣ; въ деревняхъ же, гдѣ вино покупается, главнымъ образомъ, четвертными, оно сильно вздорожало, и вся тяжесть питейнаго налога поэтому перенесена съ городского населенія на менѣе обезпеченное сельское населеніе. Слѣдовательно, опытъ, произведенный въ восточныхъ губерніяхъ, не можетъ быть названъ блестящимъ, казенное хозяйство и тутъ оказалось неудачнымъ. Одни канцелярскіе расходы до-

стигаютъ краснорѣчивой цифры—5 коп. на ведро. Если бы таковы были издержки въ частномъ хозяйствѣ, оно бы давно разорилось.

Экономическіе результаты новой реформы представляются оппоненту столь же сомнительными, какъ и фискальные, при акцизѣ конкуренціей. Чтобы достигнуть продажи ректификованнаго спирта, не было надобности вводить монополію. Благодаря конкуренціи, очистка вина улучшилась при акцизной системѣ послѣ того, какъ съ 1892 г. начали возвращать терявшійся при ректификаціи спиртъ, его все чаще и чаще выпускали въ продажу ректификованнымъ. Продажа низкопробнаго вина возможна и теперь, и скрыть ее легче прежняго. Надзоръ акциза былъ дѣятельнѣе и строже; наконецъ само общество могло при старой системѣ слѣдить за злоупотребленіями; монополія же свободна отъ контроля публики.

Оппонентъ сомнѣвается въ томъ, чтобы законъ о питейной монополіи далъ толчекъ движенію трезвости. Заботы о трезвости дѣятельность одной руки, которая не знаетъ, что дѣлаетъ другая рука. Вновь учрежденныя попечительства врядъ ли окажутся полезными. Даже въ Швейцаріи, гдѣ ими отнускается 10% дохода, доставляемаго винной монополіей, ими недовольны.

Резюмируя сказанное, Ф. И. Родичевъ находитъ, что борьба съ потребленіемъ вина, если признать таковое вреднымъ, должна сводиться: 1) къ сокращенію производства вина и 2) къ подъему культуры страны.

Докладчикъ, возражая, объяснилъ, что финансовая сторона вопроса не составляла темы доклада, почему онъ на ней подробно и не останавливался.

Коснувшись затѣмъ отдѣльныхъ замѣчаній оппонента, Л. П. Дымна отстаивалъ то положеніе, что отдаленность кабака имѣетъ огромное вліяніе на уменьшеніе пьянства. Спаиваніе—не легенда. Вѣдь человекъ не рождается пьянымъ. Если согласиться съ оппонентомъ, то придется отказаться отъ всякой борьбы.

Нельзя отказать новой реформѣ въ томъ, что она улучшила качество вина. Гигіеническая цѣль, безспорно, достигнута. Что касается до организаціи винной торговли, то оппонентъ защищаетъ винную лавку въ деревнѣ. Одно то, что винная лавка—закрытое заведеніе, приноситъ положительные результаты. Въ городахъ монополія, дѣйствительно, не даетъ элементовъ борьбы съ пьянствомъ.

Ө. С. Фустовъ находитъ, что юристъ не можетъ относиться сочувственно къ вновь введенной монополіи, видя въ ней мѣру,

нарушившую цѣлый рядъ интересовъ: масса людей, лишившись заработка, разорилась. Нельзя назвать питейную реформу и цѣлесообразной. Министерство Финансовъ не призвано водворять правственность въ народѣ, заниматься его отрезвленіемъ; это дѣло другого вѣдомства—Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, которое могло бы осуществить подобныя задачи черезъ земскихъ начальниковъ.

Докладчикъ отвѣтилъ, что винная монополія была проведена Министерствомъ Финансовъ, какъ учрежденіемъ, вѣдающимъ интересы народного благосостоянія.

Предсѣдатель въ своемъ резюме указалъ, что едва-ли есть основаніе возражать противъ правовой стороны реформы—всякая новая мѣра фактически нарушаетъ какіе-либо интересы. Что касается до основныхъ вопросовъ доклада, выясненныхъ такъ тщательно въ докладѣ, то принципиальныхъ возраженій авторъ не встрѣтилъ; финансовая же сторона предмета, не составляла темы доклада.

Засѣданіе было закрыто въ 11 ч. веч.
